

ББК 76-12
Ж 92

Книга подготовлена при содействии
Института «Открытое общество» (Будапешт)

Редактор — Илья Максаков

Ж 92 **Журналисты** на войне в Карабахе — М.: «Права человека»,
2002. — 183 с.

Книга содержит статьи журналистов, непосредственно работавших во время военных действий в Карабахе, а также материалы о погибших, раненых и пострадавших в то время журналистах. Это первая попытка рассказать о профессиональных проблемах журналистов во время войны. Книга рассчитана на журналистов, студентов и исследователей широкого профиля.

ББК 76-12

ISBN 5-7712-0236-3

© Центр экстремальной журналистики, 2002

© Художественное оформление, издательство «Права человека», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Агаев Сарван	7
Алекперли Шамиль Сабир оглу	11
Бабаян Григор	18
Бархударян Алвард	24
Гондусов Владимир	39
Деврикян Вардан	52
Демуриян Авет	59
Ишханян Рузанна	68
Керимли Керим	77
Мангасарян Рубен	84
Мовсумлу Сеидага Файя оглу	87
Нагиев Гахраман Наги оглу	92
Писаренко Дмитрий	101
Романов Юрий	111
Сулейманов Махир	142
Эминбейли Эмин	146
Мемориум	
Погибшие журналисты	151
Раненые журналисты	156
Преследования журналистов	162
Указатель имен	173
Указатель СМИ	179
Список географических названий	182

От составителя

Цель лежавшей перед вами книги определялась довольно просто — рассказать о том, как и в каких условиях работали журналисты во время военных действий в Карабахе. Однако в процессе воплощения этой идеи мы столкнулись с трудностями, которые, как оказалось, вполне обычны для послевоенного времени. Скорее всего, даже не послевоенного, а находящегося в стадии затухающего и периодически вспыхивающего в словесных баталиях конфликта.

Мы всячески старались избежать политических оценок событий. Даже написали для авторов специальные правила, в которых попросили их избежать при написании статей оценок политической ситуации, проблем межнациональных отношений, а также уничижительных оценок работы своих коллег, работавших по другую сторону фронта.

Другой проблемой стало упоминание географических названий, принятых в разное время на территории Карабаха, как во времена СССР, так и в период войны. Мы попытались убедить журналистов в том, чтобы они на какое-то время, пока работали над статьями, избавились от избытка патриотизма и написали о том, с какими трудностями они сталкивались во время работы на войне, особенно со стороны своих властей: с цензурой, нежеланием военных и гражданских чиновников делиться информацией и желанием исказить эту информацию таким образом, чтобы было выгодно использовать в пропагандистских целях.

Наконец, нам пришлось учесть такое обстоятельство, в каком порядке должны следовать статьи — по алфавиту фамилий, а не по стране проживания автора.

Кажется, мы попытались избежать многих препятствий. И семь армянских, семь азербайджанских журналистов (по одному из них — уроженцы непосредственно Карабаха), а также двое российских журналистов смогли написать интересную книгу. Кроме этих статей мы создали еще один раздел — «Мемориум», в котором поместили информацию о погибших, раненых и пострадавших журналистах, подвергавшихся преследованиям.

Но, подозреваю, эта книга не может быть окончательным итогом работы журналистов на войне в Карабахе. Оценку их работы смогут дать наши коллеги еще спустя какое-то, возможно длительное, время. Тем не менее свою попытку мы сделали.

Говорят, журналисты могут помочь в прекращении конфликтов. И армянские, и азербайджанские журналисты несколько лет проводят встречи и круглые столы, обсуждают свои проблемы и проблемы своих стран. Часто политики Азербайджана и Армении пытаются использовать эти встречи в своих играх, обвиняя журналистов в разных грехах. Поэтому встречи прерываются, переносятся, но неизменно возобновляются.

В этой связи стоит напомнить, что даже в годы войны между независимыми агентствами Азербайджана и Армении шел интенсивный обмен информацией.

Эта книга — еще одна возможность взглянуть на проблему Карабаха не с позиций политиков. У журналистов была своя работа, в чем-то повторяющая ошибки политиков, но цель ее была чрезвычайно важной — донести информацию о той страшной войне. Ценой жизни тринадцати журналистов. Ценой покалеченных судеб шестнадцати раненых журналистов.

Работа над этой книгой была бы намного сложнее, если бы не помощь и настойчивость национальных редакторов — Шахина Рзаева (Баку) и Давида Петросяна (Ереван), а также руководителя Степанакертского пресс-клуба, эксперта Центра экстремальной журналистики Гегам Багдасаряна.

Отдельное спасибо сотрудникам Фонда Сороса: в Ереване — Давиду Амиряну, в Баку — Фарде Асадову, в Будапеште — Стюарту Чизолму.

Проше читателей быть снисходительными: мы старались быть объективными, но могли допустить ошибки...

***Олег Панфилов,
Директор Центра экстремальной журналистики***

АГАЕВ Сарван

Родился в 1955 году в городе Агдам. В 1983 году закончил Институт русского языка и литературы им. М.Ф. Ахундова. Долгое время работал на комсомольской работе. С 1990 года по сей день — журналист газеты «Карабах».

Средства массовой информации играют неоспоримую роль как в нагнетании, так и в урегулировании межнациональных конфликтов. Часто, стремясь донести факты до населения, представители интеллигенции, а особенно журналисты, допускают неосторожные выражения, что приводит к тяжелым последствиям. Осознавая важность оперативного информирования, надо стремиться делать это беспристрастно, отложив все этнические и национальные предрассудки. К сожалению, не всегда удается придерживаться этого принципа, и нередко неосторожно переданное слово приводило к еще большему обострению межнациональных отношений.

Как и во всех конфликтах, информационный фактор сыграл немалую роль и в армяно-азербайджанском конфликте, вернее, войне, названной «карабахской». В этот период некоторые СМИ с обеих сторон своими неосторожными высказываниями направляли народы по ложному пути и были своего рода катализаторами разжигания конфликта. Я хотел бы верить, что есть и обратные примеры, — в частности, настоящий проект «Журналисты на войне в Карабахе» не служит грязным целям.

Я был в Нагорно-Карабахской автономной области, еще когда конфликт только начинал разгораться. Моя первая статья отражала именно тот период. Она была связана с фактом забрасывания армянами камнями автобуса, движущегося из Агдама в Шушу на территории Аскеранского района. Случайно или по воле судьбы, я

оказался в том самом автобусе. Призванные обеспечить порядок на территории НКАО, советские войска остановили наш автобус. Вместо того чтобы обеспечить безопасное движение автобуса по своему маршруту, они приказали вернуться обратно. Мы с большим трудом смогли добраться до Ходжалы. Моя статья об этом случае, конечно, не могла быть полной, потому что дело касалось советских воинов, которых вообще запрещали упоминать, но и та маленькая опубликованная информация говорила о многом.

Спустя некоторое время после этого случая, в июне 1991 года, было совершено нападение на ферму в Лачинском районе, куда я был командирован. Во время нападения были убиты 9 жителей Лачинского района. Среди них — сотрудники Лачинского районного ОВД Маис Гаджи оглу Ханларов, Азер Агаммед оглу Аббасов. 13-летняя Еганя Гюльназар кызы Гасымова была тяжело ранена, а ее отец был убит. Кроме того, был взят в заложники бригадир колхоза имени Парижской коммуны Беюккиши Агалар оглу Иманов.

Я подробно описал это событие в газете «Карабах» 1 августа. Еще не началась полномасштабная война, и такие случаи преподносились на официальном уровне как межнациональный конфликт. Поэтому зачастую мы были стеснены в подробном изложении фактов. Лишь после 1991 года появилась такая возможность, но тогда возросла и ответственность журналистов. Каждый решал по своей совести, что следует публиковать, а что нет. Например, после захвата в 1991 году города Ходжавенд (Мартуни) высшие руководители Азербайджанской Республики во главе с государственным секретарем Тофиком Исмайловым прибыли в Агдам. А 20 ноября 1991 года 21 человек оттуда на вертолете направились в сторону Мартуни, чтобы увидеть все своими глазами. Их вертолет, возвращаясь, пролетал над армянским селом Гаракенд и был сбит. В этом вертолете погибли и журналисты. Я сделал все возможное, чтобы выехать на место трагедии, но мне это не удалось, так как дороги контролировались армянами. На следующий день на место событий на БТРе направились оперативная группа прокуратуры. Они опознали и вывезли тела погибших. Благодаря усилиям журналиста Чингиза Мустафаева, позже погибшего, было решено допустить на место трагедии несколько тележурналистов. Остальным оставалось довольствоваться информацией из вторых рук. И тут в дело шли личные знакомства. Я, вспомнив свои каналы, направился в отделение милиции района. Там мне удалось узнать подробности трагедии и посмотреть некоторые фотографии. Воспользовавшись случаем, я вызвался помочь в эвакуации тел погибших. Мы вывози-

ли тела в Агдамскую мечеть. Вместе с фотографом мы подготовили подробный репортаж об этой трагедии и опубликовали его в своей газете. В то время в результате искаженной информации государственного телевидения и российских телеканалов было сформировано представление, что вертолет просто потерпел аварию. Но в результате нашего репортажа и материалов других независимых журналистов уже 22 ноября общественность республики была проинформирована об истинных причинах трагедии.

После 20 ноября 1991 года началась настоящая война. Я освещал события не только из Агдама, где находилась наша редакция. Тогда дважды в месяц в Ханкенди (Степанакерте) проходили заседания Организационного комитета, возглавляемого Виктором Поляничко. Наша газета «Карабах» была органом этого Комитета, поэтому я часто присутствовал на этих заседаниях. В 1991 году я был командирован в Физулинский район в период, когда армяне начали атаку на села Курапаткин и Муганлы Ходжавендского (Мартунинского) района. В то время Национальная армия Азербайджана еще не была создана и все проходы контролировались российскими войсками, а у них узнать что-либо было практически невозможно. Всю информацию мы собирали в добровольческих батальонах самообороны.

Конечно, наши материалы подвергались цензуре. Приведу такой пример. Был еще начальный период конфликта. С территории Армении было совершено нападение на поселок Минкенд Лачинского района. Я был на месте события, встречался с очевидцами и выяснил, что в нападении наряду с армянами участвовали и советские военнослужащие. Я собрал документальные подтверждения этого, в том числе и фотоснимки. Однако мой репортаж был опубликован не полностью. Цензура полностью изъяла ту его часть, в которой говорилось об участии советских военных...

В те времена Агдам обороняли несколько батальонов самообороны под командованием Аллахверди Багирова, Гатыра Мамеда, Асифа Магеррамова, а также отряд милиции особого назначения под командованием Фаика Бахшалиева и др. Я часто бывал в этих частях и писал о жизни воинов. Однажды я даже оказался с ними в трехдневном окружении в поселке Гюлистан Шаумяновского района. Самое обидное, что цензура потом не пропустила мой репортаж, так как я писал в том числе и об ошибках наших командиров, в результате чего мы оказались в окружении. В те времена я познал все особенности профессии военного журналиста. Например, в коротких перерывах между боями я пытался завязать разговор с вои-

нами, чтобы лучше узнать их характер. Невольно я вспоминал азербайджанскую поговорку и сравнивал себя с мясником, думающим лишь о жире, в то время когда его жертва печется о жизни.

Как я уже отмечал, с самого начала конфликта мы, журналисты, пишущие о войне, руководствовались внутренней цензурой. Мы понимали, что наши репортажи читаются не только населением нашей страны, но и по ту сторону линии фронта. Нередко прибывшие из Центра корреспонденты различных телеканалов своими необдуманными восторгами оказывали нашим войскам «медвежью услугу». Например, однажды был показан репортаж, в котором отмечался героизм наших бойцов, при этом было упомянуто название одного села и заявлено, что его защищают лишь два воина, но, несмотря на это, население не покинуло свои дома. Наутро мы узнали, что армяне небольшим отрядом взяли это село. Лично я старался избегать в своих репортажах такого рода информации, а иногда направлял письма в соответствующие государственные ведомства.

После того как советская цензура была ликвидирована, наступил период, когда каждый писал все, что хотел, руководствуясь только своей совестью. Лишь потом власти ввели военную цензуру, но и это не создавало серьезных препятствий. Проблемы, конечно, были, но журналисты быстро к ним приспособились и нашли способы их обходить. Приведу пример. В самый разгар боевых действий министр обороны Азербайджана генерал-лейтенант Валех Баршатлы был отстранен от своей должности, несмотря на то, что под его руководством нашим войскам удалось вернуть часть занятых противником территорий. Когда его сняли с должности, я написал статью, осуждающую это решение. Естественно, большая ее часть была вырезана цензурой. Вернее, мне указали, что статья в таком виде не может быть опубликована и ее надо сократить. Тогда мне пришлось схитрить. Я подготовил два макета страницы, на одном из которых статья была в полном объеме, а на другом — с учетом требований цензора. Цензору показал второй вариант, и он дал разрешение на публикацию. А в печать я отдал первый вариант. После выхода газеты на следующий день бедный цензор пришел ко мне и просто спросил: «Неужели ты хочешь, чтобы меня посадили?»

Конечно, было очень трудно писать репортажи с линии фронта, но самыми трудными в моей профессиональной деятельности и вообще в жизни были дни, когда был занят мой родной город Агдам. Мне несравненно труднее было освещать жизнь беженцев, чем писать репортажи о боях.

АЛЕКПЕРЛИ Шамиль Сабир оглу

Родился в 1965 году в городе Сальян. Закончил сперва Бакинский политехнический техникум, затем двухгодичный институт журналистского мастерства. В 1991–1993 годах работал журналистом в газете «Сэхэр» («Утро»). С 1993 года продолжил свою работу в газете «Азербайджан ордусу» («Азербайджанская армия»). В 1997—1998 годах был главным редактором газеты «Ветеран». С 1998 года руководитель пресс-службы Объединения ветеранов войны Азербайджана.

Фронтовым журналистом я стал благодаря ряду событий. Откровенно говоря, отправляясь в зону конфликта, я и не ставил себе такую цель. Шел 1988-й год, это было время подъема народного движения в Азербайджане, но уже стали доноситься тревожные известия о том, что армянское население вырубает заповедный лес Топхана вблизи города Шуша. Первым делом я попытался поехать в регион для участия в добровольном отряде самообороны. Однако в то время Комитет особого управления НКАО во главе с Аркадием Вольским пресекал создание таких отрядов. Поэтому я с группой нескольких молодых людей обратился к руководителю ЦК Комсомола Азербайджана Сахибу Алекперову. Он сказал, что может отправить нас в зону конфликта лишь для проведения строительно-восстановительных работ. Мы приняли это предложение, и уже в середине 1989 года началась стройка поселка Гайгы (Забота) в Лачинском районе.

В то же время мы испытали первую трагедию. Один из самых уважаемых сынов Лачинской земли Рза Садыгов был убит вооруженными армянами вблизи села Галадереси. В его похоронах принимало участие почти все население района. Через несколько дней со стороны армянского села Дыг Горисского района было обстреляно строящееся село Гайгы. Именно об этих событиях я передал свой первый репортаж в газету «Ики сахил» («Два берега»),

внештатным корреспондентом которой я был в то время. (К слову, я печатался в различных изданиях с 1983 года.) В той статье я обвинил руководство Азербайджана в том, что оно отказалось разместить беженцев из Армении в Нагорном Карабахе.

Строительство поселка Гайгы близилось к завершению. Я вернулся в Баку. На дворе стоял 1990 год. В Баку вышла в свет новая информационная газета «Сэхэр», отличающаяся своей смелостью и боевым духом. Ее главный редактор Мезахир Сулейманзаде знал мои статьи в «Ики сахил» и принял меня на должность собственного корреспондента газеты в Карабахе. «Сэхэр» была чисто информационной газетой, поэтому мои заметки были лаконичными. Я всегда пытался сопроводить информацию фотографиями, которые снимал сам.

Все журналисты, работающие в зоне конфликта, знали друг друга, часто обменивались информацией и объединяли усилия при выезде в «горячие точки». Я несколько раз выезжал туда с оператором Министерства обороны Сеидага Мовсумлу. Вспоминаю одну нашу поездку в Губадлинский район. Мы с Сеидагой ходили по окопам и беседовали с солдатами. К нам подошел высокий парень и спросил меня:

— Вы Шамиль Сабир оглу?

Узнав, что это я, он сказал, что решил пойти на фронт под влиянием моих статей в газете «Сэхэр». Лучшей оценки моей работы не могло и быть. Потом парень спросил нас:

— Согласитесь ли вы пойти со мной в село Джибишли?

Мы с Сеидагой Мовсумлу не возражали. Парень еще раз посмотрел на нас испытывающим взглядом и сказал:

— Должен предупредить, что несколько дней назад там взяли мирных жителей в заложники.

Сеидага Мовсумлу ответил:

— Если вы не боитесь идти туда, почему же мы должны бояться?

Мы сели в машину и поехали на передовую. Познакомились с попутчиком — командиром роты Гасаном Гасымовым, более известным как Гасан Горхмаз (Бесстрашный). По приезду он построил своих солдат и представил нас. Гасан Горхмаз категорически отказался позировать перед камерой. Полушутя, полусерьезно он сказал:

— Не обижайтесь, ребята, но тех, кого вы показываете, через день-другой убивают.

Мы беседовали около часа и потом, по настоянию Гасана, вернулись обратно. Потом мы догадались, что общением с журна-

листами командир хотел поднять боевой дух своих солдат перед очень трудным боем. Позже, когда я получил известие о смерти Гасана (он посмертно награжден орденом Знамени Азербайджана), я побывал в этой части еще раз.

Самой оперативной моей работой, конечно же, был репортаж о Ходжалинской трагедии. За несколько дней до захвата Ходжалы, 22 февраля 1992 года, я находился в Агдате. Уже тогда положение в Ходжалы было крайне тяжелым. Несколько раз я безуспешно пытался пробраться туда. Потом решил обратиться к командирам батальонов самообороны Ширину Мирзоеву и Аллахверди Багирову (оба посмертно стали национальными героями Азербайджана). В батальонах говорили, что из Ходжалы собираются выводить мирное население, и для этого открыт коридор в направлении Аскеранского района. Мне посоветовали подождать несколько дней. Но ожидаемая операция по разблокированию Ходжалы почему-то так и не состоялась. До сих пор мне неизвестно, что тогда помешало. Я направился в здание городского совета, где стал свидетелем телефонного разговора заместителя председателя Верховного Совета Тамерлана Гараева и главы исполнительной власти Ходжалы Эльмана Мамедова. Т. Гараев очень уверенным тоном говорил, что «нет оснований для беспокойства», сегодня или завтра «мы вместе будем пить чай в Ходжалы». После этого случая, 23 февраля, я отправил большой репортаж в газету «Ики Сахил» («Сэхэр» давала только новости, поэтому я продолжал сотрудничать и с «Ики Сахил» как внештатный корреспондент и публиковал там объемные материалы). Мой репортаж назывался «Если дела будут продолжаться таким образом, скоро не останется ни президентского дворца, ни президентского кресла».

К сожалению, реальные события оказались намного страшнее наших самых худших опасений. 26 февраля мы уже получили информацию о беспрецедентных событиях в Ходжалы. Прежде чем ее передать, нужно было во что бы то ни стало увидеть все своими глазами. Я попросил командира батальона Аллахверди Багирова помочь мне попасть на место событий. Он выделил нескольких бойцов, и мы направились из села Шелли Агдамского района в сторону Ходжалы. Дальше нефтебазы пройти не удалось, но я снял много кадров и смог поговорить с оставшимися в живых жителями. Они рассказали о масштабах этой трагедии и сообщили, что среди погибших — начальник ходжалинского аэропорта Алиф Гаджиев, командир батальона Тофик Гусейнов и глава исполнительной власти Эльман Мамедов (к счастью, он оказался живым).

Никогда в жизни я не испытывал такого шока. С одной стороны, хотелось бросить все и оказывать помощь обмороженным жителям Ходжалы, с другой стороны, нужно было собрать как можно больше информации. Собрав достаточно материала, я вернулся в Агдам, чтобы передать информацию в Баку.

В то время не было проблем с телефонной связью. Я сразу дозвонился и поговорил с главным редактором газеты «Сэхэр» Мезахиром Сулейманзаде. Лаконично, как того требовал стиль газеты, передал, что Ходжалы оккупирован, при этом убиты сотни мирных жителей. Главный редактор ответил, что такую информацию они не смогут дать, потому что государственное агентство «Азеринформ» сообщило о гибели только двух мирных жителей. Тогда я не смог сдержать слез. Все увиденное прошло перед глазами снова и снова. Мезахир бей стал меня успокаивать, а трубку взял его заместитель Идаят Эльвюсал. Он сказал: «Мы верим тебе, диктуй информацию». Главный редактор тоже заверил меня, что они рискнут и опубликуют в утреннем выпуске мою информацию.

Так и произошло. Утром все республиканские газеты сообщали о смерти двух жителей Ходжалы, и лишь в газете «Сэхэр» говорилось о сотнях погибших мирных жителей. Утром 27 февраля мне сказали, что меня ищут прокуратура и КГБ.

В тот день Агдам напоминал кипящий котел. С одной стороны переносили трупы, с другой стороны приезжали журналисты, представители властей, интеллигенции. В этот момент было принято решение о смене всего руководства района. Это усилило и без того жуткую неразбериху. Боевые батальоны занимались переносом трупов и поиском спасшихся, обмороженных и заблудившихся в лесах людей. Я продолжал собирать информацию, перепроверял поступающие противоречивые новости. Тогда же приехали мои давние знакомые — оператор Сеидага Мовсумлу, сотрудник Азерфильма Низами Аббас и его помощник Эльнур Сейни. От них-то я и узнал, что моя информация опубликована, как я ее передал, и это вызвало бурную реакцию в Баку. Тогда я понял, почему меня разыскивали «компетентные органы». Кстати, оказалось, что в моей информации содержалась одна неточность: глава исполнительной власти Ходжалы Эльман Мамедов остался живым. На следующий день в газете было напечатано опровержение, и я извинился перед ним.

Я снял много фотокадров с места трагедии, но не мог найти надежного человека, чтобы передать пленку в Баку, а сам не хотел покидать район. Наконец 1 марта я попросил преподавателя Азер-

байджанского государственного университета Мисира Рагимова доставить пленку в нашу редакцию. 5 марта в газете «Сэхэр» целая страница была заполнена моими снимками с места трагедии. В тот день проводилась сессия Верховного Совета, на которой обсуждалась публикация. А 6 марта президент Аяз Муталибов был вынужден распрощаться с властью. Вскоре я получил первую премию Фонда прессы как журналист, первым передавший информацию и фотоснимки с места Ходжалинской трагедии.

После ходжалинских событий я ежедневно передавал новости по телефону. В Агдам уже приехало много журналистов, так что появилась конкуренция в поиске информации. Поэтому я поставил себе цель передавать не только самые оперативные, но и самые достоверные новости, всегда старался лично проверить и получить информацию из самых первых рук. Я видел, какую резкую реакцию вызывает искаженная информация. Перепроверка давалась нелегко. Чтобы добраться до места событий, приходилось использовать попутные машины, иногда просить подвезти военных. С другой стороны, материальное положение оставляло желать лучшего. Но несмотря на все трудности, я стремился придерживаться одного правила: не всю информацию передавать в газету. Всегда присутствовал элемент самоцензуры. Например, я не сообщил, как армяне по радио передавали голоса взятых в заложники женщин из Ходжалы, пытаясь деморализовать наших солдат. Но я уверен, что был прав, не передав эту информацию в Баку.

Скоро в зону конфликта стали приезжать и многие иностранные журналисты — из Британии, Турции, США и Франции. Они задавали много вопросов, но незнание иностранных языков затрудняло мое общение с ними. Тогда же кто-то из иностранцев установил спутниковую антенну и стал напрямую передавать репортажи с места событий.

Однажды мы с одним англичанином решили подойти как можно ближе к Ходжалы. Нас сопровождал Элхан Садыхов, старший лейтенант из пресс-службы Министерства обороны. Мы дошли до так называемого 19-го поста, когда на нас посыпались пули. Мы с Элханом очень переживали не столько за себя, сколько за английского оператора, который как ни в чем не бывало продолжал съемки. Позже он сказал, что его жизнь застрахована и, если с ним что-нибудь случится, его семья получит солидные деньги. Он очень удивился, узнав, что мы отправились сюда, не застраховав свои жизни. Действительно, за все время войны моя жизнь не раз висела на волоске. Например, во время наступления наших войск

в Агдеринском (Мардакертском) районе снаряд разорвался всего в нескольких метрах от меня, но осколки чудом не задели меня. Помню, тогда перед глазами встали мои родители. Пережив такие моменты, лучше понимаешь, что чувствуют солдаты. Второй раз я встретился с тем англичанином 10 декабря 1992 года в Зенгилане. Он искренне обрадовался, что я еще жив.

Через некоторое время после ходжалинских событий я отправился в город Шуша, чтобы написать репортаж о жизни ее защитников. Командир батальона самообороны Рамиз Гамбаров сердито сказал мне, что, если будет продолжаться такое безразличие со стороны руководства, скоро и Шушу постигнет участь Ходжалы. Конечно, он это говорил не для печати, но хотел подчеркнуть действительно крайне тяжелое положение. 8 мая 1992 года Шуша была занята, а Гамбаров погиб при обороне города. Впервые достоверную информацию о занятии Шуши и Лачина дала именно наша газета. В тот период прессе упорно внушали, что Шуша переходит из рук в руки, и так продолжалось до 11 мая. То есть в течение трех дней власти сознательно дезинформировали население Азербайджана. И когда мы сообщили в газете «Сэхэр» о падении Шуши, руководство Министерства обороны заинтересовалось, кто же наши источники.

Далеко не все представители власти относились к журналистам благожелательно. Я бы хотел отметить трех глав исполнительной власти, всячески содействовавших нашей работе. Это Ханлар Мамедов в Лачине, Сардар Гамидов в Тертере и Надир Исмаилов, отстраненный после ходжалинских событий от должности главы исполнительной власти Агдама. Вспоминаю случай в Зенгиланском районе. Глава района Тельман Казымов не хотел давать нам машину. После долгих споров он предоставил нам УАЗ, но велел водителю высадить нас на полпути и вернуться обратно. Мы сами добрались до цели. Увидев нас, солдаты очень удивились, что безоружные журналисты пешком прошли столь опасный путь. Кстати, там я встретил 11-летнего мальчика по кличке «Малыш», который каждый день преодолевал эту дорогу и носил солдатам питание. Солдаты радовались нашим появлениям. Бывали и такие, кто из скромности наотрез отказывался публиковать свое имя в газете. Мне запомнилась фраза, сказанная Везиром Оруджевым, одним из самых отважных и уважаемых командиров: «Я сюда приехал служить, а не рекламировать себя».

Завершить статью хочу эпизодом, свидетелем которого мне довелось стать. Однажды в Лачинском районе я встретился с жур-

налисткой газеты «Молодежь Азербайджана» Салатынь Аскеровой. Она не боялась оказываться в самой гуще событий. Однажды Салатынь хотела поехать на территорию, контролируемую советскими солдатами. Ее отказывались пропускать. Тогда Салатынь, одетая в джинсовый костюм, лихо вскочила на комендантского коня и сделала рывок. Солдаты растерялись от неожиданности, а Салатынь закричала им: «Если кто-то сможет меня догнать, обещаю больше не нарушать ваших правил». К сожалению, это оказалась наша последняя встреча. Салатынь Аскерова стала первой азербайджанской журналисткой, погибшей в Карабахе.

БАБАЯН Григор

Родился в 1957 году, по образованию театральный режиссер и кинодраматург. В 1992 году — корреспондент, а затем военный корреспондент газеты «Еркир» («Страна») в Нагорном Карабахе. В 1993 — 1994 годах — заместитель главного редактора газеты «Еркир». Последние годы — инвалид 2-й группы и работает дома. До последнего времени регулярно публиковал свои статьи в газете «Айоц ашхар» («Мир армян»).

Неуклюже, пожалуй, оправдываясь тем, что слишком многое мешает мне с ходу говорить о Карабахской войне (а кому же, интересно, легко и приятно о войне вспоминать?), позволю себе вспомнить события девятилетней давности.

Не люблю журналистов. В последующие за Ходжалу дни и в течение всего марта 1992 года в Карабах прилетало много журналистов. Их путь был нелегким, и иногда они были вынуждены дожидаться вертолета в аэропорту «Эребуни» по несколько дней. В большинстве своем это были профессионалы, не единожды побывавшие в разных «горячих точках» планеты, и, конечно же, они прекрасно понимали, где оказались и что может их ожидать. А мы, армяне, кроме других видов блокад находились еще и в информационной, поэтому приезд каждого журналиста, намеревавшегося написать о нас правду, был благом. Этими неоспоримыми доводами руководствовался и председатель комиссии внешних отношений Верховного Совета Левон Мелик-Шахназарян, который вместе с пресс-секретарем ВС Гегамом Багдасаряном должен был ежедневно ломать голову, где бы в полуразрушенном обстрелянном городе разместить их, чем накормить, как отправить в выбранные ими места и так далее. Но даже его безграничному терпению приходил конец, когда после десяти-, двадцати- и тридцатикратного объяснения, что нет бензина, что «дорогая фрау» или «уважаемый

мсье» не могут поехать в Аскеран, Мардакерт или Мартуни и вернуться, потому что нет этого распроклятого горючего, эти самые «фрау» и «мсье» недоверчиво разглядывали широкие плечи Левона и упрямым полуголосьем жаловались, что им ничего не хотят показывать, что азербайджанцы были гораздо приветливее и практичнее. В конце концов однажды терпение Мелик-Шахназаряна лопнуло окончательно, и на троих американских телевизионщиков он наорал так, что те перепугались, наверное, больше, чем за все время иракской войны. Бедные ребята с мучениями пешком добрались из ходжалинского аэропорта до Степанакерта (сам-то я видел сотни карабахских дедушек и бабушек, вышагивающих путь вдвое и втрое длиннее, напевая что-то себе под нос, да еще с ношей на плечах, но какое может быть сравнение!), поднялись на второй этаж в приемную председателя ВС, побросали свои сумки и расположились на них, протянув длинные ноги к печке-буржуйке. Левон вошел, посмотрел на них, побагровел и загремел голосом бывшего борца:

— Это что за безобразие! Они что, разлеглись бы так в приемной своего президента? Выведите их отсюда!..

Американцев провели в комнату рядом, что для них было несомненной трагедией, потому что в приемной горела печка и стекла в окнах были целы.

В той же приемной случилась и другая история. Итальянский телеоператор, рыжий мужчина лет сорока, все время вертелся в кресле, отрывисто жестикулировал, бормотал что-то...

— Что с ним? — спросил я переводчицу.

— Три дня уже тут сидит, — ответила она. — Недоволен тем, что нечего снимать.

Действительно, город уже третий день почему-то не обстреливали.

Итальянец взглянул на меня, вскочил, поднял руки вверх и на родном языке произнес трехминутную речь. Потом устремил на меня полубезумный взор, уставил указательные пальцы обеих рук пистолетом вперед и отчаянно воскликнул на доступном для моего примитивного ума языке:

— Пиф-паф нету... Войны нету...

Только искренний смех присутствующих удержал меня от благородного позыва устроить для этого коллеги что-то действительно похожее на «пиф-паф».

— Этот придурок был бы счастлив, — сказал я телохранителю Артура Мкртчяна (председатель Верховного Совета в 1991–1992 го-

дах) Або, — если бы на его глазах разрушилось несколько зданий и погибло несколько десятков армян, лишь бы у него было что снимать.

— Ничего, — примирительно сказал Або. — Работа у него такая.

На самом деле не так уж просто было определить, какая у нас работа на войне. Такие вроде бы общепонятные клише, как непредвзятое освещение событий или предоставление объективной информации, не всегда и не полностью исчерпывают действительное содержание этой работы. Объективность, на мой взгляд, здесь просто невозможна. Честность и правдивость, конечно, естественны и обязательны, но объективность при этом зачастую весьма условна: трудно быть непредвзятым, если уже оказался на какой-то одной и единственно для тебя доступной стороне фронта, уже занял чью-то позицию своим выбором или же выбором судьбы.

Есть воюющие стороны, есть третья, так сказать, сторона — очень многосторонняя, но ты, хотя бы теоретически, можешь, конечно же, держаться своей стороны, своей позиции. Вот эта самая позиция и удивила меня, когда я перечитал свою же заметку девятилетней давности. В ней я, оказывается, на стороне чиновника (хотя какой из Левона чиновник — его просто не пустили на войну и определили на работу с дипломатами и прессой). И телохранитель Або, оказывается, был мне ближе и роднее, чем свои же братья-журналисты, которые, преодолев немалые расстояния и большие трудности, не без риска для жизни прилетели в «горячую точку», чтобы рассказать миру правду о Карабахской войне. Или неполную правду. Потому что полную за несколько часов или дней просто невозможно узнать. Но об этом потом.

В действительности журналистская солидарность, конечно же, никоим образом поправа не была, и в контексте других публикаций читателю нашей газеты была совершенно понятна утрированность ситуации. И все-таки мы с коллегами оказались, может быть, на одной стороне, но, безусловно, на разных позициях. Не в идеологическом плане, а, так сказать, дислокационном. Я сидел в окопах, они же стояли где-то далеко за линией огня. Опять же не всегда в буквальном смысле: сидя в одной комнате рядом с той же печкой, мы видели и, соответственно, описывали совершенно разную войну. И опять же не в событийном плане, а в позиционном. И поэтому ни я, ни они никак не могли объективно и непредвзято увидеть все поле войны: я — потому что был слишком близко от нее, они — потому что даже приблизиться к ней не могли, даже

если снимали репортаж с передней линии фронта. Война отвратительно многолика, вернее, извините, многорожа, а мы, несмотря на все наши благородные побуждения и честные усилия, всегда или слишком близоруки, или чересчур дальнорорки. Если в качестве примера привести, скажем, Чечню, то я, например, читатель и телезритель, по прошествии стольких лет не то что не уверен, что знаю про эту войну что-то, а уверен, что почти ничего не знаю. В лучшем случае узнаешь только факты, а факты — это еще не действительность. Ну, не вся действительность.

К фактам, к той же информации в 1992 тяжелом и напряженном году, доступа у меня было несравненно больше, чем у иностранных коллег, которые очень часто и напрасно допытывались того, что я узнавал за несколько минут или уже знал заранее. Но эта кажущаяся привилегия на практике не давала мне почти никаких преимуществ: я не мог оперировать доступной мне информацией так же свободно, как они. Самоцензура была жесткая. И возникла она не в результате внешнего давления или страха перед кем-то или чем-то, а как нечто само собой разумеющееся: владеющие информацией люди, с которыми я общался, и мысли не могли допустить, что я проболтаюсь, скажем, о готовящемся наступлении или еще о чем-то подобном. Иначе наше общение стало бы просто невозможным. Дело было не в дисциплине и не в диктате властей, а в простой порядочности и в чувстве долга, если хотите. Я думаю, это одна из причин, почему в годы войны ни в Армении, ни даже в Карабахе не было цензуры в общепринятом смысле этого слова. Потому что внутренняя самоцензура развилась в огромной степени даже у тех, кто не имел непосредственного отношения ни к армии, ни к политике. Все знали все. Некоторые знали больше. Но не говорили и не писали больше того, что знали все. Такую самоцензуру с улыбкой или без нее можно называть патриотизмом. И что странное я заметил в Карабахе, общаясь и с российскими, и с западными журналистами, «наши» без лишних слов и договоренностей тоже сразу, казалось, понимали и принимали, что да, есть вещи, о которых нужно писать осторожно. Что это, общее советское наследство или что-то другое?

Редакционная цензура наверняка была, но на своей скромной персоне я это никак не почувствовал. И думаю, что дело не в особом уважении к моему мастерству, просто в редакции были абсолютно уверены, что гипертрофированная самоцензура не даст мне написать ни единого лишнего слова. И поверьте, это относится не только ко мне. Хотим мы этого или нет, но журналис-

ты воюющих стран волей-неволей становятся участниками войны. Или же ее противниками (что возможно не только гипотетически), но это тоже своего рода участие. Но как бы там ни было, они, на мой взгляд, никак не могут смотреть на войну трезвым и всеобъемлющим взором. Этот взор изначально затуманен. Могут, конечно, вопреки всем военным и гражданским запретам резать правду-матку обо всех нелицеприятных фактах, но мы же говорим о большем, чем факты. Журналист-еврей в тех же фактах видит совсем не то, что журналист-араб. Иностранцы же видят совсем другое. И даже если предположить, что однажды они слово напишут одно и то же, все равно для их читателей это будет не одна и та же информация. Что же получается: нельзя узнавать из средств массовой информации всю правду о войне? Наверное, можно именно в совокупности всех этих взглядов — противоположных и чужих. Периметр вырисовывается, конечно, весьма приблизительный, но правду жизни, наверное, и нельзя измерять точными науками.

Был случай в Мартуни. Когда мы с моим знакомым добровольцем, воюющим уже второй год, от райцентра шли к соседнему селу, еще занятому азербайджанцами, нас догнал грязно-белый «Москвич», сидящий рядом с водителем лысоватый бородач открыл окошко, хмуро оглянул мою чересчур гражданскую фигуру и строго спросил не меня, а солдата:

— Кто такой?

— Корреспондент, — вместо солдата скромно ответил я.

— Какой газеты? — вопрос был опять к солдату.

Я назвал газету. Бородач посмотрел на меня уже снисходительно и сказал солдату:

— Хорошенько ему все покажи. И с ребятами пусть поговорит. И уехал.

— Кто это был? — спросил я моего провожатого.

— Командир, — ответил он. — Монте.

Да, это был ставший потом легендарным Монте*. И если бы он не благоволил к командировавшей меня газете, то меня тотчас прогнали бы не только с участка фронта, но и вообще из Мартуни. До-ступно и справедливо объясняя это тем, что здесь бомбят и стреля-

* Речь идет об армянине из диаспоры, командире Мартунинского укрепрайона (УРа) Монте Мелконяне — Национальном герое Армении и Нагорного Карабаха, который погиб в 1992 году. М. Мелконяну в Нагорном Карабахе установлен памятник из мрамора.

ют, и вообще всяким журналистам тут не место. Вот тебе и свобода получения информации. Она есть всегда. И ее никогда нет.

Эта относительность часто проявлялась и в том, какие источники информации были наиболее доступны. Иногда, чтобы узнать самую простую новость, приходилось обращаться к самому высокому начальству, потому что подчиненные боялись проговориться и выдать тайны, которых, впрочем, они и не знали. А командиры батальонов, как правило, были гораздо откровеннее, чем их взводные. Однажды поздним вечером прапорщик в штабе не позволил мне связаться с редакцией, и я был вынужден позвонить в Ереван из кабинета... председателя ВС. Но относится это, конечно, не только к Карабаху и не только к военной обстановке: как известно, самые суровые и неприступные люди на свете — это гостиничные швейцары.

Переиначивая известную фразу, можно сказать, что мир прекрасен всегда одинаково, а каждая война уродлива по-своему. На передовой мне приходилось бывать часто и подолгу, и со мной всегда была граната Ф-1. Это было не позерством, а простой необходимостью: на войне всякое может случиться, а после достоверных рассказов о том, что делалось иногда с пленными, я твердо знал — попасть в плен мне нельзя. Европейским журналистам, которым я как-то рассказал об этом, такое было совершенно непонятно. И дай Бог, чтобы не было понятно никому.

БАРХУДАРЯН Алвара

Начальник отдела информации и мониторинга Управления информации при правительстве Республики Армения. Закончила отделение классической филологии Ленинградского государственного университета. До 1994 года работала в Институте языка Академии наук Армении. С 1975 года преподает древнегреческий и латинский языки в различных вузах Армении. С 1991 по 1996 год работала в газете «Айк», печаталась во многих армянских газетах и журналах, на русском и армянском языках, вела передачи на радио «Айк», на 1-м канале телевидения Армении. Лауреат премии Министерства обороны и Союза журналистов Армении «Я солдат Отчизны» (1997 г.).

В начале 90-х, после распада СССР, новая профессия, которую приобретали журналисты, работающие в зоне конфликтов, еще не получила название «экстремальной журналистики» и навыков работы в новом жанре никто из нас не имел. Да и сами термины: «зона конфликта», «район боевых действий», «линия соприкосновения» и т.д. — появились гораздо позже. Сегодня, по прошествии более 10 лет, даже трудно сказать, что тянуло нас в Карабах: романтика, патриотизм, жажда новых ощущений... Уж точно не большие гонорары, которые обычно выплачиваются журналистам в «горячих точках». «Поездки в Карабах для тебя ведь одно удовольствие», — как-то сказал мне редактор моей газеты в ответ на намек о том, что не плохо бы было чуть прибавить в зарплате единственному журналисту, работающему «на войне». Считалось, что мы выполняем свой долг и «торг здесь неуместен». Это было абсолютной правдой, поскольку Нагорный Карабах был именно тем случаем, когда «Родина зовет», и все остальное не имело никакого значения. Может быть, поэтому почти никто из армянских журналистов, многие годы освещавших «зону карабахского конфликта», так и не был удостоен не то чтобы награды (как это бывает в других странах), но и вообще доброго слова за «проделанную работу».

В одной из своих статей я как-то нашла, как мне кажется, точное определение: «Карабах — как наркотик. Кто однажды с автоматом или пером придет сюда, “заболевает” им безнадежно». Всякий раз возвращаясь в Ереван (где меня ждали тогда еще совсем маленькие дочь и сын), приходилось адаптироваться к мирной, размеренной жизни без войны. Грохот снарядов, разрыв авиабомб, беженцы, пленные, разрушенные города и села — весь этот кошмар оставался в далеком Карабахе. Но населению блокадной Армении нужно было рассказать правду о реальной войне и постараться выиграть войну информационную. Так, чтобы сохранить обязательные табу и скрыть отчаяние, рассказать о героях, победах и о зарождавшемся «бизнесе от войны», об азербайджанских военнопленных и армянских беженцах, в панике покидающих свои дома, о жестокости с обеих сторон. «Когда-нибудь я напишу все, что видела в Карабахе, а пока...» — так начинались многие мои репортажи на скорую руку, потому что нужно было срочно передать их в Ереван. И уже дома сделать все как надо. Рассказать «всю правду» мне так и не удалось, но что-то все-таки сказано.

Вначале были призывы к братству между народами

В 1988 году немногочисленные армяне Нагорного Карабаха, поначалу наивно полагающие, что могут использовать свое конституционное право на самоопределение, решили законным путем исправить историческую несправедливость. В ответ на это Азербайджан аннулировал Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО) и началась депортация армянского населения. В 1991 году Нагорный Карабах провел референдум и 2 сентября объявил о независимости. Дальше началась война, которая, как известно, закончилась тем, что стороны конфликта заключили 12 мая 1994 года перемирие, к счастью соблюдаемое по сей день. Сегодня модно рассуждать об информационных полях, потоках, технологиях и т.д. Война давно закончилась, но, говоря о карабахском конфликте, армянская и азербайджанская стороны до сих пор твердят о поражениях и победах в информационной войне. Поэтому начнем с начала этой войны.

В советское время карабахская проблема в информационном плане сводилась к «Событиям в Нагорном Карабахе и вокруг него». «Международный конфликт» преимущественно освещали центральные газеты: «Известия», «Правда», «Комсомольская прав-

да» и Центральное телевидение. В большей степени это была информация о событиях в НКАО, Азербайджане и Армении и поддержки из постановлений партии. Причем в Армении, думаю, как и в Азербайджане, вся информация изучалась «сквозь лупу». В основном материалы центральных СМИ вызывали крайне отрицательную реакцию и воспринимались как антиармянские и провокационные. После одной такой публикации в газете «Правда» в Ереване даже была организована многотысячная демонстрация под лозунгами типа «“Правда” — где твоя правда». Этот период характеризовался стандартами советской тоталитарной системы. Доминировала официальная информация: обращение Михаила Горбачева к двум народам, решения Пленумов ЦК КПСС, ЦК Армении и Азербайджана, речи первых секретарей ЦК КП Армении Карена Демирчяна и Азербайджана Гейдара Алиева. Появлялись статьи и телерадиопередачи, отражающие «точки зрения советской общест-венности», — призывы к братству двух народов, призывы трудящихся из далеких российских городов к армянским друзьям прекратить забастовки, голодовки и т.д. и, конечно, статьи, осуждающие «экстремистов, бородачей и подстрекателей беспорядков» — именно так называла членов комитета «Карабах», будущих руководителей Независимой Армении, коммунистическая армянская пресса. В 1988 году самой независимой армянской газетой стала издаваемая в Степанакерте (Ханкенди) газета «Советский Карабах» (гл. редактор Максим Ованесян), а в Армении с 1990 года — первые независимые газеты «Айк» и «Иравунк». С 1988 года, когда в Нагорном Карабахе начал работать телецентр, началась и ретрансляция телепередач в Армению.

После чудовишных армянских погромов в Сумгаите в феврале 1988 года в армянской периодике стали появляться первые публикации, не санкционированные компартией: серия очерков Шушаник Газарян «Распятому нет смерти» («Авангард»), материалы Самвела Шахмурадяна (погиб в 1992 году в Карабахе) «Геноцид армян в Сумгаите» (об армянских погромах в Сумгаите и судебном процессе над их организаторами), очерк Алвард Петросян «Карабахская мозаика» в журнале «Гарун» и репортажи корреспондента Армен-пресс (работавшего раньше в «Азеринформ») Александра Григоряна из Степанакерта. Сама журналистика конца 80-х — начала 90-х годов уже не была «советской», но все же еще следовала тогдашним стереотипам. С 1992 года некоторые армянские газеты имели своих корреспондентов в Нагорном Карабахе: Ваграм Агаджанян («Азг»), Ашот Бегларян («Голос Армении»), Грант Алексанян («Айк»),

Вардан Деврикан, Григор Бабаян («Еркир»), Норик Марутян («Азатамарт», погиб в Карабахе в 1992 году) и др. С самых первых дней конфликта, еще до начала войны, и, конечно же, в период активных боевых действий в Карабахе работали теле- и радиожурналисты, которых мне бы хотелось отметить: Бакур Карапетян, Корюн Хумарян, Дима Писаренко, Гагик Симонян, Николай Григорян, Эдик Багдасарян и др. Советский и первые годы постсоветского периода были самыми трудными для новой армянской журналистики, поскольку корреспондентам приходилось работать под пристальным взглядом советского и азербайджанского ОМОНа, в любое время они могли подвергнуться действию пресловутого «паспортного режима» и другим карательным акциям, уже не говоря об отобранных лентах, разбитых телекамерах и т.д. По моему глубокому убеждению, гораздо легче стало работать в период активных боевых действий, которые начались сразу же после провозглашения независимости в Нагорном Карабахе. После боев за Лачинский коридор и установления над ним в мае 1992 года контроля армянскими силами самообороны между Арменией и Нагорным Карабахом был открыт единственный наземный путь, по сей день именуемый «Дорогой жизни». По нему мы и ездили в «зону конфликта».

Как там в Карабахе?

Для журналистов самой большой проблемой был транспорт. Из Армении в Нагорный Карабах обычно ездили через Горис, на что, в зависимости от транспорта, уходило от 8 до 12 часов. Иногда из-за обстрела Лачинского коридора приходилось часами простаивать. Подбросить до Степанакерта просили кого-нибудь из чиновников, но чаще ждали машины у Государственного управления по чрезвычайным ситуациям, где выстраивались идущие в Карабах бензовозы, грузовики, другой транспорт. Позже летали на вертолетах. Здесь тоже нужны были знакомства. И если бы не тогдашний начальник аэропорта «Эребуни» Ванцян и его заместитель Мнацаканян, не знаю, смогла бы я так часто бывать в НК. Порой по несколько дней сидели в аэропорту: то нет погоды, то нет керосина. Иногда о полете в Степанакерт узнавали за полчаса до вылета — звонил кто-нибудь из знакомых летчиков и говорил, к примеру, что через двадцать минут взлетаем. Приходилось нестись в другой конец города. Конечно же, вертолет был предпочтительней — 1 час 20 мин лету, и ты уже в Степанакерте, и не надо часами трястись по горным серпантинам. Нынешняя прекрасная дорога Горис — Степанакерт совершенно не похожа на ту разухабину, по которой мы ездили в пер-

вые годы войны. Уехать из Степанакерта тоже было не так-то просто. Особенно вертолетом. Здесь обязательно требовалось разрешение за подписью командующего армией Самвела Бабаяна или председателя Государственного комитета обороны (ГКО) Роберта Кочаряна. Поскольку я работала тогда в газете правящей партии Армянское общенациональное движение (АОД) «Айк», особого труда получить такое разрешение было не нужно. Впрочем, в первые годы войны были всякие казусы. Как-то в 1993 году после операции в Физули мне срочно нужно было лететь в Ереван. С разрешением за подписью Кочаряна приезжаю на взлетное поле (тогда еще в Степанакерте). «Мы вас взять не можем», — говорит мне один защитник Родины с автоматом. Показываю разрешение. «Только за подписью Бабаяна, — орет на меня славный воин, — и вообще, мы ждем раненых». Наконец подъехала группа «раненых» — ими оказались иностранные журналисты из Франс-пресс и немецкой телекомпании (уже и не помню какой). Затаив обиду, пытаюсь «атаковать» вертолет. Но кто-то так огрел меня прикладом автомата, что я вскрикнула от боли. Это-то мне и помогло. Один из карабахских чиновников, сопровождавших иностранцев, заметил меня... Путь в Ереван был открыт. Правда, ходить я не могла несколько дней. Но это был единственный случай. В Ереване, в аэропорту «Эребуни», выстраивались в очередь машины «скорой помощи». Я так и не смогла привыкнуть к обычному на войне вопросу: «Трупы есть, или только раненые?»

До подавления огневых точек в Кельбаджаре и Кубатлы и сам Лачинский коридор, и воздушный путь до Гориса из-за постоянных обстрелов и бомбардировок были чрезвычайно опасными. Каждый раз благополучно пересекая «карабахско-армянскую границу» близ Гориса, мы переводили дыхание. Уже в Нагорном Карабахе в зону боевых действий тоже добирались как могли: на попутных машинах, грузовиках, военной технике. Помимо трудностей с транспортом, нужно было получить разрешение руководства карабахской армии. В 1993 году командующий Самвел Бабаян выдал мне особый пропуск, на котором было написано: «Всем командирам Оборонительных районов оказывать всяческое содействие корреспонденту газеты «Айк» Алвард Бархударян». Попасть на любой участок линии фронта я могла беспрепятственно.

Должна сказать, что командиры и солдаты с особенным вниманием и теплотой относились к журналистам из Армении. Они сопровождали нас на позиции, делили с нами армейские пайки и порой, рискуя своими жизнями, оберегали нас. В конце марта

1993 года на одну из сопок в Лачине нужно было доставить продовольствие и боеприпасы нашим солдатам. Упросилась поехать с военными. Еще день назад высота (которая в течение года несколько раз переходила из рук в руки) находилась в руках противника. Ребята попросили меня не садиться в кабину «Урала», а ехать, стоя на крыле. Трое из солдат встали рядом, заслонив меня от «внешней опасности» и направив дула автоматов в сторону возможного противника. «Если подорвемся на mine, взрывной волной нас отбросит в воздух, поэтому тебя и не посадили в кабину» — так объяснил мне «меры предосторожности» командир группы. И он оказался прав. Буквально через три дня на этой самой дороге этот же самый «Урал» подорвался на mine. Было ранено 16 солдат, трое из них — тяжело...

Запомнилась также поездка в село Эдиллу Гадрутского района летом 1993 года, перед началом операции на Физули. Армянские подразделения уже взяли Агдам. По районам Нагорного Карабаха развозили пшеницу из агдамского элеватора. На одном из таких грузовиков и доехали до Эдиллу. Дорога находилась под постоянным обстрелом со стороны азербайджанских военных формирований. За день до нашего «визита» артиллерийский снаряд попал в грузовик, в котором находились 7 человек. Все погибли. Но самое страшное нас ждало в селе Дудукчи, население которого уже 3 года спасалось от артиллерийско-ракетных обстрелов со стороны Физули в церкви XII века. В ряд — множество кроватей, огромный стол и даже ручная мельница. Журналистку из Армении приняли очень тепло, угостили чем могли. Женщины жаловались, что нет мыла, старики — что нет сигарет. Обычно я привозила из Армении этот «товар», но скольким могло этого добра хватить? Ночью решила остаться у местной учительницы — тикин (госпожи) Розы, дом которой находился в более-менее безопасном месте. Всю ночь противник вел по деревне огонь, моя хозяйка даже спустилась в «бомбоубежище» — собственный подвал. Но утром уже было спокойно. Следующей ночью тоже пришлось пережить бомбежку, но уже в селе Эдиллу. Азербайджанцы вели огонь из соседнего Физули и использовали, по словам военных, ракеты «Кристалл», разрыв которых в ночном небе походил на праздничный фейерверк. Горели крыши домов, дворы. В панике местное население прибежало в бомбоубежище штаба. Все боялись, что снаряды вот-вот попадут в бензовозы. Через некоторое время все утихло — огневые точки противника были подавлены.

Но женщина остается женщиной. Устраивали «бани», стирали как могли, не забывали о макияже и даже имели поклонников. Свою первую, самую настоящую баню в Нагорном Карабахе я не забуду никогда. В середине июля 1992 года большая часть Мардакертского района находилась под контролем азербайджанских сил, и население в панике бежало в Степанакерт. Однажды азербайджанские «Су-25» с утра стали бомбить село Члدران, где находился штаб. Авианалеты я видела впервые, и день показался страшно длинным. Вечером ко мне приходит медсестра Зоя и спрашивает: «Хочешь в баню?» Изумленно смотрю на нее. И в самом деле, в одном из домов был куб, обогреваемый дровами, с настоящим душем. И никакие бомбардировки с воздуха не смогли бы удержать меня от удовольствия «смыть с себя грязь» под струей горячей воды.

Готовили на буржуйках, разделяя с солдатами их скромные пайки. В Степанакерте я жила у своих друзей Дадамянов, разделяя с ними все прелести неустроенного быта степанакертцев — без света, газа, тепла, под постоянной угрозой ракетных обстрелов и авианалетов. Хлеб пекли дома, а привезенные из Еревана продукты — колбаса, сосиски — казались райской пищей. Осенью 1992 года Степанакерт представлял из себя безлюдный город мужчин: из-за постоянных авианалетов женщин и детей пришлось вывезти в Армению. Ложились спать одетыми — в любой момент могли появиться «небесные гости». Радовались пасмурной погоде, потому что с воздуха бомбили в ясные дни. Утром мои друзья не забывали напоминать: держись правой стороны, помни, что из Агдама стреляют, если появится самолет, сразу ложись на землю и укрой голову руками. Перекрестись утром, выйдешь на улицу и идешь по правой стороне...

Материалы писались от руки, в первые годы — без диктофона. Кстати, свой первый диктофон я получила ранней весной 1993 года от архиепископа Гарегина — ныне Его святейшество Католикос всех армян Гарегин Второй. Обычно срочные материалы передавали по телефону или с кем-нибудь, кто уезжал в Ереван. Ведь все ждали от журналистов ответа на вопрос: «Как там в Карабахе?»

...Но что-то все-таки сказано

Была ли у Армении в те годы информационная политика? Имея перед глазами пример России с проблемой Чечни и тем более сегодня — антитеррористическую кампанию Соединенных Штатов, можно сказать, что — нет. Армения официально не участвовала в

войне с Азербайджаном, и государственная пресса и телевидение старались быть сдержанными. Однако все тяготы войны народ Армении сполна на себе испытал, поэтому Нагорный Карабах был в той или иной степени в центре внимания армянских медиа. Постоянно готовили материалы из Нагорного Карабаха военные журналисты Управления информации Министерства обороны Армении. Министерство имело на первом канале гостелевидения свою программу «Военная сила» и издавало газету «Армянский воин». В НКР в годы войны был создан Департамент информации и печати — ДИП (первый руководитель — Марсель Петросян), где, как правило, встречались по приезду в Степанакерт армянские и иностранные журналисты. Вообще же с карабахскими журналистами у нас сложились самые тесные отношения, и без их помощи, особенно телевизионщиков и фотографов, нам было бы работать гораздо сложнее. Впрочем, это тема отдельного разговора.

Оппозиционные СМИ Армении всячески осуждали «неучастие» Армении и «пораженческую политику» ее руководства, более того — готовность президента Левона Тер-Петросяна не сегодня завтра «продать Карабах». Конечно же, с точки зрения государства, находящегося в состоянии войны, такую «двойственность» информационной политики представить трудно. Но такова была реальность. У корреспондентов зарубежных СМИ были другие задачи, они ориентировались на внешний информационный рынок и на работодателей, старались работать на опережение, от них прежде всего требовалась оперативная информация. Другими были потребности «внутреннего информационного рынка», где нужно было по возможности честно показать происходящее в Карабахе и «неучастие» в этом Армении. Это и было нашей собственной информационной политикой. Моим же журналистским кредо стала замечательная строчка Твардовского о войне: «Я ни в чем не виноват, но все же, все же, все же», которому я старалась по возможности следовать. Честно признаюсь: работа на государственные или «проправительственные» СМИ, к числу которых и относилась газета «Айк», приносила меньше проблем. Первый вопрос, который обычно задавался журналистам из Армении, был: «Из какой вы газеты (телеканала, радиопрограммы)?» Проблем в получении информации для меня, в принципе, не было. Легче всего давались материалы о людских судьбах, детях, простых солдатах — тех, с кем встречалась на военных дорогах. Статьи эти никто не проверял, и с точки зрения информации они особой ценности не имели. Но все они бережно хранились дома, их показывали друзь-

ям, родственникам, особенно очерки о погибших. Война вошла почти в каждый карабахский дом, и потери стали неотъемлемой частью повседневности. В 1993 году на одной из сопок в Мартунинском районе погиб и мой двоюродный брат, Ерджаник Бархударян, которому едва исполнилось двадцать. «Ерджаник» в переводе с армянского означает «счастливый». Мой дядя до самой смерти каждый день читал небольшую газетную заметку о сыне, моем братишке, которую я с трудом смогла сделать.

Больше писали о мужчинах — солдатах, командирах, руководителях, а между тем сколько мужественных девчонок и женщин прошло сквозь эту войну. О некоторых из них ходили легенды, о снайпере Маргарит, к примеру. Одна из моих степанакертских знакомых вспоминает: «Представляешь, как-то Маргарит мне говорит: привези в следующий раз смену женского белья, а то мало ли что... Неудобно даже...» Через два месяца Маргарит погибла.

О детях войны я писала с особой любовью. В 1996 году детская газета «Канч» за серию материалов присудила мне специальную премию, очень для меня дорогую. Как и любому журналисту, было приятно, что твои материалы читают, а тебя уже узнают. Но и здесь всякое случалось. Однажды в Лачинском районе на сопке, среди буйной весенней красоты были обнаружены изуродованные, обезображенные трупы попавших в плен наших солдат. На склоне высоты — подбитый танк, повсюду неразорвавшиеся снаряды, пулеметные ленты, клочки одежды, фуражка с чьими-то инициалами на армянском... человеческие кости. Так страшно войну я видела впервые. Спустили с гор трупы, уложили в ящики из-под снарядов установки «Град» и отправили в Армению. Это было перед операцией на Кельбаджар. Я сделала несколько репортажей и как-то один из солдат, читавший их, признался, что они ему не очень понравились: «Вместо того, чтобы написать о наших героях, о том, как мы взяли Кельбаджар, вы пишете о весенних цветах и каких-то кошмарах».

Сложнее было взять интервью, особенно у высоких чиновников. В апреле 1993 года мне удалось разговорить Председателя Комитета Сил самообороны НКР Сержа Саркисяна (ныне министр обороны Армении). Наш разговор я записала на диктофон, сделала материал, послала в Ереван. Только что пал Кельбаджар, и Саркисян подробно остановился на операции, проведение которой было обусловлено целями обеспечения безопасности Мардакертского района. Серж Саркисян никогда не просил материал «на подпись» и в общем не высказывал недовольств. Тогда же удалось

взять первое интервью у командующего Силами самообороны НКР Самвела Бабаяна. Позже «командующий» был рассержен на меня и пообещал больше никогда интервью не давать. Дело в том, что из-за невнимательности компьютерного наборщика возраст Самвела уменьшился на 3 года, и ему это не понравилось. «Что я, по-твоему, в шортах командовал армией?» — обиделся он.

Одним из самых значительных событий в моей журналистской практике была встреча с генералом Зиневицем — с 1993 года начальник штаба Армии обороны НКР. Профессиональный военный, прошедший войну в Афганистане, он был чрезвычайно интересным собеседником, но не очень любил общаться с журналистами, называя нас «несерьезным народом». Никто из журналистов даже не пытался встретиться с генералом (считалось, что он и близко к себе не подпускает прессу), который с 1992 года служил в армии НКР. Мне удалось сделать с Анатолием Владимировичем интервью в августе 1994 года. Но прежде чем напечатать его в Армении, я показала материал министру обороны Вазгену Саркисяну (трагически погибший 27 октября 1999 года во время теракта в армянском парламенте премьер-министр Армении) и, только получив «добро», опубликовала интервью на русском и армянском языках.

Должна сказать, что не только руководство НКР, но и представители оппозиции в те годы шли на контакты с журналистами. Осенью 1992 года, например, мне удалось уговорить на интервью и.о. спикера парламента НКР, члена партии Дашнакцутюн Георгия Петросяна и поместить его в газете правящей партии «Айк», которая, мягко говоря, не очень симпатизировала дашнакам.

Военных разговаривать было нелегко. В августе 1993 года на линии фронта мы с журналисткой из США Ануш Тер-Тальян встретились с командиром батальона Мехаком Мехакианом (погиб в Карабахе в 1994 году). Мехак рассказал о положении на данном участке фронта, показал позиции, но позже, выяснив из какой я газеты, признался, что был бы откровеннее, если бы знал, что я из Армении, а не из Америки, как Ануш. Мне, как репортеру проправительственной газеты, обычно не отказывали в общении и самые неразговорчивые — высокие чиновники Нагорного Карабаха. Заместитель председателя Совмина НКР Жирайр Погосян, к примеру, вообще не давал интервью, но, правда, был очень любезен в общении с журналистами. Осенью 1992 года, прочитав мои статьи, он даже позвонил мне в Ереван и дал разъяснения по поводу некоторых моих замечаний. Председатель ГКО и позже — прези-

дент НКР Роберт Кочарян, по примеру первого президента Армении Левона Тер-Петросяна, избегал общения с армянскими журналистами и также предпочитал иностранцев. «Только не проси меня об интервью», — каждый раз говорил Кочарян при встрече. Впрочем, на короткую, 5–10 минут, беседу у него в кабинете мне Роберта Кочаряна пару раз удалось уговорить, при условии, что я об этом не буду писать. Пожалуй, самым дружелюбным по отношению к журналистам чиновником в военные годы был министр иностранных дел НКР Аркадий Гукасян, ныне президент НКР. Обаятельный собеседник, с тонким чувством юмора, он рассказывал много интересного, но обязательно при этом подчеркивал — «это не для печати». Материалы, особенно на русском языке, я, как правило, давала ему на подпись.

Помимо газеты «Айк» мои материалы из «горячей точки» публиковались в правительственной газете «Айастан Анрапетутюн» и ее русскоязычной версии — «Республике Армения». Учитывая специфику газет, старалась помешать статьи, если можно так сказать, более «глобального» характера — интервью с руководителями Карабаха и карабахской армии, аналитические материалы о путях урегулирования и т.д. Уже после войны я печаталась в независимой «Аравот», где можно было быть гораздо свободней. Первый министр обороны Армении и основоположник армянской армии Вазген Саркисян очень ревностно относился к любым публикациям об армии и вооруженных силах. «Обо мне пишите что угодно, но армию не трожьте», — обычно говорил он журналистам. И все же в его бытность министром в 1997 году за серию критических материалов об армии Министерством обороны Армении мне была присуждена премия «Я солдат Отчизны». Справедливости ради должна сказать, что два офицера по моей вине получили выговор за то, что оказались слишком разговорчивыми с журналистом.

Особо хочется отметить значение русскоязычных СМИ Армении, которые играли большую роль в информационной войне. Среди них в первую очередь — радиопрограмму «Айк» (ее бесценный редактор — Михаил Балаян). Как правило, сразу же по возвращении из Карабаха оперативно готовился радиорепортаж. Иногда я передавала свой материал прямо из Нагорного Карабаха. Как мне часто говорили, «эффект присутствия» в таких передачах был обеспечен. После кельбаджарской операции в одном из детских садов Степанакерта разместились азербайджанские беженцы, которых вывезли из зоны боевых действий в Кельбаджаре наши военные. В основном — старики, женщины и дети. Между-

народная общественность была возмущена «агрессией армян», и нужно было обеспечить контрпропаганду. Азербайджанские беженцы рассказывали, как их, беззащитных, бросили местные власти и спасли армяне. Я «разговорила» несчастных, записала их имена, фамилии и сделала передачу, где на азербайджанском языке они рассказывали о себе и просили родных не беспокоиться. Конечно, это было не только удачной находкой для журналиста, но и хорошей пропагандой гуманности армянских вооруженных сил. Другой такой случай представился в Агдаме в августе 1993 года, где мне удалось побеседовать с азербайджанским военнопленным и русским наемником. Азербайджанец говорил, что не вернется домой, потому что его там убьют, и он останется с армянами, а русский наемник уже готов был идти в бой вместе с армянами «против этих, ну как их, азербайджанцев». У наемников такая профессия — убивать, а кого убивать, для них не важно.

Из русскоязычных печатных СМИ хотелось бы отметить независимую газету «Новое Время» (в те годы просто «Время»), в которой в 1993 году периодически публиковались репортажи из Нагорного Карабаха, в том числе и мои. Без ложной скромности могу сказать, что серию статей в этой газете: «Лучше уж сразу пулю в лоб» (о пленных и заложниках с обеих сторон), «Жаркое лето Гадрута» (об операции на Физули), «Лачинский коридор» (о том, что здесь иногда случалось) и др. — многие читатели помнят до сих пор.

На войне как на войне

Цензура в Нагорном Карабахе, как и в любом государстве, находящемся в состоянии войны, существовала, в том числе и военная, но распространялась она главным образом на карабахских журналистов. В НК действовал закон о военном положении, и журналисты были обязаны ему подчиняться. В ноябре 1992 года я опубликовала интервью с руководителем информационного агентства партии Дашнакцутюн Сергеем Шахвердяном о военной цензуре в Нагорном Карабахе, где он подробно рассказывал, что такое военная цензура и как при ней работается. Мы знали, что в материалах с линии фронта нельзя было указывать географических названий, называть командиров подразделений и указывать их воинские звания. Не указывались места дислокации частей, численность подразделений и т.д. Государственной или редакционной цензуры в общепринятом смысле слова в Армении не было, — правда, редактор мог сократить материал или поменять заголовок.

Военной цензуры, как в Карабахе, тоже не было, во всяком случае в газете, в которой я работала.

Несколько неприятных моментов за эти годы все же пришлось пережить. Однажды я сделала интервью с редактором государственной газеты НКР «Свободный Арцах» Гегамом Багдасаряном. Материал под названием «Тяжелая ноша карабахской журналистики» показался слишком вольным для официальных цензоров и особенно для властей НКР. Мне даже показали мою статью, по которой прошелся цензор и подчеркнул «крамолу». В результате Гегам Багдасаряна уволили с поста редактора, правда придумав другой повод. В мае 1995 года после Первого парада по случаю 3-й годовщины освобождения города Шуши я сделала ряд репортажей для армянской прессы. Приезжаю через месяц в Степанакерт, и пресс-секретарь президента НКР говорит мне: «Роберт Кочарян на тебя так зол, так зол». Я опешила. Оказывается, в русскоязычной газете «Республика Армения» при перечислении «присутствующих на трибуне высоких лиц» я указала вначале руководителей Армении, а потом Нагорного Карабаха, чем и вызвала гнев Кочаряна. Запомнился и визит Евгения Примакова в Степанакерт в мае 1996 года. В то время в рамках «челночной дипломатии» он часто приезжал в регион. Примакова сопровождали несколько московских журналистов. Меня с двумя моими коллегами и москвичей «допустили» в зал, где проходила встреча Кочарян — Примаков. После обмена приветственными речами и выражения уверенности в скорейшем решении карабахской проблемы журналистов попросили удалиться. Моих армянских коллег это не удивило, зато такое «неуважение» вызвало бурю негодования московских журналистов. Они усмотрели в этом ущемление своих прав и признались, что в Баку Гейдар Алиев пригласил на встречу с Примаковым десятки азербайджанских журналистов.

Журналистам иногда приходилось прибегать к маленьким профессиональным хитростям, чтобы опубликовать свою информацию. Как-то в 1996 году после долгих уговоров пресс-секретарь президента согласился рассказать о рабочем дне Роберта Кочаряна. Пока материал готовился к печати, Александр Григорян передумал и попросил его не публиковать. Но беседа получилась интересной, и удержаться от соблазна использовать ее было нелегко. В конце концов я решила вставить в радиопередачу о Нагорном Карабахе отрывок из интервью. Реакция была незамедлительной. «Я же просил тебя не делать этого», — по телефону выговорил

мне Александр. «Я тебе обещала не печатать интервью, но о радио уговора не было», — без зазрения совести отпарировала я.

Больше всего неприятностей было с материалами политического характера, и здесь нужно было быть крайне осторожным. В 1996 году советник президента Армении (в то время — Левона Тер-Петросяна) по внешнеполитическим вопросам Жирайр Липаритян согласился ответить на мои вопросы. К сожалению, по техническим причинам в публикацию попали высказывания советника, которые руководство Армении не хотело бы видеть в прессе. Липаритян лично позвонил мне домой и в резком тоне сделал замечание. Пришлось дать разъяснение в прессе.

Приходит на память еще один драматический эпизод. Накануне отставки президента Армении Левона Тер-Петросяна в феврале 1998 года в армянской прессе появилась информация о том, что «эmissары из Карабаха» побывали в приграничном с Нагорным Карабахом Горисе и публично призывали к перевороту. Из информации следовало, что руководил всем этим министр обороны НК Самвел Бабаян. Я позвонила премьер-министру НКР Леонарду Петросяну (трагически погибшему 27 октября 1999 года во время теракта в армянском парламенте). Тот ответил, что не располагает такой информацией. Тогда я позвонила лично министру. Он не стал отрицать. «Я ваши слова опубликую, господин министр», — сказала я. «Публикуй», — ответил Бабаян. Однако через несколько минут мне позвонили из Департамента информации и печати НКР и попросили согласовать материал с руководством Нагорного Карабаха. Но когда я добиралась до редакции, меня у лифта уже ждал сотрудник представительства НКР, который попросил меня поехать с ним в представительство. Пришлось подчиниться. Только послав статью по факсу и получив «добро» из Степанакерта, я наконец отослала ее в редакцию. Через несколько дней первый президент Армении Левон Тер-Петросян действительно подал в отставку. Повторюсь, что давления цензуры на себе, в принципе, я не испытывала, хотя приведенных выше эпизодов было немало.

В Нагорный Карабах часто приезжали иностранные журналисты, и в общении с ними мы не забывали о цензуре. Однажды в Степанакерте журналисты из Голландии изъявили желание посетить «оккупированные территории». Начальник штаба Армии обороны НКР Анатолий Зиневич приставил к нам офицера, и мы повезли гостей в находящийся под контролем армянских подразделений Агдам. По дороге мы обратили внимание на дорожный ло-

зунг, оставшийся еще с советских времен, на котором огромными буквами было написано: «МИР БЕЗ ВОЙНЫ И ОРУЖИЯ — БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». По прибытии в Агдам голландцы захотели снять «жуткое зрелище». Однако командир полка Виталий Баласанян разрешил им сфотографировать только мечеть и памятник героям Великой Отечественной войны, которых не коснулась Карабахская война. «На войне как на войне», — улыбнулся командир. Когда же мы приехали в полностью сожженное азербайджанцами армянское село Храморт, я сказала голландским журналистам: «А теперь снимайте. Можете написать, что армяне после этого поступили с Агдамом точно так же».

Вообще, нужно сказать, что после войны журналистам в Нагорном Карабахе стало работать гораздо сложнее, в том смысле, что «героическое время» завершилось и началось время иное. Может быть, этим и объясняется то, что время военных журналистов как бы ушло с окончанием войны, хотя мы, о себе я могу сказать точно, еще какое-то время по инерции приезжали в «зону конфликта». Неизбежное расслоение общества, политические интриги, поствоенный синдром, к сожалению, коснулись и Нагорного Карабаха. Рушились мифы, менялись ориентиры и ценности, герои превращались в антигероев и попадали за решетку, создавались новые мифы, и рождались новые герои. Сегодня вместо нас в Нагорный Карабах приезжают другие журналисты, освещают другие проблемы. И жизнь продолжается. Хочется только, чтобы новые реалии приблизили нас к миру. К миру без войны.

ГОНДУСОВ Владимир

Родился в 1952 году в Ростовской области. Закончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища и редакторское отделение Военно-политической академии имени Ленина в Москве. В военной печати с 1977 года: ответственный секретарь, начальник отдела окружной газеты в Свердловске, сотрудник журнала внутренних войск «На боевом посту». В 1989 году откомандирован в военную редакцию ТАСС. Позже работал в Телерадиостудии МВД России и в РИА «Новости». В настоящее время — обозреватель отдела расследований общенациональной газеты «Россия».

Немало дней пришлось провести в Нагорном Карабахе. Питался из солдатского котелка, попадал под обстрелы, налетал немало часов на «вертушках» и накатал сотни километров по горному серпантину в «рашен-вольво», как называли как-то бронетранспортеры шведские телевизионщики...

Первая же командировка в Степанакерт в марте 1990 года запомнилась тем, что я не передал в агентство ТАСС ни строчки. Для репортера, девиз которого «жив ты или помер, главное — что-то выдай на ленту», это было верхом непрофессионализма. Выручил Вадим Быркин — он был собкором ТАСС в НКАО и каждый день гнал оперативку. За несколько лет работы в Степанакерте Вадим хорошо узнал людей, да и профессионалом был крепким. Лишь один факт: позднее, попав в Москву, за освещение событий в Останкино в октябре 1993 года Вадим был награжден орденом Мужества. Такими наградами журналистов балуют не часто.

В военной редакции моей тогдашней растерянности не заметили — Быркин передавал материалы под двумя подписями. А я ходил по улицам Степанакерта, всматривался в лица, разговаривал с людьми. Много было бесед с военными. Новые люди, новые впечатления... В общем, пытался понять, врати в обстановку...

Из реки по имени «Факт»

В последующих командировках, которые продолжались от нескольких дней до двух недель, работать было легче. Хотя вряд ли

могу сказать, что полностью разобрался в происходящем. Считать так может лишь самоуверенный человек.

Впрочем, от меня родное агентство и не требовало никаких личностных оценок ситуации. Главное — факты, которые я черпал из официальных документов — сводок комендатуры, заявлений, рапортов и т.д. За комментариями и разъяснениями обращался к людям сведущим — политикам, депутатам, военным... К этому приучил предыдущий опыт.

В «горячие точки» начал выезжать с ноября 1989 года. В Кисиневе тогда в День милиции произошли массовые беспорядки, и со спецназом внутренних войск в город прилетела группа журналистов центральных изданий. Бунтовщиков тогда урезонили быстро, но еще много дней улицы патрулировали бойцы дивизии Дзержинского. Рослые, плечистые парни пользовались особым успехом у местных девчат. Запомнился вечерний разговор с сержантом спецназа. На вопрос, нет ли провокаций, сержант замялся, потом сказал: «Женщина недавно подходила, звала в гости». Оказалось, что хочет родить от настоящего мужика. При этом сержант почти двухметрового роста засмушался... Теперь этот эпизод вспоминается не только с улыбкой: лучше бы малыши появлялись на свет, чем самолеты развозили по городам и весям «груз-200».

Потом был январь 1990 года. Ввод войск в Баку. Именно там пришлось впервые попасть в руки озверевших молодчиков. Поехали ночью с войсковым патрулем. Едва УАЗ миновал цепь солдат, как его окружила толпа. Нас выташили из машины мгновенно: «Вылезайте, шакалы!» Обыскав и отобрав документы и блокноты, пинками начали загонять в темную подворотню. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не старший патруля капитан Евгений Пилягин. Он выскочил из машины первым и вместе с двумя солдатами на какую-то минуту сдержал разъяренных людей. Видя, что напор возрастает, крикнул солдату с рацией: «Туче — Гроза!» По сигналу тревоги поспешили солдаты, буквально вырвав нас из толпы.

В феврале того же года последовал Душанбе. Помнится, после погромов напросился в машину к медикам, которые решили проехать по больницам, чтобы забрать и перевезти в военный госпиталь солдат. По улицам города мчались, не снижая скорости даже у светофоров. На проезжей части и перекрестках сидели и стояли молодые люди. Несколько раз наш «рафик» с красным крестом пытались остановить, махали руками, что-то резкое кричали вслед. Затормози, и за нашу безопасность трудно было бы ручаться. На улицах то и дело попадались сожженные и перевернутые легковушки, изуродованные троллейбусы и автобусы.

Когда проехали очередной пикет, сидевший рядом майор-медик Геннадий Солошенко сказал: «Верите, в Афганистане не боялся. Два года там был, два ордена имею. Но там знал, что при опасности могу стрелять. Здесь, пока не получишь камнем по голове, оружие применять нельзя. А тогда, может, и поздно будет». Помолчав, офицер добавил: «В своей стране, а ощущение какое-то неприятное».

Без слухов и сплетен

В общем, какой-то опыт работы в «горячих точках» был. Да и в ТАСС попал зрелым журналистом. Мне было уже 37 лет, во внутренних войсках дослужился до подполковника, заместителя начальника отдела очерка и публицистики журнала «На боевом посту». Возглавлял отдел полковник Петр Студеникин, известный в журналистских кругах человек, особенно по публикациям в «Правде» о событиях в Афганистане. Один из его заголовков «Я вас в Афганистан не посылал» о равнодушии чиновников к бывшим воинам-афганцам тогда поразил всех своей точностью, его часто повторяли. Бывал Петр Алексеевич и на внутренних войнах, много писал и печатался. Именно с ним мы обсуждали мои журнальные материалы, а когда перешел в ТАСС, то темы и подачу материалов для ленты агентства.

В те годы в редакции многих гражданских изданий были откомандированы военные журналисты, в основном из «Красной звезды». Они позднее закрепились в «Известиях», «Труде», «Комсомольской правде» и других газетах, активно печатались. Именно с ними меня чаще всего сводили фронтовые пути-дороги. Из внутренних войск в конце 1989 года откомандировали троих, в том числе меня.

Кроме поддержки коллег в самой военной редакции, а собрались там люди опытные, выручало то, что многих офицеров и генералов внутренних войск знал по предыдущей службе, учебе в академии, командировкам в Баку и Душанбе. Например, в Кишиневе сошелся с заместителем начальника Политуправления внутренних войск генерал-майором Евгением Нечаевым. Когда наши дороги пересекались в «горячих точках», а так происходило часто, генерал никогда не отказывал мне в помощи.

Претензий у моих «источников», как правило, не было. Все материалы вычитывались теми, у кого брал интервью или комментарий к событию. ТАССовское начальство требовало визировать сообщения, без этого они, за редким исключением, не шли на ленту. Даже когда не выезжал в «горячие точки», а начинал свой рабочий день с посещения здания штаба внутренних войск, не ленил-

ся напечатать текст на машинке и показать своему собеседнику, чтобы тот внес правку и подписал.

Так было и в Карабахе. Как специального корреспондента военной редакции, меня, естественно, больше интересовали дела военных. Каждое утро начиналось с чтения скупых сообщений, которые поступили за ночь в комендатуру. Если глаз за что-то «цеплялся», старался дополнить сообщение чьим-то комментарием. Так и диктовал на ленту: факт, затем традиционное «как отметил в беседе с корреспондентом ТАСС имярек...».

Передавать материалы приходилось и из машин связи, и по телеграфу, но чаще всего диктовал из кабинета коменданта, где были телефоны с прямыми московскими номерами. Конечно, то обстоятельство, что меня слушали порой до десятка человек, которые находились в кабинете, накладывало отпечаток: не криви душой, не пользуйся слухами и сплетнями. Всего этого «добра» хватало. Речь, в частности, шла о белых «Нивах» с затененными стеклами, которые якобы неожиданно появлялись в различных районах горного края, после чего следовали расстрелы и захваты людей. Поговаривали о так называемых «черных колготках», как называли экстремистски настроенных женщин. Расползались слухи об участии в боевых столкновениях наемников из дальних стран, например арабов и даже негров... Позднее такого рода мифы перекочевали в другие «горячие точки».

Например, попал как-то в руки список приговоренных боевиками к смерти руководителей НКАО и военных. В нем, помнится, было 16 фамилий, всех этих людей я знал. Однако в документе, который многие знающие люди не считали фальшивкой, не было ссылок на конкретную организацию. К тому же никто не стал комментировать эту бумагу. И хотя руки чесались, передавать в Москву ничего не стал.

Так что все приходилось перепроверять, идти к компетентным собеседникам. И первым в их ряду, без сомнения, стал для меня тогдашний командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Юрий Васильевич Шаталин, ныне, к сожалению, покойный.

На «хвосте» у командующего

Репортеры по-разному попадают в «горячие точки». Кто-то — обычным рейсом до ближайшего аэродрома, а далее — на перекладных. Кто-то — с военными, депутатами или политиками. Мне приходилось, как правило, вылетать с офицерами и генералами внутренних войск. Чаше других брал с собой в командировки ге-

нерал Шаталин. Он в те годы суток по 200 — 250 в году не бывал в своем кабинете на улице Красноказарменной, так что приходилось немало летать. Какого-то журналистского пула при командующем не было, но трех-четырёх журналистов Юрий Васильевич обычно с собой брал. Чаще всего это были спецкоры «Красной звезды», «Правды», «Комсомолки», ТАСС...

Шаталина справедливо называли генералом «горячих точек». Его служебные командировки пролегли через Афганистан и Фергану, Абхазию и Южную Осетию... И заложником его брали, и стреляли, и угрожали... К слову, заложником его взяли в Шуше. Азербайджанцы угрожающе-настойчиво требовали: «Уйдите хоть на неделю — ни одного армянина не останется на нашей земле, сами справимся». В Нагорном Карабахе генерал получал такие письма: «Стыдитесь! Вы воевали в Афганистане, теперь проливаете кровь в собственной стране. Народ не простит вам этого. Попадётесь — вздернем на первом суку»; «Генерал, ты можешь спасти свою жизнь единственным путем — вывести войска из НКАО. Не сделаешь этого — сам себе подпишешь приговор».

Это было обидно потому, что именно Шаталин всегда выступал за то, чтобы не войска, а политики решали конфликтные ситуации. В начале сентября 1991 года Юрий Шаталин, покидая пост командующего войсками, дал мне большое интервью. Оно было опубликовано под заголовком «Прежде чем уйти». На вопрос: «Долго ли, на ваш взгляд, войска будут находиться в Нагорном Карабахе?» генерал ответил так: «Их оттуда нужно выводить. И чем скорее, тем лучше. Обе враждующие стороны выставляют нас виновниками происходящего, наше пребывание в НКАО бессмысленно. Силой оружия можно погасить локальный очаг напряженности. Серьезный межнациональный конфликт требует только политического решения».

Таким вот генералом-миротворцем был Юрий Васильевич. Надеюсь, именно в таком качестве его запомнили жители Северной Осетии и Ингушетии, где Шаталин позднее возглавлял Временную администрацию.

Карабахский излом для внутренних войск начался 19 февраля 1988 года, когда 160 военнослужащих специального моторизованного батальона милиции, дислоцированного в Тбилиси, по распоряжению министра внутренних дел Александра Власова были направлены в НКАО. Имели они на вооружении только пластмассовые шиты и резиновые палки, причем жесткие инструкции строго диктовали, в каких исключительных случаях они могли быть использованы.

Но прошел год-другой, и в области стала применяться боевая техника, артиллерия, причем арсеналом располагали не только воинские подразделения, но и незаконные формирования. Развернулась настоящая минная война на дорогах, все более изощренной становилась война в радиозэфире. Фамилии многих командиров в этой связи были заменены на псевдонимы.

Со временем численность личного состава возросла до тысячи человек, в основном за счет средних и высших школ милиции. Прилетаешь в край, который на весь мир был знаменит своими долгожителями, и видишь боевые вертолеты на летном поле аэродрома, вооруженных солдат на БТРах, бетонные плиты и проволочные ограждения на дорогах...

Естественно, Юрий Васильевич часто бывал в Нагорном Карабахе. Признав, что называется, меня после ряда сообщений о деятельности внутренних войск в «горячих точках», широко прозвучавших по радио и ТВ, опубликованных в центральных газетах, он сам называл помощникам мою фамилию, когда те составляли список на полет. Находили меня на работе или дома: «Юрий Васильевич вылетает, на аэродроме в Чкаловском должен быть во столько-то...» Приходилось держать на работе «тревожный» чемодан с бритвой, бельем и прочим необходимым.

Естественно, расположение ко мне командующего позволяло иметь доступ к самой разнообразной информации. Например, по прибытии на место Юрий Васильевич проводил совещание с местным командованием — я внимательно слушал выступающих, делал пометки. Шаталин также распорядился, чтобы мне давали телеграммы из «горячих точек», даже с пометкой «секретно». Это не значило, что я использовал все прочитанное в своих тассовках. Хорошо понимал, что можно писать, а о чем лучше промолчать. Внутренний цензор был начеку. Однако картина происходящего представлялась, естественно, более зримо. Какие-то данные генерал Шаталин разрешал даже публиковать в открытой печати: нападения на подразделения, сведения о гибели военнослужащих. Это не всегда разрешалось...

Подолгу мы говорили с генералом в самолете. Как-то Юрий Васильевич сказал: «Анализируя ситуацию, порой обращаюсь к афганскому опыту. Разумеется, он весьма специфичен. Но именно благодаря Афганистану я заранее предвидел, чем закончится пребывание внутренних войск в Карабахе. Ничем. Первые три месяца афганский народ встречал нас с цветами. И в Нагорном Карабахе нас встречали с надеждой и пониманием. Но вот теплое отношение к «шурави» исчезло, как только мы начали наносить бомбо-штур-

мовые удары, проводить рейды в поисках душманских отрядов. И это вместо того, чтобы предоставить афганцам возможность самим решать судьбу своей революции, определять путь, по которому идти. Вмешались, и от нас отвернулся народ. У нас не стало поддержки людей. Все повторяется и в Нагорном Карабахе».

Генерал был твердо уверен, что танками и пушками порядок не наведешь. Москва же, как, впрочем, Баку и Ереван, пытались «усидеть на штыках». И эту мысль мне неоднократно приходилось проводить в своих сообщениях.

Плотное общение с командующим имело немало плюсов. Военные — люди с развитым чувством субординации. Если тебя знает командующий, обращается по имени, постоянно берет с собой в поездки, то остальные военные чины поневоле начинают доверять. При необходимости отвечают на вопросы, дают связь или машину, предупреждают о выездах в то или иное село. В частности, был такой момент. В мае 1991-го в Нагорном Карабахе проходила операция «Кольцо» — внутренние войска тогда предприняли попытку разоружить незаконные воинские формирования в соответствии с указом тогдашнего президента СССР Михаила Горбачева. Все это оказалось, увы, делом тшетным... В Степанакерт тогда приехали около 15 моих коллег. Меня вызвал комендант и сказал, что назначает «старшим» всей пишушей и снимающей братии. Мол, все вопросы и пожелания коллег к военным — только через меня, о чем комендант сам же предупредил журналистов. Так, недели на две я стал дуайеном корреспондентского корпуса. Естественно, подобное отношение нельзя было не ценить.

Возвращаясь из командировки, как правило, просматривал так называемые плотные листы — распечатку переданных сообщений ТАСС. Чтобы представить, в каком виде все это попадало в СМИ, приведу лишь одну из заметок, датированную 11 апреля 1991 года. «Степанакерт, ТАСС. Даже сутки не продержался в Нагорном Карабахе мораторий на насилие, объявленный 9 апреля по инициативе президента Азербайджанской Республики А. Муталибова. В селе Чайкенд Ханларского района Азербайджана во время обстрела со стороны села Кушчу-Армавир убит 12-летний мальчик. В настоящее время ситуация вокруг Чайкенда предельно накалена. Там находится подразделение внутренних войск, разделяющее противоборствующие стороны. Как сообщил начальник штаба комендатуры района чрезвычайного положения в НКАО и прилегающих районах Азербайджана полковник В. Лебедь, комендатурой принимаются активные меры по недопущению дальнейшей эскалации напряженности».

Такие сообщения шли каждый день. Их активно передавали по радио и ТВ. Некоторые — буквально через считанные минуты после того, как я надиктую текст. Иногда, чтобы ускорить выход на ленту агентства, диктовал сразу выпускающему. Именно так было с сообщением о покушении на Виктора Поляничко, в те годы — второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана. В мае 1991 года в его кабинет стреляли из гранатомета. Когда после взрыва, потрясшего здание комендатуры, я бросился со второго на третий этаж, Виктору Петровичу в кабинете делали перевязку. Запомнились его слова: «Обязательно напишите, что это третье покушение на меня...» Несколько строк о покушении на Поляничко со ссылкой на ТАСС «Маяк» передал через считанные минуты. В редакции тогда сообщение выпустили с пометкой «молния». Постоянно видел свои материалы и в газетах.

Просматривая в Москве вышедшие на ленту информации, убеждался, что практически все мои сообщения шли без особой правки. У выпускающих не было сомнений в их точности и правдивости. По итогам 1990 года я был в числе немногих своих коллег признан лучшим журналистом ТАСС.

Вертолет — хорошо...

Поговорка о том, что репортера, как волка, ноги кормят, ни для Карабаха, ни вообще для «горячих точек» не подходит. Много в таких местах не потопашешь, без транспорта не обойтись.

Машина, естественно, выручала, но не уменьшала риск. В Карабахе, например, с особой жестокостью и яростью велась «каменная война». «Боеприпасов» для нее хватало — кругом ведь горы. Булыжники и увесистые гранитные обломки летели в автобусы с детьми и стариками, в военные машины. Пытались даже подбить самолет, идущий на посадку. Погибали и получали тяжелые увечья люди. Помню, всегда опасался при выезде из Степанакерта проезжать через узкую горловину меж скал. Стоило кому-то сверху бросить на узик или «Волгу» глыбу — не уберечься. Такие случаи были.

Помню, как-то гнали на «канарейке» в Агдам. Водителем был азербайджанский милиционер-прапорщик. Он низко опускал фуражку, когда проезжали армянские деревни, и взбивал головной убор на затылок, когда проезжали села, в которых жили его земляки.

Именно на дороге смерть настигла мою коллегу из Баку Салатынь Аскерову — машину, в которой находились журналистка, два офицера и сержант, расстреляли в километрах четырех от Лачина. С Салатынь мне приходилось видеться, она запомнилась мне кра-

сивой женщиной и общительной собеседницей. До нее из коллег, кого я знал, на Кавказе погиб Леонид Лазаревич из «Маяка». Его голос, без преувеличения, знал весь Советский Союз.

С каждым месяцем на карабахских дорогах все чаще можно было встретить обгоревшие остовы автобусов и машин, колеса то и дело насаживали на небольшие воронки, оставшиеся после взрывов. Так что риск был, и машина от пуль снайперов, автоматных очередей и взрывов не спасала. В этой ситуации выручали вертолеты. Вот почему один из экипажей и стал героем моего следующего репортажа, переданного в редакцию.

В пилотской кабине пристроился рядом с летчиками. Сошелся с ними задолго до этого полета, ведь подобные материалы произрастали из доверия. Ощущение в полете было неприятное. Порой казалось: еще чуть-чуть и врежемся в горный склон. Командир — майор Юрий Быков — мастерски лавировал между скалами. До каменистых склонов оставались считанные метры — кажется, протяни руки и дотянешься. Вот «ныряем» в ущелье, вершины которого уходят куда-то вверх, и вертолет кренится, чтобы точно вписаться в рельеф. С напряжением смотрит вперед командир, ни на мгновение не выпуская из рук рычагов управления вертушкой.

Позже Юрий Николаевич скажет мне: «В горных районах работаю уже 13 лет. До Нагорного Карабаха были Забайкалье и Дальний Восток. Район здесь по климатическим условиям сложнейший. Каждое время года имеет свои особенности, которые только что прибывший летчик не сразу и поймет, даже получив допуски к работе с площадок. Все постигается только на опыте, поэтому от подготовки командира зависит очень многое, если не все».

В этом не раз убеждался я сам. Горы полны сюрпризов. То связь откажет, то погода строит козни. Солнце спрячется за тучи, начинается дождь, переходящий в мокрый снег. И все это — в считанные минуты.

Так что каждый полет в горы был связан с напряжением для экипажа. «Нередко работаем со спецназом, ведь то в одном месте, то в другом — вооруженные провокации, — говорит Юрий Николаевич. — Значит, и нам — вылет. Задача в том, чтобы доставить ребят точно на точку. Что толку, если посадим их в 2–3 километрах от нужного места. Им же по горам бежать...

Или, скажем, надо вывезти «краповые береты» после операции. Да я буду проклинать себя, если не сумею им помочь. Ведь они забираются туда, где Макар телят не пас. Вы бы видели, в каком состоянии они возвращаются. Грязные, исхудавшие, усталые.

Вот и думаешь всегда: как бы и задачу выполнить, и людей с техникой сберечь. Стреляют-то боевики и по вертолетам».

Экипаж Юрия Быкова в Карабахе перекрывал нормативы полетного времени в 2–3 раза. И это — в условиях гор, обстрелов, большой нервной перегрузки. «Если откровенно, — признался Юрий Николаевич, — мы нередко заставляем не только себя, но и машину работать на пределе возможностей».

В полете, естественно, не до комфорта: вибрация, ультразвук, шум... А вернуться на базу — быт походный: того нет, этого. Впрочем, неудобства испытывали мы все. Если не было мест в гостинице, ночевали в комендатуре. А там постоянные перебои с водой — ни побриться, ни умыться, ни в туалет сходить. Каши из армейских пайков не лезли в горло — на их наклейках хоть и значилось, что «с мясом», но где его было найти? Приходилось все это проталкивать в горло с местным коньяком — напиток был на диво.

Но были у вертолетчиков и трудности иного плана.

«Нашим семьям не позавидуешь, — говорит майор Быков. — До двухсот суток в году мы проводим в командировках, дома ждут не дождутся. А у меня трое детей, они же без отца растут. Честно скажу: поражаюсь героизму жены. Представьте: за 18 лет службы — семь переездов. Постоянная смена обстановки, сборка-разборка мебели, поиски угла для проживания. Устроить детей в детсад — проблема, поэтому жена вынуждена сидеть с младшими. Что такое жить на одну зарплату, вы знаете. Когда узнал о цифре прожиточного минимума, оказалось, что моя семья еле-еле перетянула через черту бедности».

Второй летчик лейтенант Борис Шербинин так дополнил командира: «Жена недавно родила, сейчас не работает. Снимаем комнатушку. Все «удобства» — на улице. Из мебели — четыре стула и подставка под телевизор. Это — сами купили. Телевизор взяли напрокат...»

Борттехник старший лейтенант Владимир Ткачев: «Я своего сына, который недавно родился, видел всего 20 дней. И — в командировку. Здесь уже более двух месяцев. Жена уехала к родне, ей ведь с малышом тяжело одной. А я продолжаю платить за квартиру, чтобы не потерять ее...»

Хождение по мукам

Тот разговор с вертолетчиками был не единственный в таком тоне. Как офицер внутренних войск, я не мог не видеть безысходности — иного слова не подберешь — в глазах знакомых и незна-

комых офицеров. Азербайджанцам казалось, что военные недостаточно строги к армянам, а тем, в свою очередь, мерещилось, что войска чересчур лояльны к азербайджанцам. К тому же на военных взвалили тогда все: они разгружали вагоны, охраняли скот и транспорт, обеспечивали население горючим, дровами и гвоздями, перевозили имущество беженцев... Все это — изо дня в день, без выходных и проходных.

Но выбивало людей из колеи не только это. Вряд ли можно было привыкнуть к ежедневному риску. Людей с оружием в Нагорном Карабахе было столько, что солдаты и офицеры не ведали, откуда ждать пулю, куда огрызнуться своим «калашом». С каждым годом стреляли чаще и прицельнее. На втором этаже здания комендатуры число фотографий в траурных рамках с каждым месяцем росло, и никто не гарантировал, что политики могли поставить точку в этом мартирологе.

Но не только риск давил на плечи военных. Все проблемы карабахцев, о которых к тому времени было немало написано и сказано, не миновали людей в погонах. С питанием — трудно, с горючим для боевых машин — проблемы, льготы за «горячую точку» давно были съедены инфляцией. Условий для службы и элементарного быта — никаких.

Приметой конца 91-го стало то, что офицеры всеми правдами и неправдами отказывались ехать в Карабах. Еще год-два назад такого не было. Теперь же дело доходило до рапортов об увольнении в запас. Но не поднималась рука обвинять «отказников» в трусости. И еще штрих: жены офицеров и матери солдат, зная о том, что их родные и близкие должны убыть в Карабах, живой стеной становились на КПП и не выпускали никого за пределы части.

Женщин можно было понять. Они ведь знали, что их мужа и сыновья не на курорт — на войну едут. И что могут не уцелеть. С чем тогда останется семья? Да, получит она страховку, но деньги эти столь малы, что впору милостыню просить.

Когда в 91-м погибли трое защитников Белого дома, их было по-человечески жаль. С пониманием люди отнеслись к тому, что им присвоены звания Героев, а семьям выделена крупная материальная помощь. Что на похоронах присутствовали президенты СССР и России, а отпевали священники. Военных, которых посылали в Нагорный Карабах те же самые президенты, хоронили гораздо скромнее. И Героем Советского Союза за несколько лет стал лишь один человек, да и то после долгого хождения по начальственным кабинетам документов на представление.

Так что ничему не научили «черные тюльпаны» из Афганистана в прошлые годы и «груз-200» из внутренних «горячих точек». И обидно было не только за мертвых, за живых — тоже. Из своеобразного референдума среди усталых полковников, разуверившихся капитанов и озлобленных лейтенантов: «Бросили в пекло и забыли».

Все это угнетало людей в погонах. А тут еще из дома тревожные вести: продуктов нет, очереди за самым засушным приходится занимать с ночи. Цены даже на детские вещи подскочили неимоверно. Как прожить тем, у кого малыши на руках? Будет ли спокойным сердце офицера, мужа, отца от того, что ничем нельзя помочь родным людям?

Подолгу бывало в Карабахе соединение с донской земли.

А мне памятны беседы с женами офицеров дивизии. Алина Миллер, жена начальника штаба батальона Олега Миллера, рассказывала: «Живем в небольшой пристройке к частному дому, цены-то за квартиры «кусаются». Удобств никаких — уголь и дрова покупаем, за водой приходится ходить. Когда Олег на месте, еще ничего, но если в Нагорном Карабахе, тяжело. Да и за него переживаю. Понимаю, что многие так живут. У кого-то терпения не хватает — разводятся или уезжают на долгое время».

Надежды у семьи Миллер на квартиру были весьма призрачные: может, года через 2–3 дадут. Хотя Олегу положены льготы за Чернобыль и Афганистан. «Корочки»-то льготные у него были — жилья не было.

А насчет слов Алины о разводах — все верно. На внутренние войска в те годы навалилась эта проблема: рушились семьи. Как-то довелось говорить с полковником Павлом Лысыковым, который со своей спецназовской дивизией побывал во многих «горячих точках» страны. «Кто и как может успокоить женщину, — сказал Павел Тихонович, — которая поседела в свои 27–28 лет, если она со страхом вслушивается в сообщения, в которых то и дело звучит — «убит», «ранен». Ведь диктор мог в любой момент назвать фамилию мужа. К генералам и полковникам с утра до позднего вечера со слезами на глазах и обидой в голосе шли молодые женщины и солдатские матери. А что они могли, если высшие государственные структуры не принимали должных мер».

И тогда появился этот необычный документ — обращение к президенту России Борису Ельцину и парламенту страны: «Офицеры, личный состав имеют боевой опыт участия в разрешении межнациональных конфликтов в «горячих точках» страны. Мы за-

являем о своей готовности и впредь с честью выполнять поставленные перед нами задачи. Но наши сердца полны смятения и отчаяния. Складывается впечатление, что о воинах внутренних войск вспоминают лишь тогда, когда где-то льется кровь, горят жилища, когда некому защищать жизни и конституционные права людей. Но когда мы поднимаем вопрос социальной защиты своих семей, то на него ответить некому. Командование войск не в состоянии решить наши проблемы, так как не имеет реальных полномочий и средств. Именно поэтому наши надежды сегодня связаны с парламентом России и авторитетом ее президента.

В части сложилась бесперспективная обстановка с обеспечением жильем. Сложности усугубляются и низким денежным содержанием офицеров и прапорщиков. Мы отдаем себе отчет в сложностях экономических проблем общества, реально испытываем на себе последствия инфляции, но в своем денежном содержании не видим государственной оценки нашего труда. Разве мы не заслужили уважения к себе даже хотя бы тем, что за последние три года, рискуя жизнью и здоровьем, провели в «горячих точках» страны сотни суток?

Мы считаем, что назрела необходимость приравнять военнослужащих внутренних войск — участников разрешения межнациональных конфликтов к участникам войны в Афганистане с установлением льготного исчисления выслуги лет и денежного содержания с коэффициентом 1:3. Решение этой проблемы позволило бы в кратчайшие сроки остановить тенденцию к увольнению в запас молодых офицеров с боевым опытом. Видимо, пора определиться с созданием центра реабилитации для тех, кто получил ранения, увечья и психологические травмы в ходе выполнения служебных задач».

До вывода войск из Нагорного Карабаха оставалось еще два года. И все это время оттуда, в том числе по каналам ТАСС, шли тревожные вести. Исчез солдат. То ли в заложниках оказался, то ли оружие кому потребовалось, а может, и сам ушел... Снова обстреляна застава и получил ранение военнослужащий. До чертиков надоел бронезилет и тяжелая каска на голове. На завтрак — опять макароны. И мать пишет: «Сынок, когда же ты вернешься, места себе не нахожу...» А в почте — телеграмма взводному: «Дети болеют, хозяйка требует, чтобы съезжали с квартиры».

Чечня была впереди...

ДЕВРИКЯН Вардан

Старший научный сотрудник Ереванского Матенадарана им. Месропа Маштоца (Институт древних рукописей), канд. филологических наук. В 1991 – 1993 годах был корреспондентом ряда газет, в том числе газеты «Еркир», органа Армянской революционной федерации Дашнакцутюн и газеты «Ай зинвор» («Армянский воин»), органа Министерства обороны Армении. Периодически направлялся в командировки в Нагорный Карабах в качестве специального корреспондента вышеназванных газет. С января по июль 1994 года в составе добровольческой бригады участвовал в военных действиях в Нагорном

Карабахе. 28 мая 1994 года указом президента Республики Армения Левона Тер-Петросяна награжден орденом «Боевой крест» II степени, капитан запаса Вооруженных сил Республики Армения.

Сразу отметим, что народ в Степанакерте и в прифронтовой зоне, солдаты в окопах, часто переходя границы дозволенности распространения военной тайны, всегда старались отвечать на вопросы журналистов, фото- и кинодокументалистов, указать интересные кадры и виды.

Теплота и содействие, оказываемые журналисту в его работе в Нагорном Карабахе со стороны народа, государственных и военных властей, были обусловлены тремя факторами, без учета которых, думается, нельзя понять суть карабахского вопроса.

Первый фактор был обусловлен начатой Горбачевым «перестройкой» и гласностью, в которых особенная роль отводилась прессе. Существовала вера в то, что при решении любого вопроса первым важным шагом является его открытое, публичное обсуждение.

Как и ряд национально-территориальных вопросов в бывшем Советском Союзе, проблема Нагорного Карабаха замораживалась и умалчивалась, ее нельзя было поднимать, как и любой вопрос, противоречащий советской государственно-идеологической политике.

В этих условиях при любом подходящем поводе возникало внутреннее глухое противостояние, как, например, во время всенародного обсуждения Конституции СССР, принятой в 1978 году. Тогда осторожно, нормированно, подцензурно в Степанакерте и

Ереване поднимался вопрос об изменении республиканского подчинения Нагорно-Карабахской автономной области, так как Конституцией фиксировалось административно-территориальное деление СССР. Противоречия двухполюсного мира в годы «холодной войны» выражались не только в гонке вооружений. Даже Олимпийские игры и различные мировые спортивные первенства становились поводом для демонстрации превосходства одного из двух лагерей. В условиях внутренних противоречий социалистического лагеря победа сборной одной из стран над сборной СССР могла стать источником подъема национального самосознания. Аналогичным образом, в Карабахе и в прилегающих армянских и азербайджанских населенных пунктах чья-либо победа на встречах футбольных команд ереванского «Арарата» и бакинского «Нефтчи» воодушевляла соответствующую сторону. Чем больше была разница в счете, тем опаснее было машинам с армянскими номерами проезжать из Гориса через Лачин в Степанакерт.

Второй причиной было болезненное стремление армян Нагорного Карабаха рассказать журналисту о целях их движения. Это желание было обусловлено комментариями карабахских событий, которые давались союзными центральными газетами. Исходной точкой была данная движению руководством КПСС оценка «группа экстремистов». Подобная политическая установка руководства СССР и союзной прессы армянами Карабаха воспринималась особенно больно и трагически, потому что она представляла вопиющую противоположность традиционной ориентации армянского народа на Россию. В этих условиях народ предполагал, что если удастся донести правду, то отношение Москвы будет совершенно иным.

Третья причина была обусловлена свежей памятью о трагедии, пережитой армянским народом в начале 20-го столетия.

Геноцид армян в Западной Армении и Турции, организованные погромы армянских населенных пунктов в Карабахе и на территории Азербайджана с помощью вошедшей в Закавказье турецкой армии в 1918–1920 годах, Сумгаитская трагедия и выселение армян из более чем 20 селений Гадрутского и Шаумянского районов еще до начала войны привели карабахских армян к опасению, что история может вновь повториться. В числе усилий, направленных на предупреждение опасности, первостепенное значение придавалось информационной пропаганде.

Что касается того, как эта общая положительная атмосфера на практике содействовала журналистской работе, то надо учитывать два существенных обстоятельства — геополитические и воен-

но-технические особенности Карабахской войны и обусловленные этим журналистские задачи.

В Нагорном Карабахе усилия международного сообщества по урегулированию конфликта выражались не в состязании миротворческих сил разных стран, не в образовании демаркационных линий, а в политических переговорах. Поэтому в центре событий находились Карабах, Азербайджан и стоящая за Карабахом Армения.

Анклавное положение Нагорного Карабаха обусловило и соответствующую специфику в области журналистики и информации. Профессия журналиста предполагает широкий спектр восприятия идей и явлений. Однако работающие здесь журналисты, выезжая из Степанакерта в районы, приграничные села, казармы и на передовые линии, незаметно даже для самих себя постепенно начинали смотреть вокруг глазами психолога, социолога, этнографа и даже врача и фельдшера. Получение оперативной информации для них отходило на второй план, и первичным становилось восприятие и осмысление явлений.

Освещение оперативных военных действий становилось почти бессмысленным по техническим причинам, так как в то время в Карабахе и других районах конфликта не было современных средств связи для передачи информации. В полевых условиях работала рация с определенным радиусом охвата, а международной телефонной связи не было вообще. Даже если бы журналист сразу же после окончания конкретной военной операции смог добраться до Еревана или Баку на вертолете, прибывшем в ближайший полевой госпиталь для вывоза раненых и погибших, то все равно намного раньше военные ведомства Карабаха, Армении и Азербайджана уже успевали оповестить мир о произошедшем по-своему.

Что касается корреспондентских пунктов, то думать о них было абсурдно. Во-первых, на территории площадью всего 6–7 тысяч квадратных километров линия фронта была так подвижна, продвигалась и отступала, что находящийся на одной стороне корпункт через неделю мог оказаться в тылу у противника. Во-вторых, по техническим причинам не существовали командно-наблюдательные пункты, соответствующие принятым военным критериям. В этих условиях сбор и передача информации о военных действиях превращались в рассказ о завершенных военных операциях.

Таким образом, журналисты были свободны в получении информации, но ограничены в ее донесении и распространении. В этих условиях единственной формой поддержки журналиста со

стороны военных властей какой-либо стороны оставалась его доставка на вертолете до своей столицы.

Примечательно, что прибывшие для вывоза раненых и погибших вертолеты, имевшие ограниченное число мест, единственное исключение при посадке на борт делали только для журналистов, благодаря чему с некоторой задержкой они могли донести до средств массовой информации свое слово. Поскольку при передаче оперативной информации возникали трудности технического характера, в Карабахе активно работали фото- и видеожурналисты. Их материалы давали более впечатляющее и живое представление о войне, ее характере и объемах. Эту деятельность можно разделить на две группы: фотографии и видеокадры военных действий и жизни людей от окопов до тыловых сел.

Так как оборонительные укрепления, находящиеся там огневые средства и военная техника разных калибров были известны обеим сторонам, съемочные группы не встречали особенных препятствий. Не опасались и комментариев отснятых кадров. Армянская сторона, естественно, была уверена в собственной правоте, а боеспособная армия Нагорного Карабаха была пропитана идеей справедливой борьбы, — следовательно, видеокамера не могла запечатлеть дезертиров или насильно мобилизованных. Так что, независимо от отношения военных к свободе и гласности независимой прессы, они не имели причин чинить препятствия работе журналистов.

Если и ставились преграды перед журналистами, то это делалось в целях их безопасности — для защиты от «слепой» пули в ближнем бою и от осколка. Если корреспонденты, игнорируя потенциальную опасность, стремились находиться в гуще военных действий, то несущие ответственность за жизнь солдат командиры чувствовали себя ответственными и за жизнь журналистов, особенно иностранцев. Последние не знали местной психологии и языка, а в военной обстановке были наиболее беспомощны.

Весьма контрастно выглядели вооруженные автоматами, пулеметами и противотанковыми средствами солдаты, одетые в напичканные автоматными магазинами «боежилеты», играющие к тому же роль брони, и рядом с ними — журналисты в операторских жилетах. В карманах последних были не магазины автоматов и не коробки для 20–25 патронов, попадая в которые, пули отлетали рикошетом, а аккумуляторы для видеокамер, которые, как и их хозяева, были уязвимы для летящих навстречу пуль. Примечательно, что в Карабахе не так трудно было получить разрешение на съемки, как периодически зарядить аккумуляторы. Из-за блока-

ды со стороны Азербайджана до открытия Лачинского коридора Карабах был лишен электричества. Главной заботой операторов была зарядка аккумуляторов видеокамер. Дальний гул работающей на горячем передвижной электростанции у них создавал то же ощущение, что у путника, иссякающего силами от жажды в пустыне, оазис. Часто, как мираж, каждый дальний грохот воспринимался как шум работы передвижной станции, ибо столько уникальных кадров не было снято из-за отсутствия возможности зарядить аккумуляторы. Для преданных своему делу операторов штабы и командные пункты были предпочтительнее, но не по причине относительной благоустроенности, а потому, что здесь они могли зарядить технику. Свободно добирающиеся горными дорогами до передовой «газика» на этой войне стали символами. И этим машинам, вернее, их аккумуляторам, мы обязаны за имеющиеся сегодня многие уникальные военные кадры. Иногда во время зарядки выходили из строя аккумуляторы и видеокамер, и «газиков», но некоторые операторы в стремлении «выжать» максимум из аппаратуры даже ценой потери дорогостоящей техники шли на это.

Проблема зарядки иногда показывала, как в одинаковой ситуации люди разных профессий смотрят на мир по-разному. Так, часто водитель газика обвинял оператора, ставящего видеокамеру на зарядку: «Если сломается машина, ты ли будешь поддерживать связь между штабом и позициями?» Оператор же возражал: «Своим газиком будешь снимать все происходящее?» Такой спор получал своеобразную окраску в том случае, когда оператор — иностранец. Тогда два противоположных подхода к истине выражались ломаным русским языком с примесью карабахского диалекта, с одной стороны, и с акцентом разных европейских языков — с другой.

Иногда возникали забавные ситуации. Помню, однажды, когда «сели» все аккумуляторы, имевшиеся у одного оператора, он вдруг воскликнул, что наконец понял, в каком ракурсе должен был снимать стоящие друг против друга позиции. В это время армянская сторона заметила передвижение в расположении противника и для укрепления потребовала от командования спешно выслать бронетехнику. Поняв из общего разговора, что ожидаются танки, оператор оживился. Солдаты подумали, будто он предположил, что придут доселе не применяемые в боевых действиях танки нового типа, которые он как сенсацию представит миру. Ему объяснили, что придут танки Т-72Б, которые до него сто раз были отсняты и показаны миру. Но его оживление не прошло. Когда оператор еще несколько раз нетерпеливо поинтересовался, поче-

му опаздывают танки, командир, нервничая от общего напряжения, бросил: «Ты-то чем озабочен, не все ли равно?» На это последовал удивленный ответ киножурналиста: «Смогу зарядить аккумулятор камеры от аккумулятора танка».

Общей ситуацией были обусловлены и бытовые условия журналистов в зоне боевых действий. Естественно, они находились в центре внимания, им по возможности создавали благоприятные условия для работы. Но если кто-то хотел остаться на позициях и описать фронтовую жизнь, неизбежно должен был жить в окопах и блиндажах под открытым небом. В отличие от солдат журналист мог спускаться с позиций когда хотел, и тогда к нему прикреплялось несколько солдат. Он мог также дожидаться спускающейся на заправку бронетехники, газика или машины, ежедневно доставляющей в расположение войск воду и пищу.

Уважение к журналистам выражалось даже в кажущейся мелочью бытовой ситуации. Так, в кабине спускающегося с позиций грузовика место рядом с шофером в знак уважения ответственный военный, независимо от звания, всегда уступал журналисту, а сам поднимался в кузов. Солдаты старались лучшую часть своего пайка отдавать корреспондентам. Такое отношение к иностранным журналистам было обусловлено также и армянскими традициями. Веками скитающийся по чужбине армянин всегда с теплотой принимал чужеземца, думая, что вдалеке кто-нибудь так же примет его соотечественника. Ответственностью за жизнь иностранца было обусловлено присутствие журналиста на передовой, во время обороны или наступления. Если бы военные руководствовались чисто практическими соображениями, то спокойно могли бы разрешить любому журналисту свободно передвигаться, и если бы он погиб, то его смерть даже могла бы принести политические дивиденды — можно было бы обвинить противника в убийстве журналиста. Однако такое отношение было бы несовместимо с традиционной армянской нравственностью, и, сколько бы какой-нибудь журналист ни говорил, что он сам хозяин своей жизни, главным условием его работы на фронте становилась ответственность за него военных, озабоченность о том, как при возможном нападении или отступлении журналист под огнем, в условиях горной местности сможет сориентироваться, не станет ли обузой для солдат, которые будут вынуждены таскать его с места на место.

Что касается работы армянских журналистов в Карабахе, то их мышление никак не противопоставлялось интересам военных и государственных деятелей. Более того, акценты некоторых публи-

каций армянских журналистов противоречили взвешенной государственной политике. Государство не оказывало милитаристического давления на свободу слова, а, наоборот, призывало к обдуманной позиции, игнорировавшие которую превращались в маргинальные политические силы.

На Карабахской войне армянские журналисты внутренне считали себя солдатами. Внешним проявлением этого были фотографии с оружием в руках или выезд на боевые позиции в военной форме. Аналогично многие солдаты считали себя поэтами и людьми творчества. О собственных простых, безыскусных и незатейливых стихах, написанных в минуты затишья, они говорили, что «сражаются и пером».

Поскольку журналистов тоже считали солдатами, их упрекали при боевых неудачах и поздравляли при успехах.

Для армянских журналистов образ корреспондента-солдата укоренился настолько, что даже создавался определенный барьер между военными и прибывшими журналистами, если те не были в военной форме. Такие журналисты рассматривались как политики и интеллектуалы и психологически воспринимались солдатами как чужаки. С ними общались намного меньше, не делились своими мыслями и не говорили о проблемах. Ношение журналистами военной формы было как бы разделением трудностей солдатской жизни. Прошедших через них солдаты считали достойными писать о войне. Для журналиста в форме слово получалось более живым, а манера держать себя перед диктофоном, фотоаппаратом или видеокамерой — непринужденной.

Но если журналист был в штатском, то солдаты говорили не то, что думали, а что считали «правильным». Галстук журналиста делал солдат официальнее. Журналиста в военной форме считали достойным комментировать и освещать войну. Ему помогали на бытовом уровне. Солдаты воспринимали журналистов как близких людей, имеющих свой фронт.

ДЕМУРЯН Авет

Родился 28 ноября 1954 года. В 1976 году окончил филологический факультет Ереванского государственного института иностранных языков имени В. Брюсова. В 1980 году поступил на работу в армянское отделение агентства печати «Новости». С 1988 года — заведующий армянским отделением АПН, впоследствии — собственный корреспондент РИА «Новости». С 1982 по 1993 год — корреспондент «Московских новостей» в Армении. В 1995 году стал одним из основателей и вице-президентом Ереванского пресс-клуба. В 1996–2001 годах — владелец и директор информационного агентства «АРКА».

Журналисту работать на войне чрезвычайно по многим объективным и субъективным причинам. Мне кажется, что «новостнику» (то есть журналисту, работающему в информационном агентстве) труднее вдвойне. В отличие от своих коллег, вооруженных фото- или видеокамерами, или газетчиков, фиксирующих все, достойное внимания, он должен уместить порой даже очень значительные события, свидетелем которых он становится, в 10–15 сухих строк информационного сообщения. А если учесть, что это сообщение по канонам жанра должно быть начисто лишено эмоционального и даже оттеночного фона, то ко всем прочим трудностям можно смело приплюсовать и психологическую нагрузку.

Впрочем, за все годы карабахского конфликта, который мне пришлось освещать, самой сложной была проблема передачи информации. Порой приходилось преодолевать десятки километров от линии фронта до Степанакерта, чтобы отуда передать материал в Ереван, откуда его затем перегоняли в Москву. Ни о мобильной, ни о спутниковой связи тогда и не слышали, а линейная телефонная функционировала из рук вон плохо, и если даже сразу удавалось дозвониться, то передача одного материала занимала не менее получаса. Словом, связь была, пожалуй, самым серьезным препятствием, которое мне приходилось преодолевать в годы вооруженного конфликта.

К началу боевых действий в Нагорном Карабахе в 1991 году сложилась интересная ситуация. В Армении, с одной стороны, тогда уже был упразднен институт государственной цензуры. Однако необходимость в военной цензуре проявилась сразу после того, как азербайджанским вооруженным силам удалось провести ряд успешных операций. Руководство Армении не посчитало нужным вводить цензуру, за исключением информации, поступающей из Министерства обороны, а вот в Нагорном Карабахе решением Комитета обороны исключительным правом распространять и координировать информацию был наделен Департамент информации и печати. В армянских СМИ это почувствовалось сразу — новостная информация из Нагорного Карабаха стала жестко дозированной, а по материалам стало заметно, что они подвергались редакционной и самоцензуре. И это уже расценивалось как нормальное явление. Меня же многолетняя работа в информационном агентстве и опыт подготовки материалов для зарубежной аудитории давно приучили к самоцензуре, а ссылка в информации в основном на официальные источники была делом вполне обычным. Так что особого дискомфорта в этом плане за все годы войны у меня не возникало. За весь период конфликта, за исключением одного или двух случаев, у меня в Карабахе всегда была возможность свободно получить информацию. А что касается исключений, то это просто была обычная чиновничья глупость.

На самой войне журналистов было немного, на мой взгляд, не более двух десятков, включая пишущих и снимающих. Куда больше было журналистов, освещающих период гражданского противостояния. С началом боевых действий их число заметно поубавилось. Да и на саму войну ездили в основном одни и те же люди.

Неоценимый вклад в освещение конфликта внесли и добровольные «журналисты» — ополченцы и военнослужащие, которые с небольшой видеокамерой или фотоаппаратом, а порой и просто с блокнотом фиксировали все, связанное с конкретным отрядом. Благодаря именно этим добровольным летописцам удалось воссоздать реальную картину боевых действий, понять и осознать весь ужас вооруженного противостояния.

Войну можно освещать, сидя в удобном кресле и мирно попивая кофе, за сотни километров от линии фронта. Причем достаточно передавать то, что предоставит пресс-служба военного ведомства, а при наличии небольшого воображения можно написать и статью. В одном из учебников по журналистике приводится фраза знаменитого американского журналиста: «Я должен увидеть это

собственными глазами». Именно желание увидеть и прочувствовать все двигало мной, когда я отправлялся на войну. Мои воспоминания и опыт, которые я приобрел, не претендуют на то, чтобы стать истиной в последней инстанции, однако, думается, небезынтересно будет узнать, как может, а иногда и должен повести себя журналист в той или иной ситуации на войне.

Окружение

Найдя место для посадки, наш Ми-8 резко пошел вниз. Мы приземлились на поляне на вершине небольшой горы, близ села Мешшен в Мардакертском районе. В начале августа 1992 года там разрозненные отряды карабахских ополченцев вели тяжелейшие оборонительные бои с регулярной армией Азербайджана. Наступление азербайджанцев, начавшееся 12 июня, развивалось в целом успешно, несмотря на ожесточенное сопротивление карабахцев, — сказывалось превосходство в численности, технике, а также поддержка с воздуха. Благодаря своим хорошим контактам с вертолетчиками, я очутился в вертолете, в котором еще несколько ополченцев, рации, немного боеприпасов и продовольствия для одного из отрядов, действовавших в этом районе. Не имея связей, шансы журналиста попасть в вертолет, летевший в зону боевых действий, были равны нулю.

Себя я считал уже «закаленным», в зоне боевых действий приходилось бывать и ранее — в Шуше, в Степанакерте и Шаумяновском районе, который уже был занят азербайджанской армией. Хотя на фронте как таковом (несмотря на отсутствие линии фронта) я очутился впервые и поэтому немного нервничал. Вертолет, высадив шестерых ополченцев и меня, улетел. Мы остались одни на этой поляне, откуда хорошо было видно село Мешшен. К нашему удивлению, нас никто не встречал.

Спустя час после прибытия один из ополченцев — Рубен — предложил пойти на разведку в село. Взяв свой автомат и несколько гранат, он спустился к Мешшену и вошел в село. Спустя 5–10 минут оттуда послышались автоматные очереди, взрыв гранаты, а затем все стихло. Больше Рубена мы не видели. Спустя полчаса мы увидели, как с восточной стороны в село вошли несколько танков, БМП, грузовики с пехотой. Стало ясно, что село уже занято азербайджанцами. Ближе к вечеру мы стали свидетелями тяжелого боя в 3–4 километрах к югу от села, куда вошли тяжелая техника и грузовики с пехотой. Наверняка этот бой вел тот самый отряд, который должен был встречать нас. Поскольку в светлое время суток

пробираться к своим было бы равносильно самоубийству, мы единодушно решили дождаться темноты. Закопали ящики с боеприпасами и кое-каким оборудованием, приметили место и сразу после наступления темноты двинулись на юго-восток, ориентируясь на звуки от разрывов снарядов, гранат и автоматных очередей. Обогнув село и сделав большой крюк, мы оказались в небольшом лесу. Почти сразу нас обстреляли, но пули, к счастью, прошли над головами. Мы тут же дали деру, пробежав как минимум километр-полтора, затаились в овраге. За нами никто не гнался, и мы решили замаскироваться и переночевать. Бой то затихал, то продолжался, постепенно отдаляясь от нас. Решили дежурить по очереди. Первым дежурить выпало мне, и Самвел, родом из Раздана, старший в этой импровизированной группе, предложил мне взять лишний автомат. Я, естественно, отказался, сославшись на то, что если и придется будить товарищей, то для этого необязательно открывать стрельбу. Подумав, Самвел со мной согласился.

Утром, осторожно выглянув из оврага, мы увидели, что и справа, и слева по проселочным дорогам движутся грузовики с пехотой и бронетехника. Разрывы снарядов слышались уже где-то далеко. Мы решили вновь дождаться темноты. Самвел снова предложил мне взять автомат. Однако я опять отказался, сказав, что кроме своего легкого рюкзака несу еще и два набитых снаряжением мешка. Кроме этого, добавил я, журналист не имеет права брать в руки оружие. Все с недоумением, двое даже со злостью уставились на меня. «У нас тут каждый человек на счету, а ты задом виляешь», — сказал мне Самвел, сняв с плеча автомат и передернув затвор. В этот момент единственный среди нас карабахец — Акоп, который наблюдал за дорогой, дал знак замолчать и спустился в овраг. «Кругом азеры, а ты тут разборки устраиваешь, — наорал он на Самвела. — Оставь его в покое». Акоп был уже опытным бойцом, а кроме этого, он единственный среди нас знал дорогу к своим. Самвел, как и остальные, его послушался. Мы опять вынуждены были спрятаться и только ночью двинулись в путь.

К своим мы вышли на четвертые сутки, после двух боев в лесу и заброшенном селе, потеряв одного ополченца убитым и двух бойцов ранеными. Но оружия в руки я все-таки не взял, хотя косяе и недоуменные, порой даже злобные взгляды я ошущал на себе все время, пока мы пробивались к своим. А между тем все очень просто — попади я в плен с оружием, я перестал бы быть журналистом. И неясно, кем бы я в этом случае считался, — комбатантом, военнотружашим или гражданским лицом. Плена я не

боялся, хотя и понимал, что церемониться со мной не стали бы, но стремление сохранить профессиональный статус было сильнее соблазна взять в руки оружие.

Наемники

Спустя два месяца я вновь оказался на фронте. По заданию газеты «Московские новости», корреспондентом которой я был уже давно, я приехал в Нагорный Карабах, чтобы написать о пилоте-наемнике Юрии Беличенко, самолет которого был сбит над Мардакертом. Но об этом чуть позже.

По всей линии фронта карабахские отряды вели тяжелые оборонительные бои. Противник был силен и многочислен и, не считаясь с потерями, медленно продвигался вперед. На участке фронта близ села Акоп Камари, куда я в этот день приехал, бой уже завершился. Противник был отбит второй раз за день. На разведку ушла одна группа ополченцев, за ней — вторая. Первая группа разведчиков вернулась в полночь и доложила, что азербайджанцы понесли большие потери, на смену им прибыло новое подразделение, но разговоры в окопах велись на каком-то непонятном языке.

Под утро в расположении противника вдруг началась дикая стрельба, которая спустя десять минут прекратилась. А через час без потерь вернулась и вторая группа разведчиков с «языком». «Язык» — парнишка лет шестнадцати, по национальности чеченец, рассказал, что большой отряд чеченцев прибыл из Грозного и почти сразу направился на фронт. «Взрослые говорили, что нам дадут хорошие деньги, а потом обещали еще больше», — сообщил Муса на допросе.

«Мы уже возвращались, когда в окопах я услышал непонятный говор, — рассказал мне командир группы Валера, по кличке «черный полковник». — Вижу, в окопе сидят трое и курят. Я в окоп, но за оружие они схватиться не успели. Двоих уложил, а этот, — кивает на парнишку, — схватился за голову и сжался в комок. Жалко стало, пацан еще. Я его в охапку и бежать. Ребята прикрыли. Отсиделись в лесочке и дошли до своих». Как позже выяснилось, это подразделение чеченских наемников было частью большого отряда, которым командовал Шамиль Басаев.

Спустя некоторое время, уже будучи в Ереване, я узнал, что чеченский парнишка Муса был доставлен сюда и к нему был вызван отец, который повсюду, в том числе и в Баку, искал своего отпрыска. Знакомый из органов госбезопасности рассказал, что отец при них так избил несостоявшегося боевика, что его увозили на носилках.

Добиться беседы с пилотом-наемником оказалось делом непростым, но и здесь помогли хорошие связи с военными и знакомства в руководстве Нагорного Карабаха. Бомбивший мирных жителей, пилот в следственном изоляторе выглядел довольно жалко, запинаясь при ответах. Несмотря на это, интервью удалось и было затем опубликовано в «Московских новостях» с фотографией, сделанной известным фотожурналистом Рубеном Мангасаряном.

С Беличенко спустя несколько месяцев мне пришлось беседовать еще раз, когда он делил нары в камере следственного изолятора с другим пилотом-наемником — Александром Яковлевым, самолет которого был сбит в начале 1993 года над Карабахом. Эксперты «истребители» выглядели довольно прилично, одеты они были в джинсы, куртки и кроссовки (Красный Крест постарался), оба отвечали на вопросы уверенно, хотя отлично понимали, что их ждет. Их фотография, также сделанная Рубеном Мангасаряном, была помещена на первую полосу «Московских новостей».

Наемников, воевавших на стороне азербайджанцев, было много: украинцы, афганцы, турки, чеченцы. Брали в плен и русских наемников, но их было мало. Одного из них я увидел в Шушинской тюрьме. Валера из Владивостока (к сожалению, его фамилию я не смог найти в своем архиве) рассказал, что его взяли в плен пьяным и спавшим в обнимку с автоматом и бочонком вина и что он вообще ни в кого не стрелял. Писал я и о попавших в плен афганцах и турках, а на фронте как-то присутствовал при допросе молодого танкиста, украинца по национальности, попавшего в плен буквально за полчаса до этого. Хотя в комнате не было ни одного русского, он все время повторял: «Я вас москалей везде давить буду», отказываясь при этом отвечать на вопросы.

Зимой 1994 года, будучи на фронте, в Мардакертском районе, близ села Мадагис, я оказался свидетелем того, как после атаки, отбитой армянами, азербайджанцы пытались утащить труп одного, по всей видимости командира. Потеряв несколько солдат, они отошли. Их попытки не прекращались в течение нескольких дней. Только на четвертые сутки ночью им наконец удалось перетащить этот труп к себе. Это им дорого обошлось — за эти несколько дней азербайджанцы потеряли убитыми около двадцати человек. Позже со слов пленных мы узнали, что убитый был турком, видным функционером турецкой организации «Серые волки». К слову, бои в эти дни шли тяжелейшие: азербайджанская армия, не считаясь с потерями сотен солдат, пыталась прорвать линию фронта. Армянская же сторона только за три дня боев потеряла убитыми и ранеными несколько десятков человек.

Геранбойский батальон с противоположной стороны

Фильм Александра Невзорова «Геранбойский батальон» со служил плохую службу пропагандистской машине Азербайджана. Весной 1993 года, в первой декаде марта, близ Сарсангского водохранилища шли тяжелые бои — оно не раз переходило из рук в руки. Наконец степанакертскому полку удалось оттеснить противника к селу Мешшен и после его взятия продолжить теснить врага. Я в это время находился на позициях батальона, который был расположен на левом фланге этого полка и огнем отсекал попытки контратакующего противника обойти полк.

В это время на позициях азербайджанцев появилось несколько автомобилей, среди которых была белая «Нива». Поскольку мы находились на вершине сопки, нам было хорошо видно все происходящее вокруг. Азербайджанцы силами до батальона при поддержке бронетехники поднялись было в атаку, но находившиеся перед ними армяне открыли ураганный огонь, в результате чего атака сразу захлебнулась, почти и не начавшись. Особенно старались минометчики и пулеметчики, которые не давали противнику поднять голову. Под непрерывным огнем белая «Нива» заметалась. Из машины выскочили двое и залегли. Затем под прикрытием брони «Нива» отошла назад и рванула с места действия, уже будучи вне зоны обстрела. Позже я узнал, что именно там снимал свой фильм Александр Невзоров, а потом мне стало известно, что по другую сторону сопки на наших позициях находился Дмитрий Писаренко, корреспондент НТВ в Армении, который со своим оператором также снимал этот бой.

Ни дня без шутки

На войне, как, впрочем, и повсюду в жизни, грустное и веселое, трагичное и смешное неотделимы друг от друга.

В 1993 году мне пришлось несколько дней провести в одной роте, девиз которой был «Ни дня без шутки». Бойцы постоянно подшучивали друг над другом, над командиром и даже мне однажды устроили шутивную проверку. Но буквально все лежали на земле от хохота из-за следующего случая. После короткого боя мы вошли в брошенную азербайджанцами деревню и скоро покинули ее. А в роте служил сапер по имени Гагик, который минировал буквально все: дома, сараи, туалеты — словом, все те места, куда мог зайти противник. На выходе из деревни обнаружилось, что неизве-

стно куда подевался боец по имени Седрак. На вопрос командира роты о местонахождении Сето (так его называли сослуживцы) последовал ответ, что он пошел в туалет. Резко побледневший Гагик вскрикнул, что он только что поставил там растяжку. Именно в этот момент прогремел взрыв, и из туалета, который развалился у нас на глазах, вылетел Сето с автоматом в руке. Но в каком виде — в коротком полушубке, без брюк и исподнего, но в сапогах. Все мы подумали, что он либо погиб, либо ранен. Но в этот момент Сето вскочил, передернул затвор и заорал: «Где этот сукин сын?» Надо было видеть, с какой спринтерской скоростью удирал от него Гагик, а за ним бежал полуголый Сето. Гагик вернулся в отряд только на третий день, когда наконец удалось утихомирить Сето. А Гагик пообещал, что больше не будет ничего минировать.

В самом начале вооруженного противостояния, когда шли перестрелки на границе Азербайджана и Армении, я стал свидетелем еще одного случая. Идет бой, в окопе ополченец из Еревана со снайперской винтовкой, рядом — местный житель. Только снайпер поймал в прищелкнул одного из азербайджанцев, как сельчанин ему говорит: «Слушай, не убивай его, он мне четыре тысячи рублей должен». Снайпер засмеялся — ему ничего не оставалось, как легко ранить азербайджанца, которого сразу отташили в укрытие.

Однажды, в 1993 году, когда я пришел в Степанакертский следственный изолятор, то во дворе увидел сидящего на стуле азербайджанца, которого брил один из контролеров. Начальник изолятора пояснил, что это некий Исмаил Джабраилов, тракторист одного из сел Физулинского района, которого вместе с трактором захватили разведчики. «Завтра будем менять его на нашего. А может, и просто так отдадим». Спустя несколько месяцев во дворе изолятора я вновь увидел ту же картину с тем же самым трактористом и опешил. «Вы что, его тогда не отдали?» — спрашиваю у начальника изолятора. А он в ответ смеется: «Да нет, отдать то отдали, только неделю назад он на своем тракторе опять заехал в расположение наших. Ты бы видел, какой хохот здесь стоял, когда его привезли. У нас ему явно понравилось. Завтра снова его отдаем. Я ему уже сказал, чтобы он подальше держался от наших, а то в третий раз не выпущу». А вообще смешных ситуаций на фронте было много, но мне больше всего запомнились эти.

В порядке совета коллегам

В завершение мне хотелось бы поделиться своим опытом с теми коллегами, которые собираются в первый раз выехать в зону

боевых действий. Во-первых, на фронте ни в коем случае нельзя высовываться, и не только из окопа. Необходимо помнить, что снайперы есть на любой войне и они не разбираются, кто перед ними — журналист или солдат.

Во-вторых, не рекомендуется надевать яркую одежду, но в то же время носить военную форму также нежелательно. Лучше всего использовать защитные цвета и легкую обувь, также неброскую. Отправляясь на линию фронта, лучше всего брать с собой минимум вещей — белье, сменную одежду, сигареты, галеты. Ну и профессиональные принадлежности — диктофон, батарейки, блокнот, ручку. Все это можно разместить в небольшом рюкзаке и повесить его за спину.

Необходимо избегать конфликтных ситуаций с военными, у них свои требования, и с ними лучше дружить, чем ссориться.

Установив хорошие отношения с местными жителями и гражданской властью, надо помнить, что они могут оказать существенное содействие в, казалось бы, безвыходной ситуации, не говоря уже о том, что у них можно остановиться на ночлег и в то же время получить необходимую информацию. А гражданские власти могут оказать содействие в передаче материала по назначению.

Необходимо также помнить, что при получении информации на фронте и в тылу, где все подчинено законам военного времени, излишние вопросы могут вызвать подозрение.

В заключение хочу сказать, что мои советы не являются исчерпывающими. Несомненно, их может быть и больше. Однако я желаю, чтобы ими приходилось пользоваться как можно реже, хотя и понимаю, что освещать вооруженные конфликты многим из нас еще придется. Не хочу пророчествовать, но, увы, наше время оставляет мало надежд для оптимизма.

ИШХАНЯН Рүзәннә

С 1988 по 1993 год была корреспондентом государственного телевидения Нагорного Карабаха. С 1993 по 1999 год — заведующий общественно-политическим отделом газеты «Азат Арцах» («Свободный Карабах»). С 1999 по 2000 год работала заместителем главного редактора газеты «Тасеррорд наанг» («Десятая губерния»). В настоящее время — свободный журналист, готовящий материалы для различных СМИ Армении. Член Правления Степанакертского пресс-клуба.

Старая истина гласит: любая война — это зло и предотвратить ее может только народная мудрость. Война не была выбором народа Нагорного Карабаха. Мы были вынуждены вести боевые действия, чтобы обеспечить безопасность своих границ, и зашили свою Родину ценою жизни тысяч молодых людей.

Для того чтобы выдержать все тяготы войны, в первую очередь была необходима централизация власти. С этой целью 14 августа 1992 года в НКР был создан Государственный комитет обороны (ГКО).

Информационное пространство — это та сфера, на которую ГКО обратил особое внимание, так как здесь также требовалась централизованная политика. Одним из первых постановлений председателя ГКО был создан Департамент информации и печати (ДИП), целью которого была систематизация всей информации внутри страны и направление журналистской деятельности на защиту интересов армии и государства. Первым руководителем департамента стал известный и пользующийся в Нагорном Карабахе авторитетом журналист Марсель Петросян. Департамент имел в своей структуре отдел информации, однако в основном работа была сконцентрирована вокруг обработки и выпуска информации о военных действиях. Положительным фактором явилось то, что наряду с Департаментом информации и печати было создано Карабахское агентство новостей.

Альтернативное государственным средствам массовой информации, оно способствовало распространению информации о Нагорном Карабахе в несколько свободном от официоза изложении. Следует отметить, что деятельность нового информационного агентства способствовала информационному разблокированию Нагорного Карабаха. Агентство открыло свой филиал в Армении, с помощью которого касающаяся Нагорного Карабаха информация распространялась среди армянских СМИ, а последние оперативно доводили ее до различных уголков земного шара. Для находящегося в состоянии войны Нагорного Карабаха особенно важно было отношение российских СМИ к событиям, происходящим в зоне азербайджано-карабахского конфликта. Особое внимание уделялось подаче и интерпретации этой информации в программе «Время». В случае необходимости ДИП оперативно опровергал недостоверную информацию азербайджанских источников в программе «Время» и передавал в эфир российского телевидения новости «из первых рук». В первое время своей деятельности ДИП НКР занимался в большей степени опровержениями. Когда стало понятно, что такая практика в информационной войне себя не оправдывает, Департамент решил действовать самостоятельно. На решающем этапе военных действий информация из Нагорного Карабаха имела большой спрос на международном информационном рынке.

В этот период особенно важным было отношение зарубежных стран к сторонам вооруженного конфликта с точки зрения подачи и анализа информации. Это в одинаковой степени относится как к самим странам региона, так и к странам, имеющим свои геополитические интересы в регионе. Немаловажную роль в информационной политике Нагорного Карабаха тогда сыграла созданная при Департаменте редакция радиопередач на азербайджанском языке. Еще одна существенная особенность: если международную общественность в общем не интересовали военные сводки, число убитых и раненых с обеих сторон, то Азербайджан был заинтересован в получении подобного рода информации. Во время радиопередач часто сообщали имена убитых, информацию о документах (свидетельство о рождении, место жительства). В эфире звучали призывы к азербайджанскому народу прекратить бессмысленную войну, которая лишь увеличит число жертв. Отклики на эти передачи были, но не непосредственно из Азербайджана, а через третью сторону. Для выяснения подлинности документов, о которых говорилось в передаче, в редакцию обращались из европейских стран (чаще всего из Германии), а также из стран Востока

ка. Если деятельность ДИП в основном была направлена на внешний мир, то у журналистов, работающих в пекле Карабахской войны, — корреспондентов официальной республиканской газеты «Арцах», карабахского радио и телевидения — цель была несколько иной. В телерадиопередачах и публикациях акценты ставились не только на освещении реальных фактов. Каждая мысль и слово журналистов были направлены на поддержание веры и укрепление духа народа. Нужно было готовить передачи с передовой, информируя население об изменении ситуации в одной или другой части фронта.

В невыносимо тяжелых условиях работали журналисты Нагорного Карабаха, практически не имея никакой материально-технической базы. Говорить о транспорте в эти тяжелые дни не имело смысла. В газете «Арцах» был единственный, еще с незапамятных советских времен сохранившийся фотоаппарат. Его «хозяин», профессиональный фотограф Руслан Саркисян (в 1993 году он был тяжело ранен при выполнении своего профессионального долга), умудрялся снимать этим фотоаппаратом на передовой. А о приобретении диктофона, видеокамеры приходилось только мечтать.

Первая телепередача в Нагорном Карабахе вышла в эфир в 1988 году, что явилось поистине большим событием для народа. Телевизионщики работали в тяжелых условиях, но особенно трудно им стало работать с началом широкомасштабных военных действий.

В феврале 92-го с огневых позиций Шуши на Степанакерт рушились ракеты. Вследствие одного из таких обстрелов рухнуло здание телецентра. Под развалинами остались дорогостоящее оборудование и архив. Однако нужно было продолжать работу, и телестудию решили перевести в кабинет начальника телерадиоуправления, который находился в другом здании. Приемная начальника должна была стать аппаратной, а комната отдыха — монтажной. Сегодня вряд ли кто-нибудь может представить, каким образом затемнялись окна в предоставленных комнатах. У инженеров времени на долгое размышление не оставалось, нужно было как можно быстрее наладить работу телевидения. В конце концов из республиканской больницы решили перевезти матрацы и закрыть ими окна, чтобы туда не проникал свет и каким-то образом была обеспечена звукоизоляция. Матрацы стирали и сушили несколько дней, затем ими закрыли окна «телестудии» и приступили к монтажным работам. В июне 92-го телевидение возобновило свою работу. В часы вещания все собирались у экрана, чтобы услышать военные сводки и узнать о судьбе своих сыновей, братьев, мужей.

Журналисты, выполняя свой профессиональный долг, часто выезжали на фронт на попутных машинах, иногда договаривались с водителями направляющихся туда «КАМАЗов». Присутствие журналистов воодушевляло солдат, заставляло забыть об усталости. Многие из них до сих пор с удовольствием вспоминают те встречи в окопах. А некоторые из них по сей день обращаются в газету или на телевидение с просьбой переписать какой-либо телерепортаж, передачу или разыскать в редакционных архивах статью о тех тяжелых и героических днях.

В памяти остались картинки прошлого, в которых запечатлены трудные будни моих товарищей — карабахских журналистов, работающих на линии фронта. Выполняя свой профессиональный долг, они рисковали жизнью.

26 февраля 1993 года руководитель пресс-службы Верховного Совета НКР Гегам Багдасарян и телеоператор Беник Караханян решили поехать на Сарсангскую гидроэлектростанцию (Мардакертский район), которая несколько раз переходила из рук в руки и на тот момент находилась под контролем армян. Интерес журналистов к ГЭС объяснялся тем, что это было единственное гидросооружение, от которого зависело водо- и энергоснабжение НКР. Естественно, их интересовало состояние этого стратегически важного для Карабаха объекта. Однако важность Сарсангской ГЭС понимал и противник, чем и объяснялось стремление противоборствующих сторон установить собственный контроль над гидроузлом. Приехав на место и закончив съемки, журналисты беседовали с солдатами на блокпосту, когда вдруг началась атака азербайджанских подразделений. Она была столь неожиданной и интенсивной, что с самого начала Силы самообороны Нагорного Карабаха понесли серьезные потери. С помощью авианалетов, танков и ракетных установок азербайджанские подразделения сумели взять в кольцо гидроэлектростанцию вместе с охраной. Часть охраны была убита, и вскоре сопротивление с армянской стороны прекратилось. Остались только журналисты, работник аналитического отдела парламента и водитель. Уже слышались голоса азербайджанских солдат...

По словам Г. Багдасаряна, они отошли от гидроузла и обнаружили, что все три основные дороги отступления уже перекрыты. Оставалась только одна — четвертая, которая уходила вдоль возвышенности: за ее поворотом еще не было противника. Нужно было немедленно преодолеть на машине 200 метров дороги, которая простреливалась из стрелкового и тяжелого оружия. Это был

единственный шанс спастись. С журналистами были еще и добровольцы из Армении. Гегам Багдасарян рассказывает, что они отказались уходить и «стали прикрывать нас огнем. На нашей «Ниве», на большой скорости, нам удалось не только самим выбраться под огнем из окружения, но и вывезти с собой нескольких раненых. Только через несколько дней стало известно, что все добровольцы, которые прикрывали нас в тот день, погибли»...

Вардгес Овян, который в те годы был редактором районной газеты «Хачен» (Аскеранский район), вспоминает: «Во время войны мы были практически на всех блокпостах района и готовили оттуда репортажи. После ранения нашего фотографа Руслана Саркисяна я был вынужден выполнять и его работу.

При приближении к одному из самых опасных блокпостов района сопровождавшие меня солдаты сказали, что десять минут назад на этом месте была перестрелка, поэтому находиться здесь очень опасно. Вчетвером все же рискнули пойти вперед. Оставалось всего 100 метров до поста, как вдруг противник начал стрелять в нашем направлении. Пригнувшись, мы побежали. К счастью, удалось добежать до наших окопов без потерь. На мой вопрос: «Как вы, ребята?» — знакомый солдат ответил: «Пока ты добежал до нас, я чуть не поседел. В своем черном костюме ты был отличной мишенью для противника». В тот же день начальник штаба подарил мне военную форму»...

Не хочу показаться нескромной, но расскажу (в первый раз за десять лет) еще об одном эпизоде. Февраль 1993 года, 4-й блокпост Аскеранского оборонительного района...

Противник почти вплотную подошел к Степанакерту. Аскеранскому району угрожала смертельная опасность, ведь через Аскеран открывалась прямая дорога к столице Нагорного Карабаха. Блокпост находился на линии раздела: с одной стороны — карабахские солдаты, и уже где-то в 100–150 метрах от блокпоста — азербайджанские подразделения, которые с удобной позиции контролировали равнинное пространство. В тот период я работала на телевидении. Вместе с инженером Эдуардом Григоряном (по совместительству он работал и оператором) мы решили побывать на нескольких блокпостах Аскеранского оборонительного района. Съемки решили начать с 5-го блокпоста — с того, где 13 июня 1992 года героически погиб мой муж, Арсен Габриелян (он был студентом Санкт-Петербургской лесотехнической академии. Бросив учебу, приехал защищать свою родину)... От 5-го блокпоста спустились к 13-му. Нас сопровождал командир батальона Артур Арутюнян. Наш «поход по по-

зициям» должен был завершиться самым опасным 4-м блокпостом. Ребята пытались меня отговорить от этого, но напрасно. Иду вслед за Эдиком. Прекрасно понимая, что находится под прицелом противника, Эдик тем не менее ползет вперед — нужно заснять подбитый танк. Через несколько минут раздалась пулеметная очередь. Неожиданно проваливаюсь в снег и только тут замечаю, что рядом со мной — командир батальона. «Только твоей смерти нам не хватает», — рассерженно говорит он. К счастью, вскоре грохот утихает. Затем скромно пообедав с солдатами, мы распрошались с ними и осторожно отошли с позиций. Через неделю на работе все говорили о том, что председатель ГКО Роберт Кочарян (нынешний президент Армении), увидев эти кадры, сделал замечание руководителю телевидения: дескать, нельзя подвергать опасности жизнь женщины.

Тысячи молодых людей рисковали своими жизнями, защищая Родину. Если они умирали с оружием в руках, то журналист шел навстречу смерти с камерой или диктофоном. Сегодня мы с глубокой болью вспоминаем погибших коллег: Сергея Амбарцумяна, Александра Гаспаряна, Арама Закаряна, Армена Саркисяна. И словами эту боль очень трудно выразить...

Журналисты рисковали своими жизнями не только на передовых и блокпостах, но и повсюду, где приходилось работать. Можно сказать, что в годы войны любой уголок Нагорного Карабаха представлял опасность для жизни. Каждодневные артобстрелы и авианалеты были обычным явлением для карабахцев. Особенно опасно было в столице Нагорного Карабаха — Степанакерте. Выходишь на улицу и не предполагаешь, что через секунду над твоей головой пролетит свинец. Раздастся взрыв, а ты даже не успеешь оглянуться по сторонам, чтобы укрыться в безопасном месте. А успеешь пасть ничком и закрыть голову руками?..

Именно во время Карабахской войны и сформировалась наша профессиональная военная журналистика. В ее становлении основную роль сыграла пресс-служба Армии обороны НКР, работа которой заключалась не только в передаче последних сводок с линии фронта, но и в создании богатого архива военных лет. В результате сегодня мы имеем около 180 часов бесценной видеохроники. Силами творческого коллектива пресс-службы АО стала выходить в эфир передача «Гоямарт» («Битва за жизнь»). Можно сказать, что военная журналистика в Нагорном Карабахе зарождалась, в прямом смысле этого слова, на поле боя. Творческий коллектив пресс-службы Армии обороны НКР фактически стал летописцем истории армии, свидетелем ее становления, ее побед и неудач.

По определению руководителя творческой группы программы «Гоямарт» Сенора Асратяна, перед сотрудниками пресс-службы стояли те же задачи, что и перед солдатами. Если солдат сражался с оружием в руках, то рядом с ним выполнял свой профессиональный долг оператор или журналист «Гоямарта». Разница была только в «разделении труда». «Бывало и такое, — вспоминает Сенор Асратян, — когда однажды наша творческая группа возвращалась с высоты Омар (имеющая важное стратегическое значение, высота несколько раз переходила из рук в руки и сегодня находится под контролем Армии обороны НКР. — *Р.И.*), в полночь пришел приказ снова идти обратно. События разворачивались так быстро, что невозможно было ничего предугадать, но и говорить об усталости ни журналист, ни оператор не имели права. Они, как и солдаты, были обязаны по первому приказу двинуться с места... Наверное, в этом и была разница между военным журналистом и гражданским. Передача «Гоямарт» в то время честно и мужественно выполняла свой профессиональный долг. Именно поэтому я и мои товарищи — сегодня частые гости воинских подразделений, где до сих пор служат офицеры, с которыми в тяжелые годы войны мы переносили холод и голод, горечь потерь и радость побед».

Один из основателей передачи «Гоямарт», режиссер и оператор Вардгес Улубабян при выполнении своего профессионального долга был ранен пять раз. И сегодня он продолжает работать на той же передаче, рассказывая о буднях современной армии. Хотелось бы также отметить, что трудная и опасная работа военных журналистов отражена в книге Сенора Асратяна «Краткий путеводитель истории боевого пути Армии обороны НКР». Это документальный труд, который может стать основой для исторического исследования или даже художественного произведения. В дополнение к вышеизложенному хотелось бы отметить, что на боевых позициях также находились журналисты еженедельной газеты Армии обороны «Мартик» («Воин»). В постоянных рубриках периодически публиковались сводки о военных действиях, освещалась оперативная информация о положении на линии фронта, статьи о погибших солдатах, обращения и призывы политотдела армии к солдатам и офицерам. В каждом номере публиковалась полевая почта, имелся также и уголок юмора.

Говоря о журналистике военных лет, не могу не сказать и о цензуре — самом неприятном, порой невыносимом для журналистов явлении. В своей ежедневной работе мы должны были считаться с этим, сознавая, что без ужесточения цензуры не обходится ни одно

находящееся в состоянии войны государство. В этот период все СМИ Карабаха работали в крайне напряженном режиме и понимали, что информация не должна выходить за границы дозволенного.

Конечно, журналисты также понимали, что военное положение и централизация власти в определенной степени предполагают ограничение прав и свобод, которое распространилось в первую очередь на средства массовой информации. Государственной и военной цензурой были запрещены материалы, связанные с безопасностью страны, дислокацией и передвижением воинских подразделений, а также публикации, содержащие военные и государственные секреты. В законе о военном положении обо всем этом было четко сказано, а нарушившие закон журналисты привлекались к ответственности. Например, один из опытейших журналистов Карабаха Борис Геворкян провел сутки во временном изоляторе Министерства внутренних дел из-за того, что за день до денежной реформы в Республике Армения сообщил об этом одному российскому информационному агентству. За статью «Новый Арцах или новая Спарта?» Гегам Багдасарян был задержан на 10 дней якобы за то, что эта статья не соответствует государственной идеологии. Журналист Ваграм Агаджанян, можно сказать, хорошо знаком с камерами изолятора, так как провел в них достаточно много дней как в военное, так и в мирное время. Интервью автора этих строк с руководителем Управления по национальной безопасности также не прошло цензуру и не было опубликовано. По приказу руководителя Департамента информации и печати НКР это интервью сняли с готового к печати номера уже в типографии...

События, разворачивающиеся на фронте, привлекали внимание многих зарубежных газет, теле- и информационных агентств, таких, как CNN, BBC, Associated Press, Washington Post, New York Times, Radio France International, France Press, российских СМИ — «Время», «Вести», «НТВ», «Собеседник», «Московские новости» и др. В «горячую точку» приезжали журналисты из США, стран Европы и Азии. Конечно, едва ли можно однозначно говорить о целях и задачах иностранных журналистов, приезжающих в Нагорный Карабах, но определенно можно сказать, что перед всеми ними стояла одна задача: первыми сообщить о событиях в НКР и вокруг нее—. Представители этих и других информационных агентств и телевидения часто выезжали на линию фронта, рискуя собственной жизнью. Общение с иностранными коллегами, оказание по возможности помощи им как бы входило в обязанности ка-

Журналисты на войне в Карабахе

рабахских журналистов. Мы старались представлять иностранных журналистов нашим согражданам, обсуждали с ними проблемы журналистики, делились наболевшим.

Некоторые из известных нам журналистов приезжают в Нагорный Карабах и после войны. Они готовят материалы о карабахском урегулировании, о мирной жизни, представляют международной общественности наши сегодняшние реалии.

КЕРИМЛИ Керим

Родился в 1963 году в г. Шуше. В 1986 году закончил Сельскохозяйственный машиностроительный институт в г. Кировограде, Украина. Тогда же окончил трехгодичные заочные курсы журналистики. В настоящее время — главный редактор газет «Шуша» и «Гянджлик», автор пяти книг, лауреат одной международной и двух республиканских премий.

Человеческие мечты безграничны. Было время, когда и я, как все, жил бесконечными мечтами. Но теперь почти все они куда-то улетучились. Сейчас у меня осталась лишь одна мечта, которая и стала смыслом моей жизни, — когда-нибудь вернуться в родную Шушу, вдохнуть ее воздух, чистый и прозрачный, как стекло («Шуша» в переводе — стекло), шагать по ее старинным каменным мостовым, остановившись в узком переулке, дотронуться до стен, впитавших в себя дыхание истории и голоса предков... Увы, сегодня я пишу про свою светлую мечту под скрип дешевой иранской шариковой ручки в 33 километрах от Баку, в холодной бетонной постройке, в советское время являвшейся «канцелярией» местных пастухов, с трудом различая бумагу на столе, при свете и копоти старой и ржавой керосинной лампы, ибо электричество отключено из-за очередного каприза какого-то чиновника.

Начало моей журналистской деятельности совпало с зарождением и эскалацией карабахского конфликта. Все это время, вплоть до оккупации Шуши 8 мая 1992 года, я жил и работал в условиях войны. В первое время дефицит информации ощущался до такой степени, что порой невозможно было точно знать, что же происходит в соседнем селе. В 1988–1990 годах единственными источниками информации были официальные СМИ, которые отражали позицию Центра и всячески старались скрыть от населе-

ния истинное положение дел. Конечно, это не способствовало нормализации, а, наоборот, еще больше обостряло отношения. Люди вводились в заблуждение, не знали, почему центральные СМИ пытались заставить их не доверять своим глазам. Есть такая азербайджанская пословица: «Ложь порождает разрушение».

В то время во всей Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) единственной газетой, издававшейся на азербайджанском языке, была районная газета «Шуша». В областном центре выходили газеты «Советский Карабах» (на русском языке) и «Советакан Карабах» (на армянском языке), кроме того, на армянском языке выходили районные газеты в Аскеране, Мардакерте, Мартуни и Гадруте. Областной газеты на азербайджанском языке не было, и поэтому эту роль приходилось играть «Шуше». Я сотрудничал с этой газетой еще со школьных лет. А потом на базе издательства «Шуша» я создал и возглавил малое полиграфическое предприятие. В те годы газета «Шуша» была органом районного комитета партии и райисполкома совета народных депутатов и уже поэтому находилась под жестким контролем. Но иногда газета позволяла себе «маленькие шалости», и поэтому сверху контроль над ней был еще более усилен. Для примера расскажу, в чем это проявлялось. Рядом с Шушой, напротив исторического места Джыдыр-дюю (Поле скачек) находился знаменитый лес под названием Топхана. В 1988 году армяне начали проводить там какие-то работы и при этом стали вырубать деревья. Одним из главных лозунгов начавшихся в Баку массовых митингов был протест против уничтожения леса Топхана. В то время я написал одно стихотворение, и оно не было опубликовано из-за строчки: «Рана в моей душе — Топхана». Цензуру непосредственно осуществляли представители военной комендатуры Советской Армии. В то время в Шуше, как и в остальных частях НКАО, были размещены советские войска. И они считали своим долгом вмешиваться во все сферы жизни города, в том числе и в работу редакции газеты «Шуша». Не зная азербайджанского языка, военный цензор искал в макете газеты слово «Топхана» и несколько других ключевых слов и, совершенно не вникая в смысл, требовал поменять материал, содержащий эти слова. В то время мне удалось выпустить несколько номеров незарегистрированной газеты «Унсийят» («Общественность»). Газетой ее можно было назвать с очень большой натяжкой, так как она состояла всего из 1–2 листов. Но в ней я собирал и публиковал материалы, которые были вырезаны цензурой в других изданиях. Это был классический пример «самиздата», и до сих пор

я горжусь этим периодом своей работы и храню как реликвию клише названия газеты и несколько ее номеров.

Жизнь журналиста во время Карабахской войны висела на волоске ровно в той же степени, как и жизнь любого другого жителя Шуши. На наших глазах ежедневно гибли мирные люди под дождем пуль, снарядов, «градов». Если журналист и отличался от представителя другой профессии, то только тем, что зачастую сам напрашивался на опасность, порой рисковал своей жизнью ради исполнения служебного долга. Неоднократно и я смотрел в лицо смерти и лишь благодаря воле Всевышнего сумел выйти живым из этой войны. Но мне очень больно вспоминать коллег, погибших при выполнении своего долга. Это молодая и красивая корреспондентка газеты «Молодежь Азербайджана» Салатынь Аскерова, один из создателей независимого телевидения в Азербайджане Чингиз Мустафаев и группа журналистов государственного телевидения: Алы Мустафаев, Осман Мирзоев, Фахраддин Шахбазов и Ариф Гусейнзаде, погибшие в сбитом вертолете 20 ноября 1991 года вблизи армянского села Гаракенд Мартунинского района НКАО. Так получилось, что первым журналистом, оказавшимся на месте падения вертолета, был я. Не в силах передать, как больно и ужасно было видеть обгоревшие трупы коллег. До сих пор не могу забыть это зрелище.

Меня поражала смелость иностранных журналистов. Я часто сопровождал прибывающих в Шушу корреспондентов, помогал им в их работе, организовывал встречи. Иногда с ними случались интересные приключения. Одна группа из трех журналистов прибыла к нам в декабре 1991 года. Женщина работала в фотожурнале «Фокус», двое других корреспондентов — на радиостанциях «Свобода» и «Свободная Европа». Они побывали в Шуше, посетили близлежащие населенные пункты, собрали неплохой материал. В последний день они попросили меня проводить их в азербайджанское село Кяркиджахан, расположенное вблизи Ханкенди (Степанакерта) и довольно далеко от Шуши. Передвигались мы пешком, поскольку ездить в автомобиле было рискованно. Но тем не менее, возвращаясь из села, мы попали под обстрел. У меня был опыт поведения под таким «дождем», но, надо отдать должное коллегам, они нисколько не растерялись и выполняли все мои указания. Даже единственная женщина среди нас, кажется, ее звали Вика, тоже держалась молодцом, хотя можно было догадаться, какого внутреннего напряжения всем нам это стоило.

Не могу забыть обстоятельства трагической гибели нашего московского коллеги — журналиста радиостанции «Маяк» Леони-

да Лазаревича. Он прибыл в Шушу, а оттуда направился в Кяркиджан. В то время за этот населенный пункт шли ожесточенные и кровавые бои. Стремясь увидеть все своими глазами, Лазаревич порой переступал грань допустимого риска. Мы неоднократно просили его быть более осторожным, но он был уверен, что с ним ничего не случится. Он верил, что издалека в нем узнают журналиста и никто не станет в него стрелять. Но, к сожалению, он ошибся, и это стоило ему жизни. Когда мы увидели, что погиб Лазаревич, первым делом пытались подобрать его тело с поля боя. Но армяне обстреливали каждого, кто пытался приблизиться к телу. Наконец одному нашему солдату удалось смастерить длинный трос с крючком на конце; рискуя своей жизнью, он подполз к телу, зацепил его и вынес с поля боя.

Летом 1990 года в Баку начала издаваться газета «Гарабаг» на азербайджанском языке, и я согласился сотрудничать с ней. С июня я стал собственным корреспондентом «Гарабага» в НКАО и в приграничных с Арменией районах. Работа была интересной и ответственной. Я видел в ней не только свой профессиональный, но и гражданский долг. За два года я обошел все районы НКАО, а также Зангеланский, Кельбаджарский, Лачинский, Губадлинский, Агдамский, Физулинский, Тертерский и Джебраильский районы. Можно написать много томов о том, с кем я встречался, что повидал и что испытал за это время. По долгу службы часто бывал и в Степанакерте. В то время там размещался штаб Республиканского оргкомитета по НКАО во главе с тогдашним 2-м секретарем ЦК Компартии Азербайджана, ныне покойным В.П. Поляничко. Обычно каждый вторник он проводил заседания с участием более 20 местных руководителей. Моей обязанностью была передача в Баку репортажей с этих заседаний. Во время одной из таких поездок мне пришлось задержаться, и возвращался я совсем один уже впотымах. За день до этого в Степанакерте было совершено нападение на азербайджанского прокурора, которому нанесли множество ножевых ранений. А незадолго до этого были убиты три азербайджанских водителя. С каждой минутой становилось все темнее, я был весь в напряжении. Увидев приближающийся УАЗ с прикрепленным к лобовому стеклу пропуском «БД» («Без досмотра»), я стал голосовать. В машине оказался полковник Рамиль Усубов, ныне занимающий пост министра внутренних дел Азербайджанской Республики в звании генерал-лейтенанта. Он и вывез меня из Степанакерта.

Не все военные так благосклонно относились к журналистам. Особенно нас не любили советские офицеры. Я уже писал, как

они вмешивались в работу газеты «Шуша». Мы часто бывали свидетелями того, как советские воины, направленные в регион наводить порядок, на деле занимались пьянством, разбоем и мародерством. Часто между местными жителями и военными случались конфликты. Конечно, мы не могли открыто писать об этом. Но я применял такой прием: каждый раз после сообщения о бандитском нападении на мирного жителя или факте грабежа я брал в кавычки фразу «идет следствие», показывая тем самым, что в объективность следствия верить уже не приходится. Нередко мне угрожали расправой за это, а однажды меня арестовали. Это случилось в 1991 году недалеко от Степанакерта, возле поста ГАИ. Меня задержал сотрудник военного поста, проверил мое журналистское удостоверение, другие документы и объявил, что я арестован. У меня отобрали все документы и деньги. Один из военных обругал меня нецензурными словами, обвинив в моем лице всех журналистов в разжигании межнациональной розни. Он заявил, что «необходимо собрать всех журналистов в одной камере и при помощи дубинки заняться их перевоспитанием». Он сказал: «Если бы не мы, русские, вы и армяне давно перегрызли бы друг другу глотки, как дикари». Я попытался было вставить слово о том, что все это не относится ко мне и мой арест незаконен, но мне скрутили руки и доставили в военную комендатуру города Агдам. Там в одиночке я просидел три дня. Дважды в день мне давали теплую воду и черствый хлеб и дважды выводили в туалет. Меня спасла безответственность охранника. Он забыл запереть дверь и куда-то вышел. Воспользовавшись его пятиминутным отсутствием, я прошел к столу дежурного, быстро поднял трубку телефона и набрал «07». Я представился телефонистке, сообщил свое местонахождение и попросил передать эту информацию руководству Агдамского или Шушинского района. Все телефонистки Агдама меня хорошо знали, потому что я часто передавал через них информацию в Баку. Как только я положил трубку, вернулся мой охранник и потребовал объяснений. Пришлось соврать, что я искал сигарету. Охранник оказался гуманней своего командира и угостил меня сигаретой, не подозревая, что я воспользовался телефоном. Уже через полтора часа за мной заехала милицейская машина, доставившая письменное требование о том, чтобы меня передали в распоряжение ОВД Шуши. Оказалось, что меня таким образом выручил глава исполнительной власти Шуши Михаил Гезалов. К сожалению, спустя несколько дней после этого случая он был жестоко убит в своем рабочем кабинете.

Я работал собственным корреспондентом газеты «Гарабаг» вплоть до оккупации Шуши 8 мая 1992 года. Как я уже отмечал, все это время я поддерживал контакты и с редакцией газеты «Шуша», тем более что по совместительству возглавлял типографию, где она печаталась. Выпуск каждого номера стоил нам невероятных усилий. К сожалению, некоторые из моих коллег не дожили до наших дней, не смогли перенести все тяготы жизни беженца и скончались вдали от родного города. Хочу отметить их имена: Эльджан Шахмароглу, заведующий отделом газеты «Гарабаг», Гафар Гусейнов, заведующий отделом газеты «Шуша», Айдын Исмаилов, механик типографии газеты «Шуша», Иса Аббасов, корректор газеты «Шуша». Память о каждом из них сохранится в наших сердцах.

В то время малое полиграфическое предприятие при газете «Шуша» было единственной типографией в Карабахе, где печатались тексты на азербайджанском языке, поэтому его работа была очень важна. Конечно, в осажденном городе у нас часто возникали проблемы с материалами. Но в то время в правительстве Азербайджана был человек, который сделал очень много для обеспечения нормальной работы типографии. Это был тогдашний министр печати и информации, поэт и журналист Сабир Рустамханлы (ныне член парламента и председатель партии Гражданского соглашения). Очень часто наша типография оставалась без электроснабжения — линии электропередачи часто подрывались. Бывало, что мы резали газетную бумагу ножами, так как станки не работали.

В памяти у меня осталось много трагических событий. 26 января 1992 года в селе Дашалты Шушинского района было расстреляно много азербайджанцев. Спустя два дня, 28 января, тепловой ракетой, выпущенной из Ханкенди (Степанакерта), был сбит вертолет, направляющийся из Агдама в Шушу. Тогда погибли 44 мирных жителя. И мы, журналисты, наряду с жителями Шуши в тот день собирали останки человеческих тел на склонах горы, на ветвях деревьев. Вертолет был сбит под вечер, а тогда была зима и темно рано. Мы были вынуждены прекратить поиск тел и вернуться в Шушу, тем более что была реальная угроза попасть под артобстрел со стороны села Кяркиджахан. Ночью мы изготовили 44 гроба, а утром, вернувшись на место гибели вертолета, я увидел страшную картину — бродячие собаки грызли останки неподобренных человеческих тел. До сих пор я не мог писать об этой картине, какая-то внутренняя цензура останавливала меня.

Спустя месяц, в ночь с 25 на 26 февраля, случилась трагедия в Ходжалы. Со стороны Шушинской крепости мы могли наблю-

дать, как горел город — до него было несколько километров. Чувство бессилия чем-то помочь согражданам невыносимо давило на нас. Утром 26 февраля всех журналистов, в том числе иностранцев, собрал комендант Шуши подполковник Алекпер Аскеров (он был убит в начале 1993 года в Баку в должности заместителя начальника управления по борьбе с бандитизмом и терроризмом МВД Азербайджана) и объявил: «В Ходжалы убито около тысячи людей!» Я переспросил его, потому что мой разум отказывался верить в это. Аскеров резко ответил: «Ты меня не знаешь или мне не веришь?» Тогда же я передал эту информацию в Баку, сперва в свою редакцию, газету «Гарабаг», а потом подряд во все редакции и информационные агентства. Лишь одна газета — «Сэхэр» — утром опубликовала относительно достоверную информацию об истинных масштабах этого преступления.

Несмотря на оккупацию Шуши, я продолжал посещать зону боевых действий вплоть до подписания 12 мая 1994 года соглашения о прекращении огня. И до сего дня вся моя творческая деятельность неразрывно связана с карабахской темой. За это время мне удалось издать несколько художественных и публицистических произведений. Еще несколько книг ждут своей очереди. Но я верю, что лучшее произведение у меня еще впереди — его я создам в своем родном городе.

МАНГАСАРЯН Рубен

В 1996 году основал Агентство Паткер. Как стрингер работал для AP, AFP, Stern, Time, Moscow News, FOCUS. Фотографии опубликованы в Newsweek, Time, Bussiness Week, Paris Match, Aera, L'Express, Stern, Washington Post, Los Angeles Times, The Boston Globe, The Guardian, Le Figaro, FOCUS, Politiken. Индивидуальные выставки: Браззавиль, Конго (1990); Ереван, Армения (1990); Алеппо, Сирия (1990); Салон Никон, Токио, Япония (1992); Лауреат премии Союза журналистов СССР «Лучший Фоторепортер года» (1989). Член Международной федерации журналистов и Ереванского пресс-клуба, Армения.

Я старался не оставаться долго на линии фронта. Мои поездки длились в среднем неделю. Это позволяло не привыкать к ситуации и сохранять свежий взгляд. Я не хотел привыкать к взрывам, обстрелам, боевым действиям, военным ощущениям и военному быту, так как это негативно отразилось бы на моей работе. Я старался каждый раз по-новому смотреть на войну. Сначала мне казалось, что война — это фронт. Но постепенно я пришел к выводу, что сфотографировать войну можно везде — в прифронтной зоне, в тылу, в быту и повседневной жизни. Война была в Карабахе везде.

Самой большой проблемой на войне для меня было добраться до Степанакерта. В те годы сообщение со Степанакертом было только по воздуху и забронировать место в вертолете стоило больших трудов. Порой приходилось целыми днями сидеть в аэропорту в Ереване, дожидаясь летной погоды и свободных мест на борту.

Конечно, нужны были знакомства с командирами, без которых не состоялись бы эти поездки. Из Степанакерта на фронт я передвигался на попутных машинах. Война имеет свои правила. Одно из основных: «Все свое ношу с собой». Очень важно быть мобильным, не возвращаться куда-либо за вещами, носить с собой исключительно необходимое. Для меня, фотожурналиста, это, конечно, кофр с фотоаппаратурой и легкий рюкзак с пленкой и личными вещами.

Другое правило — будь всегда готов ко всему. Как-то я нарушил это правило и чуть не поплатился за это.

В 1992 году из Степанакерта вместе с новобранцами мы поехали в Мардакертский район. Это было во время наступления азербайджанцев. Мы доехали до города Ленинавана, и бойцы решили перекусить. Они зарезали свинью, быстро приготовили шашлык, откуда-то достали прохладное красное вино (была летняя жара). Тем временем на другом берегу реки Тартар появилась большая колонна бронетехники и пехоты азербайджанцев. Я с набитым желудком встал из-за стола и пошел в сторону реки, чтобы сфотографировать передвижение азербайджанцев. Через некоторое время, ощутив их приближение, я вернулся в центр Ленинавана. В штабе никого не оказалось — все отступили. Слышны были автоматные очереди с соседних улиц. Я увидел бегущего человека, окликнул его: «Что происходит?» Он не остановился и исчез за углом. Я остался совершенно один в незнакомом городе. Стало страшно. Инстинктивно я выбрал направление и побежал. Это было невообразимо трудное бегство — с набитым шашлыком желудком и непонятно куда, от плена или в плен. В итоге все обошлось. За городом я остановил грузовик с такими же беженцами, как я, и мы благополучно вернулись в Мардакерт.

Во время войны я не сталкивался с цензурой. Наверно, это специфика фотожурналистики. Я снимал все, что находил нужным. Единственное: бойцы не любили фотографироваться. Кто-то пустил слух, что это плохая примета: если фотографируешься, то погибнешь. Другое дело — самоцензура. Никогда нельзя входить в образ солдата, у которого вместо «Калашникова» фотоаппарат. Для меня максимальная объективность была одним из приоритетов. Не знаю, насколько это удавалось, но я очень старался.

Что касается передачи фотографий в редакции, то я по возвращении из Степанакерта сразу вылетал самолетом в Москву, проявлял пленки в фотолаборатории АПН, сдавал съемку в редакции. К концу войны у меня появилась возможность передачи фото по компьютеру, что очень облегчило работу.

Самое меткое высказывание о войне: «На войне как на войне». Потому что это не похоже ни на что. Бытовые условия абсолютно не соответствуют смыслу этого слова. На фронте они не бытовые, а фронтовые. А в тылу хорошим примером служит одна из наших поездок вместе с моим коллегой, фотожурналистом Завереном Хачикяном. По прибытии в Степанакерт мы пошли устраиваться в единственной гостинице «Карабах». Это было в феврале,

и город интенсивно обстреливался «Градом» со стороны Агдама. На наш вопрос, есть ли свободные номера, администратор спросила: «А вам какой номер, опасный или безопасный». Мы спросили: «А какая разница?» Она ответила, что в той стороне гостиницы, которая находится под обстрелом «Града», есть номера с туалетом, а номера другой, безопасной, стороны — без туалета. Мы подумали и решили взять опасный номер — ведь мы на войне и не надо пренебрегать личной гигиеной. Правда, администратор забыла сказать, что в гостинице нет воды и мы не сможем пользоваться туалетом в номере. Мы спали в одежде, а утром обнаружили, что за занавесами окон нет стекол, поэтому в «опасной» стороне гостиницы была уличная февральская температура.

Пока шла война, я много раз встречался с журналистами, которые работали и на азербайджанской стороне. Это были и иностранцы, и русские, и азербайджанцы. Эти контакты и обмен опытом помогали работать объективно, не замыкаться на одной стороне.

МОВСУМЛУ Сеидага Файя оглу

Родился в 1954 году в Уджарском районе. Окончил Всесоюзный институт Гостелерадио, факультет телеоператора. Начал работу в Госкомитете по телерадиовещанию как ассистент телеоператора. Работал в Информационно-аналитическом Центре при Министерстве обороны Азербайджанской Республики. С 1993 года — начальник студии документальных фильмов при Министерстве обороны. В настоящее время — полковник — лейтенант в отставке.

XX век в истории Азербайджана был полон бедами и трагедиями. В историю страны была записана Ходжалинская трагедия. Память о ней будет передаваться из поколения в поколение благодаря статьям, фото- и видеоматериалам, созданным нами, журналистами, освещавшими войну.

Признаюсь, я, несмотря на солидный возраст, наверное, так и остался бы солдатом, если бы не был ранен в одном из первых боев в Карабахе. Я был командиром 1-й роты 1-го батальона только что созданной Национальной армии и был ранен 9 декабря 1991 года в боях за село Кяркиджахан вблизи города Шуши. Во время лечения в Институте травматологии меня навесил начальник пресс-службы Министерства обороны полковник Рамиз Меликов и сделал интересное предложение: «Более 20 лет ты проработал оператором на телевидении. Имеешь большой опыт. Может, возьмешься за создание военного видео- и киноархива?» Я не сразу принял это предложение. Выписавшись из госпиталя, вернулся в свой батальон. Но все мои однополчане во главе с командиром Зауром Рзаевым настояли, чтобы я принял это предложение. Так с 19 февраля 1992 года я стал первым (и пока единственным) военным оператором студии документальных фильмов при Министерстве обороны.

Придя на работу утром 26 февраля, я застал начальника пресс-службы МО полковника Рамиза Мехтиева и его заместителя

капитана Мирсалеха Ахундова в состоянии сильного волнения. Рамиз сказал: «Сеидага, есть информация, что в эту ночь армяне вместе с 366-м мотострелковым полком России ворвались в Ходжалы и истребили все население города. Но пока не можем получить более достоверных данных. Государственное телевидение сообщает всего о двух жертвах. Срочно выезжай в Агдам и постарайся собрать самую точную информацию». В те времена студия только создавалась и у нас не было ни одной телекамеры. Поэтому я сперва должен был найти камеру. Первым делом я обратился в Гостелерадио, где проработал 20 лет. Однако там отказались выдать мне камеру. Вернувшись с пустыми руками, я стал думать, кто бы мог мне помочь, и вспомнил про народного депутата Этибара Мамедова. Позвонил ему, поделился имеющейся у меня информацией и попросил помочь достать камеру. Э. Мамедов отдал мне свою личную камеру «Sony». И хотя она не была предназначена для профессиональной съемки, пришлось довольствоваться тем, что есть. Поблагодарив Э. Мамедова, я немедленно отбыл в Агдам.

Уже к 12 часам я был в Агдаме, где стал очевидцем ужасной сцены. Кругом были раненые, измученные, изгнанные из родных домов соотечественники. Я немедленно приступил к съемкам. Одновременно появилась информация, что дорога в Ходжалы заполнена трупами. Чтобы проверить ее, я обратился к командиру Агдамского батальона самообороны Аллахверди Багирову и попросил его содействовать мне в проведении съемок на месте трагедии. Командир сперва заявил, что это невозможно, потому что эта территория уже находится под контролем армян. Но после моих настойчивых просьб он сказал, что есть лишь один путь для осуществления съемки, а именно — согласовать ее с армянской стороной. Он по рации вышел на связь с командиром Аскеранского батальона Виталиком. А потом состоялась встреча двух командиров. Сперва Виталик не хотел давать разрешение на проведение съемок. Тогда Аллахверди Багиров спросил его: «Значит, ваших рук дело эта резня?» Виталик поклялся, что их батальон лишь следовал за 366-м полком ВС России, расположенным в Степанакерте, и именно этот полк виноват в массовой резне. Аллахверди ответил: «В таком случае создайте условия для моего солдата, чтобы он все снял». Он намеренно не сказал, что я приехал из Баку, и выдал меня за своего солдата. Ко мне прикрепили двух армянских бойцов, и мы на машине поехали к месту событий. Кроме нас в машину сели и несколько азербайджанских бойцов. Было согласовано, что они вывезут тела погибших.

Вскоре мы двинулись в сторону Аскерана. У въезда в населенный пункт, под и над мостом лежали тела замученных и убитых мирных жителей. Мне разрешили снимать на камеру, но прикрепленные бойцы ни на секунду не оставляли меня без внимания. Я впервые в жизни столкнулся с трагедией такого масштаба. Все кругом было завалено человеческими телами — младенцы, женщины, девушки, старики. До этого я видел подобную картину лишь в кино и на телевидении в хрониках и документальных фильмах. Солдаты Агдамского батальона самообороны собирали тела в машину, некоторые не сдерживались и плакали. А я все продолжал снимать. Во-первых, сознавал всю ответственность момента и понимал, что второго дубля не будет. Во-вторых, не мог себе позволить проявить слабость перед армянскими солдатами.

Во время съемок я нашел тело своего друга, Национального героя Азербайджана, командира ОМОНа в Ходжалы Алифа Гаджиева. Когда я снимал трупы у Аскеранского дома культуры, заметил, что с нашей стороны приближаются вертолеты, но пилоты опасались спуститься. По настоянию журналистов, находившихся в вертолетах, они все же совершили посадку. Едва прибывшие операторы начали снимать, как они были обстреляны с армянской стороны. Вертолеты вместе с журналистами тут же поднялись в воздух. Остался один парень с камерой и, несмотря на опасность, продолжал снимать. Позже я узнал, что это был один из основоположников независимого телевидения в Азербайджане, будущий Национальный герой Чингиз Мустафаев (через несколько месяцев он погибнет при исполнении своего журналистского долга). Вскоре один из вертолетов вернулся за ним и вновь улетел вместе с Чингизом.

Вокруг опустилась зловещая тишина. Я не мог снимать все, что хотел. Например, под Аскеранским мостом лежали обезглавленные тела примерно 30 наших солдат. Моя охрана запретила мне их снимать. Наверное, они чувствовали, насколько трудно мне держать себя в руках. Вскоре мне приказали вернуться обратно.

В Агдаме царил суматоха. Привезенные нашими бойцами тела ходжалинцев еще более накалили обстановку. Чудом избежавшие смерти, полуживые ходжалинцы искали среди этих тел своих родных и близких. Снимать эти кадры было невыносимо тяжело. Еще тяжелее было снимать возвращенных в результате переговоров из плена ходжалинцев — столько было мучений и ненависти в их лицах. Никогда не забуду один кадр. Только что из плена была возвращена девчушка лет девяти. Ее посадили в кузов машины вместе с людьми такой же судьбы. Я хотел было снимать всех по

очереди, но девочка как будто заморозила меня, я не мог ни повернуть, ни отключить камеру. Так и стоял будто вкопанный...

Это был день, полный непредсказуемыми и необъяснимыми событиями. Мог ли человек, только что ставший свидетелем такой трагедии, проявить гуманизм к лицу, считающемуся врагом? Я снял на видеоленту такой случай. Наши взяли в плен жителя Степанакерта, если не ошибаюсь, душевнобольного. И один из жителей Агдама узнал его. Оказывается, до войны их семьи ходили в гости друг к другу. И агдамец добился освобождения больного пленного. Возле кладбища был переход в сторону Аскерана, и наши, выйдя предварительно на связь, передали пленного армянским солдатам.

Я вернулся в Баку с уникальными кадрами. Сразу направился в Гостелерадио, чтобы начать монтаж отснятого материала. Велико же было мое удивление и возмущение, когда мне дали понять, что никакие материалы о Ходжалы в эфир не пойдут, о чем было указание главы государства. В качестве причины мне назвали опасность разжигания межнациональной розни и дестабилизации ситуации. Тогда мы с коллегами-журналистами сами смонтировали документальный фильм «Ходжалы — трагедия века», сделали несколько копий и с помощью немецких и турецких фирм разослали его за границу.

Впервые публично съемки Ходжалинских событий были продемонстрированы у здания Верховного Совета после неоднократных требований некоторых членов парламента. Это были кадры, снятые Чингизом Мустафаевым. Фильм буквально потряс всех, кто его смотрел. Так была развеяна ложь властей, утверждавших, что в Ходжалы проведена обычная военная операция. Особо хочу отметить, что правду о ходжалинских событиях впервые донесла газета «Сэхэр» и его корреспондент Шамиль Сабир оглу. В дальнейшем наши пути неоднократно пересекались.

После ходжалинских событий я неоднократно бывал в зоне боевых действий. Чаше всего мне приходилось работать в Шушинском и Лачинском районах. В канун взятия Шуши армянами я снимал решающие бои вблизи села Зарысты, но в то время невозможно было передать их в эфир.

15 мая я вместе с Шамилем Сабир оглу находился в Лачинском районе. Положение было крайне тяжелым. Мы пытались связаться с Баку и передать оперативные новости, но связи не было. На попутной машине доехали до районного центра Губадлы. Оттуда смогли дозвониться до Министерства обороны. Я поговорил с

тогдашним начальником штаба генералом Шахином Мусаевым, доложил ему, что ситуация в Лачине предельно тяжелая, надо предпринять срочные меры по обороне района. В ответ Мусаев накричал, что «вы, журналисты, распространяете дезинформацию и сеете панику, и Шуша, и Лачин под нашим контролем, а за распространение ложной информации вас следует расстрелять на месте». (Шуша уже почти неделю находилась в руках у армян. А генерал Мусаев позже был обвинен в измене родине, сбежал от правосудия и сейчас находится в розыске.) Мы вернулись в Лачин уже 16 мая. Наши войска были вынуждены отступить, потому что и со стороны Нагорного Карабаха, и со стороны Армении началось массированное наступление на Лачин. Основной задачей стала эвакуация мирного населения. Так пал Лачин. 17 мая мы с Шамилем приехали в Губадлы, а оттуда вернулись в Баку. Нам опять не разрешили показать в эфире последние кадры, снятые в Лачине. Но 18 мая 1992 года я, Шамиль Сабир оглу и кинооператор Назим Аббас буквально прорвались в эфир, сообщили всей республике о падении Лачинского района и продемонстрировали несколько отснятых нами кадров.

Потом начался период наступления Азербайджанской армии. Мы вместе с Назимом Аббасом снимали многие бои. Иногда мы даже придумывали свои сценарии. Например, он снимал залп, а я разрыв снаряда, а потом мы монтировали эти кадры.

Камера, которой я снимал войну, сейчас сдана в Музей Независимости. Я очень сожалею, что в то время на государственном уровне не были организованы подготовка хроники и собрание киноархива боевых действий.

НАГИЕВ Гахраман Наги оглу

Родился в 1947 году в Кедабекском районе. В 1974 году закончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета. С 1978 по 1993 год работал заведующим отделом в газете «Енилик». Автор нескольких книг.

До начала карабахского конфликта Кельбаджарский район считался в Азербайджане одним из благополучных. Этот горный район по своему географическому расположению имеет важное стратегическое значение и не зря называется «крепостными воротами Азербайджана». На западе на протяжении 136 км он граничит с Варденисским районом Армении, а на востоке — на протяжении 96 км с Агдеринским (Мардакертским) районом Нагорно-Карабахской автономной области. Единственная дорога, соединяющая Кельбаджар с остальной территорией Азербайджана, проходит прямо по центру Агдеринского (Мардакертского) района. И с началом эскалации карабахского конфликта кельбаджарцы практически были отрезаны от «большой земли». В первое время проезжающие по этому 100-километровому участку автомашины сопровождались солдатами Советской Армии. Те, кто решался проехать в одиночку, рисковал попасть под камнепад, потерять транспортное средство или быть избитым. Вскоре эта дорога вообще была перекрыта, и осталась лишь горная дорога по Муровскому хребту. Чтобы понять, с какими трудностями сталкивались кельбаджарцы в это время, достаточно сказать, что эта дорога пролегла на высоте 3400 м над уровнем моря и в течение всего года оставалась покрыта снегом.

Я в то время работал начальником отдела сельского хозяйства в официальной районной газете «Енилик» (можно перевести и как «Новость», и как «Новизна»). В то время мы получали информа-

цию из Баку в основном по ежедневным радиопередачам, специально передаваемым для районных газет. В одном из таких «радиодиктантов», 14 февраля 1988 года, была передана информация о том, что «группа экстремистов провела в Степанакерте митинг с требованием вывести НКАО из состава Азербайджанской ССР и присоединить его к Армянской ССР». Конечно, живя в непосредственном соседстве с Нагорным Карабахом, мы были в курсе всех этих митингов, но в то время все же считали необходимым публиковать в районной газете лишь информацию, спущенную из Баку. А центральная пресса была очень осторожна в этом вопросе. Лишь газета «Адабийят вэ Инджэсжэнет» («Литература и искусство») сообщила о статье советника Горбачева, академика Аганбегяна во французской газете «Юманите», где он впервые выдвинул идею о присоединении НКАО к Армении, обосновав это тем, что якобы НКАО экономически более тесно связана с Арменией, чем с Азербайджаном. Мы были также в курсе того, что уже 13 февраля была пролита первая кровь — под Степанакертом были убиты двое жителей Агдамского района. Но центральная пресса умалчивала и этот факт. Однако, начиная со второй декады февраля, практически в каждом своем номере мы давали статьи об экстремистском и националистском характере митингов в Степанакерте.

Первое время, как и большинство населения Азербайджана, кельбаджарцы надеялись, что советское руководство не останется равнодушным и примет все меры для обеспечения правопорядка и безопасности граждан. Однако, когда стало ясно, что события принимают неуправляемый характер, мы попытались сделать все, что было в наших силах, чтобы предотвратить панику среди мирного населения. С этой целью редактор газеты «Енилик» Зимистан Гасанов принял участие во встрече руководителей Кельбаджарского района Азербайджана и Варденисского района Армении. Она состоялась в июне 1989 года в селе Спюдлу Кельбаджарского района. Подробности встречи были широко освещены в нашей газете. Другой нашей заботой стало опровержение то и дело возникающих слухов, распространяемых с целью дестабилизации обстановки. Порой это давалось нелегко. Например, сразу после кровавых событий 20 января 1990 года, когда Советская Армия вошла в Баку, армяне взорвали линию электропередач Агдам — Кельбаджар и весь район остался без электричества. По этой причине наша газета не могла выходить. А в это время распространялся слух, будто бы командующий армейской бригадой, обеспечивающей безопасность Кельбаджара, полковник Заур Рзаев имеет армянское проис-

хождение. Этот слух будоражил все население района. Лишь спустя два месяца с помощью дизельных генераторов удалось восстановить подачу электричества. В первом же после долгого перерыва номере газеты «Енилик» была опубликована статья «Кто такой полковник Рзаев», которая положила конец беспокойству населения.

С обострением обстановки в НКАО на первый план вышла задача обеспечения безопасности района. И все больше материалов мы стали давать на эту тему. Журналисты дни и ночи проводили на боевых заставах, передавали оперативные сводки с места боевых действий. Некоторые из наших коллег совмещали профессии журналиста и солдата, образно выражаясь, держали в одной руке перо, а в другой автомат. Одним из них был талантливый журналист Адиль Гараханлар, который с 90-го года добровольно поменял уютную редакционную комнату на сырой блиндаж. В те редкие минуты, когда он заходил в редакцию, первым же делом Адиль садился за пишущую машинку и писал статьи для нашей газеты. А машинка у нас была одна на всю газету. Приходилось занимать очередь, чтобы набрать свою статью. По мере обострения обстановки в районе обострялась и проблема электроснабжения. Как уже отмечалось, с января 1990 года вся надежда была на дизельно-генераторный агрегат. А Кельбаджар — горный район с суровым климатом. Но весь запас топлива мы расходовали не на тепло, а на обеспечение бесперебойной работы газеты. С помощью генератора размером примерно со старенький ГАЗ-51 работало типографское оборудование — литьевые и печатные машины. Однако нам не выделялось топливо для этого генератора — в это время оно было на вес золота. Для каждого же номера нам было необходимо сжечь 1,2–1,5 тонны дизельного топлива. Один-два раза руководство района давало базе технического снабжения устное распоряжение о выделении нам топлива, но в дальнейшем вся забота об этом легла на плечи сотрудников редакции. В ход пошли знакомства, дружеские отношения, родственные связи. С этих пор каждый номер стоил нам невероятного напряжения. Большинство из 30 колхозов, трех совхозов района с пониманием относились к нашим просьбам и не отказывали нам. Но для этого приходилось целыми неделями обивать пороги предприятий и убеждать руководителей разного ранга, как важно для района, чтобы газета не прекратила свое существование. Бывали времена, когда весь коллектив редакции отдавал свою зарплату на покупку топлива для очередного номера. Вот с такими трудностями нам удавалось выпускать один-два номера в неделю и по мере возможности вселять

в людей уверенность, предотвращать распространение слухов, возникающих на почве информационного голода.

Выше я упомянул о типографском оборудовании. Долгое время в Кельбаджаре газета набиралась ручным способом. В конце 80-х нам выделили две линотипные машины марки Н-7 и Н-140 для строчного набора. Причем машина Н-7 была старой, бывшей в употреблении и толку от нее было мало. Недоставало специалистов для ремонта и обслуживания машин. Каждый раз, когда машины ломались, приходилось вызывать мастеров из Баку. А после перекрытия дороги Кельбаджар — Агдам мастера добирались до нас целую неделю. То же происходило и с клише для фотографий. У редакции своего фотоаппарата не было, но сотрудники газеты собственными фотоаппаратами снимали очень хорошие кадры с линии фронта. Но чтобы печатать снимки в газете, необходимо было отлить с них клише, а для этого опять-таки приходилось передавать их с кем-то в столицу или командировать туда человека. Весь этот процесс занимал порой 15 – 20 дней, в результате часто мы не могли оперативно донести до читателей фотоматериалы.

Другой острой проблемой был дефицит газетной бумаги. Из-за блокады шоссейной дороги в начале 90-го года мы не могли доставить выделенную нам газетную бумагу в район. А через некоторое время нам и вовсе перестали выделять из фондов газетную бумагу. Мы были вынуждены просить бумагу в долг у редакций соседних районов. Но и это не могло долго продолжаться. Нас выручали состоятельные кельбаджарцы, проживающие в Баку. Благодаря им, мы достали газетную бумагу, формат которой, правда, не подходил для нашей печатной машины. Чтобы привести газетную бумагу в нужный формат, у нас не было оборудования. Мы использовали все, что было под рукой, резали бумагу то ножом, то пилой. Было очень жаль, когда часть добытой с таким трудом газетной бумаги уходила на отходы. То же можно сказать и про типографскую краску. Красной краски хватало максимум на один-два номера в год. Были перебои и с черной краской. Вот в таких условиях мы выпускали нашу родную газету и до сих пор продолжаем гордиться своей работой.

26 февраля 1992 года произошла одна из самых страшных трагедий XX века — массовое истребление мирных жителей Ходжалы. Первая информация об этих событиях к нам поступила из Баку. В официальном сообщении говорилось, что армянские вооруженные формирования при поддержке 366-го мотострелкового полка Советской Армии захватили город Ходжалы и при этом погибли

двое (!) жителей. В то же время доносились слухи о значительно большем количестве жертв. Наша редакция решила перепроверить официальную информацию. Звонки в Баку не дали никаких результатов. Наконец на следующий день заведующая отделом нашей газеты Ганифа Самедова смогла отыскать по телефону проживающего в городе Евлах некоего Бехбуд-киши, родственникам которого чудом удалось спастись из Ходжалы. Нам удалось напечатать рассказ этих несчастных, и, таким образом, впервые именно наша газета довела до общества истинные масштабы этой трагедии.

Говорю «нам удалось» потому, что мы были официальным органом райкома партии и совета народных депутатов и должны были отражать точку зрения властей. И очень часто районное руководство вызывало сотрудников редакции на «ковёр», если им не нравился какой-то материал. Функции главного цензора осуществлял третий секретарь райкома. Любой чиновник, даже если он и не был компетентным в этих вопросах, впадал в цензорские амбиции. Когда мы отстаивали свой материал, эти люди считали своим долгом написать донос первому лицу района. Напомню, что официально цензура была введена в Азербайджане через неделю после оккупации Кельбаджара указом президента Эльчибея от 3 апреля 1993 года.

Через месяц с небольшим после Ходжалинской трагедии произошла вторая страшная трагедия этой войны, уже непосредственно на территории Кельбаджарского района. В ночь с 7 на 8 апреля армяне сравняли с землей села Агдабан и Чайговушан на границе с Агдеринским (Мардакертским) районом НКАО. Было разрушено около ста домов, убиты 33 мирных жителя. Часть из них была сожжена заживо. Было разграблено имущество жителей и колхоза. Семь человек были взяты в заложники. Одной из захваченных была корреспондент газеты «Енилик» Севиндж Гасанова. Она была хорошо известна своими смелыми репортажами о жизни в соседних армянских селах, в частности в соседнем селе Чапар. Именно поэтому ее решили не убивать, а взять в заложники. Она со своими двумя детьми провела несколько лет в плену. А после освобождения так и не смогла снова взяться за перо.

После занятия сел Агдабан и Чайговушан ситуация в районе резко ухудшилась. Это не могло не сказаться и на рабочем ритме нашей редакции. Теперь наши сотрудники не только готовили материалы для очередного номера, но и оказывали посильную помощь в приеме и размещении беженцев. Наша сотрудница Ганифа Самедова носила для них одежду, продукты питания. А Адиль Га-

раханлар лично спас нескольких людей. Мы отправили подробный репортаж об этих событиях в Центр. Газета «Коммунист» спустя несколько дней напечатала материал, но при этом из текста были изъяты количество погибших и их имена. Репортаж передали также государственное радио и государственное информационное агентство «Азеринформ».

Во время активных боевых действий газета «Енилик» на своих страницах рассказывала о защитниках Кельбаджарского района. Первую половину будних дней мы объезжали посты и заставы, встречались с солдатами и офицерами. Потом при свете керосиновой лампы переносили собранный материал на бумагу. Из-за того, что для обороны района приходилось мобилизовать все больше людей, оставшиеся в редакции выполняли несколько работ. Например, работу корректора и редактора приходилось совмещать. Этим занимался любимец всей редакции, кристальной чистоты человек, Али Мамедов. Он был настолько наивным, что отказывался покинуть район, даже когда стало ясно, что оккупация уже неизбежна.

В 1992 году в соседнем Агдеринском (Мардакертском) районе шли боевые действия и в Кельбаджар ежедневно доставлялись десятки погибших. Жители района по мусульманскому обычаю омывали их тела, заворачивали в белый саван. После этого их клали в гробы и отправляли в родные районы. Наши сотрудницы сестры Шафагет и Садагет Салмановы добровольно вызвались шить саваны для покойников. Так они и работали — днем в редакции, а ночью за швейной машиной.

После прихода к власти Народного фронта Азербайджана, как и во многих других районах, в Кельбаджаре произошла смена руководства. В то же время был учрежден пост полномочного представителя президента республики в районе. Новые люди стали вводить новые порядки. Такая резкая смена, на мой взгляд, весьма отрицательно сказалась на налаженном ритме жизни района. Это стало чувствоваться и на работе нашей газеты. Расскажу один случай. По заданию редакции мы с Ганифой Самедовой отправились делать репортаж из азербайджанского села Чарактар Агдеринского (Мардакертского) района НКАО. В то время жители села уже покинули его. Мы намеревались встретиться с солдатами на постах и рассказать об их боевом дежурстве. Однако при подъезде к селу мы с удивлением обнаружили, что наши солдаты вместо того, чтобы нести службу, играют в волейбол на спортивной площадке сельской школы. На наш вопрос: «А кто же стоит на посту?» — некоторые вообще промолчали, а один уверенно заявил, что «днем армя-

не наступают». Мы разыскали их командира по имени Вагиф. Он, держа в руке ручной пулемет, сообщил, что поручил свой пост местным пастухам: «Если они увидят, что армяне начали наступление, тут же поставят нас в известность». Возвратившись из Чарактара, мы подготовили материал об увиденном, но, согласно существовавшим тогда правилам, поставили об этом в известность полномочного представителя президента в Кельбаджарском районе. До сих пор помню его ответ: «Занимайтесь своей работой, нечего сеять панику среди читателей». Мы не успели даже поинтересоваться, а в чем же тогда состоит наша работа?

После падения Шуши (8 мая 1992 года) положение в Кельбаджарском районе стало значительно хуже. Тогда газета «Енилик» направила в соседний Лачин своего корреспондента Огтая Салахова. Его репортажи публиковались только после согласия и редактирования начальником отдела и редактором газеты. Это делалось, чтобы как-то рассеять нарастающее беспокойство жителей района. В репортажах нашего корреспондента четко отслеживалось приближение угрозы как для Лачина, так и для самого Кельбаджара. И когда 10 мая 1992 года на десяти автобусах из Лачинского района к нам прибыли женщины, дети и старики, мы решили напечатать «ложь во спасение» и заверили своих читателей, что «через два дня лачинцы вернутся к себе домой». Однако они вернулись уже не в Лачин, а были переправлены в другие районы. 17 мая 1992 года Лачин пал. Начались черные дни Кельбаджара.

Несмотря на то, что положение в районе все еще оставалось напряженным, начиная с лета 1992 года стали появляться обнадеживающие новости. Благодаря организаторским способностям бригадного командира Заура Рзаева в армии была укреплена дисциплина. А с июня наша армия под его командованием начала наступление в соседнем Агдеринском (Мардакертском) районе. Всего за 23 дня были освобождены все села на границе с Кельбаджарским районом. И хотя армянам удалось вернуть часть этих сел, вскоре началась вторая волна атак, и бригада Заура Рзаева соединилась вблизи Серсенгского водохранилища с частями азербайджанской армии, наступающими со стороны Тертерского района. Это событие в Кельбаджаре отмечалось как большой праздник, так как открылась главная магистраль. Первый автомобильный караван, прибывший в район по этой дороге, жители встречали жертвоприношениями. По случаю этого события мы организовали специальный радиовыпуск нашей газеты и в течение часа в прямом эфире передавали оперативную информацию.

Вместе со мной этот радиоэфир готовили и вели наши сотрудники Кифаят Гусейнова и Мамед Нариманоглу. Людям тогда казалось, что настал конец всем страданиям и мир не за горами. Уже ждали, когда же в район поступит электричество. Это было время, когда, за исключением двух сел Ванг и Мехмана, вся территория Агдеринского (Мардакертского) района перешла под контроль азербайджанской армии и Агдере (Мардакерт) был присвоен статус района. Тогда же меня командировали туда. Естественно, я не упустил случая и встретился с вновь назначенным главой исполнительной власти Агдеринского (Мардакертского) района Фахраддином Муаллимом. Он попросил меня помочь в организации выпуска районной газеты. Я не отказался. Вернувшись в Кельбаджар, я представил газете «Енилик» свой репортаж, который занял целый разворот. Заручившись поддержкой главного редактора газеты «Енилик» Зимистана Гасанова, через неделю я вернулся в Агдере (Мардакерт), вновь встретился с главой исполнительной власти и у него в кабинете познакомился с Гадиром Аллахвердиевым, ранее работавшим редактором в Кельбаджарской газете. Мы вместе провели осмотр типографии газеты «Мардакерт». Увиденное меня поразило. Типография была оборудована самым современным по тем временам оборудованием, которого нельзя было найти ни в одной районной газете Азербайджана. Линотипные и печатные машины находились в прекрасном состоянии, имелось все остальное оборудование, необходимое для типографской деятельности. Таким образом, под руководством Гадира Аллахвердиева мы стали готовить к выпуску газету «Агдере». За одну неделю набрали коллектив редакции, нашли фотографа, приняли на должности корреспондентов двух опытных журналистов. За один месяц — август 1992 года — вышли в свет три номера газеты «Агдере». Когда готовился четвертый номер, указом президента Агдере был лишен районного статуса, а территория района поделена между Тертерским, Агдамским и Кельбаджарским районами. А в ноябре в результате очередной дворцовой интриги полковник Заур Рзаев, долгое время успешно руководивший обороной Кельбаджара и завоевавший доверие всего населения района, был снят с должности и заменен на Азизагу Ганиева, который так и не смог наладить организацию обороны района. В те дни газета «Енилик» призывала жителей повысить бдительность. Но политические передражки, парализовавшие центральную власть, оказали свое влияние и на наш район.

Журналисты на войне в Карабахе

В марте 1993 года кельбаджаши отмечали праздник весны — Новруз. 25 марта по этому случаю мы выпустили праздничный номер газеты «Енилик». Кто бы мог знать, что этот номер окажется последним? Спустя 3 дня эта земля была объята огнем. И наша родная газета «Енилик» вместе со своим богатым архивом, отражающим всю историю района, вместе с многотомной подшивкой, кропотливо и аккуратно собранной в течение долгих лет, попала в плен.

ПИСАРЕНКО Дмитрий

Родился в 1971 году в Ереване. В 21 год стал членом Союза журналистов Армении. С лета 1992 года перешел в первую независимую армянскую телекомпанию «А1». В годы карабахской войны готовил репортажи для программы РТР «Вести», сотрудничал с зарубежными теле- и информационными агентствами, писал статьи для российских, западных и местных изданий. В 1993–2001 годах работал собственным корреспондентом НТВ в Армении. В 1998 году признан лучшим среди репортеров зарубежных СМИ, работающих в республике. С сентября 2001 года — руководитель бюро НТВ на Северном Кавказе.

«Убирайтесь восвояси, кассета конфискована!» — пожалуй, эти слова адъютанта командующего Силами самообороны Нагорного Карабаха стали самым запоминающимся для меня эпизодом за все время освещения Карабахской войны. Был июнь 93-го. Провал первого наступления на Агдам спровоцировал указание Самвела Бабаяна (командующего Силами самообороны НКР) отобрать кассеты у всех телеоператоров, снимавших неудачную операцию. Командующий не желал, чтобы в эфире, особенно российских каналов, было видно, как отступает раскрученная к этому времени в московской прессе «феноменальная» карабахская армия.

Шквальный огонь не позволял бойцам, с которыми на передовом рубеже находились я и оператор Артур Апресов, отойти к своим позициям после безуспешного штурма неприятельской высоты. Убегать, а точнее, удирать всем нам пришлось короткими перебежками и неуклюжими кувырками. Помню, как долго не мог прийти в себя Артур, когда мина, со свойственной ей при полете бесшумностью, врезалась «носом» в дерн, в нескольких метрах от нас, и... не разорвалась. Когда же мы все-таки вырвались из-под обстрела, ребята предупредили, что в отношении наших съемок поступил «строгий приказ» и хорошо бы спрятать кассету. Для бойцов, с которыми мы несколько часов пролежали плечом к плечу под свистом пуль и осколков, было не безразлично, что будет с

пленкой, запечатлевшей их лица в один из самых экстремальных моментов в их жизни. Мы поменяли кассету. На новой Артур успел запечатлеть курящих у пушек артиллеристов, кухню — словом все то, что при проверке не могло вызвать подозрений в том, что мы находились на передовой. Канонада на подступах к Агдаму затихала, и нас взяла первая попутка, шедшая в Степанакерт. Вдруг за поворотом встретился штаб степанакертского ЦОРа (так в старом советском стиле «Центральным оборонительным районом» называли степанакертский полк Сил самообороны Нагорного Карабаха), обедавший почти в полном составе на обочине дороги. Машину жестом остановил сам командир — Самвел Карапетян, которого все в Карабахе называли «Оганов Само», по фамилии его дяди по матери — блатного авторитета Рудика Оганова.

«Поезжайте сейчас к командующему, он посмотрит отснятый материал, скажет, что надо стереть, а потом используйте его как хотите», — сказал он. Поначалу мы стали объяснять, что у нас ничего толком и не снято, что мы просидели под обстрелом и из-за неудачного наступления вообще не попали на передовой рубеж. Однако перехитрить давно и хорошо знакомого командира полка не удалось. Он улыбнулся и сказал, что ему хорошо известно, где мы были, что снимали и почему об этом нам не хочется говорить.

«Под мою ответственность. Все будет хорошо», — закончил комполка. После таких слов человека, именно который и взял нас на Агдамскую операцию, нам ничего не оставалось, как выполнить его просьбу.

Адьютант командующего Артем встретил нас как старых друзей. Не перебивая, выслушал, что мы должны показать через глазок видеокамеры отснятый материал. Он молча взял кассету и камеру и вошел в кабинет Бабаяна. Спустя минуту Артем, совершенно иной в лице, вернул камеру и отрывисто произнес фразу, с которой и начался мой рассказ о работе на Карабахской войне.

После этой истории я долго не ездил в Карабах. Даже уволился с работы, потому что было очень обидно. Когда подразделения армян Нагорного Карабаха терпели поражения, сдавая в Мардакертском районе один населенный пункт за другим, двери в кабинеты военных начальников для нас, внештатных корреспондентов программы «Вести», были всегда открыты. И председатель Комитета самообороны Серж Саркисян, и командующий Силами самообороны Самвел Бабаян подробно рассказывали, как при помощи опытных наемников и иностранных советников продвигаются вперед хорошо оснащенные бронетехникой, авиацией и боеприпаса-

ми подразделения неприятеля. Из интервью следовало, что маленький, но гордый народ из последних сил и до последней капли крови защищает свое право на самоопределение. Но почему-то, когда ситуация резко изменилась и уже армяне Нагорного Карабаха атаковали противника, занимая целые районы за административными пределами бывшей Нагорно-Карабахской области, когда война действительно претендовала перерасти из карабахского конфликта в глобальную армяно-азербайджанскую войну, когда нам без комментариев военных просто невозможно было объяснять позицию Степанакерта, — тогда двери в кабинеты вышеназванных лиц для журналистов стали открываться с большим трудом. При этом все, в том числе и в Москве, куда мы посылали свои материалы, прекрасно понимали, что на этой войне и с той и с этой стороны корреспонденты занимались не столько журналистикой, сколько пропагандой. И даже то, что называют информационной войной, на самом деле называть войной однозначно было нельзя. Это был процесс, в котором армянские и азербайджанские журналисты состязались в подыгрывании своим властям. Сухое информационное сообщение, выпущенное пресс-центром Министерства обороны Армении или Департаментом информации и печати Нагорного Карабаха после взятия очередного населенного пункта, заставляло нас мыслить изобретательно, чтобы из наших репортажей российские зрители сделали вывод: это было контрнаступление в ответ на «агрессивные действия противника» и населенный пункт занят вследствие военной необходимости.

Делалось все это сознательно, с пониманием того, что мы нарушаем главный принцип журналистики — объективность, но тогда, на войне, идейность казалась превыше всего. Именно поэтому никто из армянских журналистов, которым удалось сохранить у себя пленку с кадрами неудачного агдамского наступления, не сообщил, что наступление на Агдам вообще имело место. О погибшем в тот день легендарном полевом командире, армянине из диаспоры Монте Мелконяне (Аво) в репортажах с линии фронта было сказано, что «...он погиб в бою с превосходящими силами наступавшего противника». Конфискация кассеты на этом фоне была как нож в спину. Впрочем, я понимал, что командующий, раздосадованный неудачей на фронте, просто сорвал гнев на журналистах. Даже непрофессионалу понятно, что любые съемки на передовой благодаря комментарию корреспондента на экране могут быть интерпретированы как наступление, так и отступление. Еще более обидно было получить эту кассету обратно через два месяца

ца. По всему чувствовалось, что запись не только не пытались стереть, пленку вообще не просматривали.

А начались для меня поездки на войну ровно за год до этих событий, в июне 92-го. Я, студент филологического факультета Ереванского университета, тогда сочетал учебу с работой в нескольких изданиях. В главной русскоязычной газете «Республика Армения» в качестве корреспондента отдела информации почти ежедневно обрабатывал поступающие из разных источников сведения с армяно-азербайджанской границы и из Нагорного Карабаха. Доходы были небольшие, и друзья-одноклассники давно соблазнили предложениями заняться с ними коммерцией. После распада Союза у нашей семьи, включавшей меня, маму и бабушку, родственников в Армении не осталось, поэтому жить приходилось в основном на то, что зарабатывал я. Когда же решение порвать с журналистикой было все-таки принято, вспомнилась фраза одного старшего коллеги: «Журналист не может уважать себя как журналиста, пока не сделает хотя бы один репортаж из “горячей точки”». Может быть, это мнение сейчас покажется сомнительным, но тогда мне, 21-летнему переполненному романтикой парню, оно казалось неоспоримым. И я решил написать заявление об уходе только после того, как съезжу в Нагорный Карабах. Эта поездка стала первой и не последней. И более того, именно с нее начался путь в серьезную журналистику.

Вертолет набрал высоту, и я безуспешно пытался открыть иллюминатор, чтобы запечатлеть на фотопленку сиявший в безоблачной дали библейский Арарат. «Подожди, браток, дай я попробую», — послышался голос сзади, и через пару секунд люк был оттопырен. Мы познакомились. Старший лейтенант Георгий, еще несколько месяцев назад преподававший историю в сельской школе, теперь сопровождал груз боеприпасов. Он долго рассказывал о ситуации в родном Гадруте. Час полета прошел незаметно. «Смотри, это — Лачин!» — указал он в иллюминатор. Внизу, на склоне горы, был виден разрушенный город. Бои отгремели здесь полтора месяца назад. Но привлекали внимание не разрушения, а нескончаемая вереница людей, шедших по лачинской дороге. Взвалив на плечи пожитки, держа на руках детей, они шли в сторону Армении.

«Беженцы из Шаумяновска», — пояснил Георгий. Перед глазами предстали строчки из произведений, описывавших исход армян из Турции во время резни. «Кто их ждет?» — стучало в мыслях вперемешку с воспоминаниями о пережитой без тепла и света зи-

ме. Вспомнилась последняя зарплата, выданная с большим опозданием и практически «съеденная» инфляцией.

Вертолет приземлился на поле городского стадиона Степанакерта. Мы тут же оказались в тесном кольце местных жителей. Все рвались в вертолет.

«Это они улететь хотят»,— объяснил Георгий. Лица у людей были напуганные, напряженные.

— Муку привезли? — спросила женщина.

— Нет, только патроны,— ответил Георгий.

— АКС?

— Да.

Об этом уже спросил небритый, одетый в камуфляж человек в очках. Как я понял потом, это был председатель Комитета самообороны Серж Саркисян, который лично принял участие в разгрузке вертолета.

На улицах Степанакерта было многолюдно. После взятия Шуши соскучившиеся по солнцу люди просто ходили по городу. Несколько лет, проведенных в подвалах в страхе от постоянных обстрелов с высот Шуши, оставили на их лицах неизгладимый отпечаток. Задавая вопросы, я в большинстве случаев получал ответ после длительной паузы. Даже в Ереване, где формировались самые многочисленные отряды добровольцев, я не видел столько вооруженных и одетых в гражданское мужчин.

«Заметь, они улыбаются. Я давно такого не видел в Карабахе», — сказал Георгий.

Здание, которое по привычке все называли «исполкомом», где теперь размешалось правительство НКР и руководство парламента, осаждали беженцы из Шаумяновска. Центральная площадь Степанакерта была превращена в беспалаточный лагерь. Здесь горели костры, прямо на асфальте люди спали, ели, писали на клочках бумаги прошения чиновникам... Наша машина застряла на подступах к «исполкому». В монотонном людском гуле не слышалась даже работа мотора. У нас спрашивали сигареты, спички, хлеб, просили сфотографировать, вероятно, лишь только для того, чтобы что-нибудь попросить.

В правительстве мне помогли с размещением — поселили в старенькую гостиницу «Карабах», где даже в коридорах не было свободного места. Везде спали беженцы. Примерно на третий день у меня закончились запасы еды, которые мне порекомендовали взять с собой бывалые коллеги. Последний кусочек колбасы я протянул маленькому мальчику, в надежде познакомиться с ним

и спросить, что он видел своими детскими глазами в Шаумяновске. Но он так мгновенно схватил колбасу и убежал, что я еще какое-то время стоял в растерянности.

На следующий день я понял, что поесть в Степанакерте приедем, не имеяшему знакомых человеку негде. Все было закрыто. Во-первых, у людей не было денег, а во-вторых, продукты отправляли в боевые подразделения. В одно из таких, сформированных партией «Дашнакцутюн», я и попал в конце июня. О том, что меня несколько часов вез, находясь за рулем, сам командир этого отряда, известный в Карабахе по прозвищу «Осколок», я узнал только на месте, в деревне Магавуз. Всю дорогу он спокойно, без фронтового хвастовства отвечал на мои вопросы. Когда мы приехали, оказалось, что одетый в потертый спортивный костюм мой провожатый здесь — самый главный.

Казармы подразделения размещались в здании школы. Бойцы встретили меня приветливо, но устроили что-то вроде проверки, как это обычно бывает в армии или тюрьме. Выручило хорошее знание языка. Всех удивило, что журналист с украинской фамилией безупречно говорит по-армянски. Проверка закончилась обильным поглощением «зеленого» невыдержанного карабахского коньяка. Кто-то из бойцов обнаружил в актовом зале пианино, и тосты прервались продолжительной танцевальной паузой.

— Ладно, хватит гулять, — сделал замечание командир, — завтра вам на пересменку, ложитесь спать.

— Командир, дай отдохнуть. Может, больше не доведется, — уговаривал один из бородачей.

Благодаря коньяку, на доштом полу старого школьного класса заснуть удалось быстро. К полудню следующего дня я впервые оказался на позициях и увидел, правда на большом расстоянии, настоящий бой. Стреляли из стрелкового оружия и, не понимая, что это далеко не боевые действия, я сделал для себя скоропалительный вывод: побывал на войне. Такая самоуверенность подвела в следующую командировку. А пока я возвращался с позиций в Мардакерт, противник начал наступление. Всем было не до меня. Авиация бомбила с воздуха, танки били по окрестностям райцентра. Выехать удалось на одном из последних КАМАЗов с беженцами. Очень долго рассматривая мои документы и не понимая, откуда я и кто такой, деревенский ополченец напоследок сказал: «Ладно, езжай, но, если узнаю, что ты не наш, смотри — плохо будет».

Первая поездка обернулась серией удачных репортажей, принесших мне признание в политических и журналистских кругах.

Тогда на глаза попало объявление о приглашении к сотрудничеству независимой телекомпании «А1», которая работала с программой РТР «Вести» и с западными телеагентствами. Там меня встретили, благодаря газетным материалам, как опытного «военного обозревателя» и, познакомив с также пришедшим по объявлению оператором, сказали, что на следующий день мы должны выехать в Карабах. Как «бывалый» я чувствовал себя уверенно. Но действительно понюхать пороху пришлось именно в эту поездку.

В начале июля, спустя несколько дней после моего отъезда из Мардакерта, райцентр сдали. Спустя месяц карабахские отряды уже вернули себе некоторые высоты над ним. Мы как раз находились на холме телевышки, откуда Мардакерт был виден как на ладони.

«Вон мой дом, пойдем ко мне, а?» — предложил всматривавшийся в окуляры бинокля один из бойцов. Мы стали писать интервью с командиром. Было спокойно, и вдруг начался обстрел из «Града». Один из снарядов упал так, что нам не удалось спастись от осколков. Оператор Сурен Мартиросян был ранен в лопатку, а мне навывлет распорол бок. Правда, нам повезло, — ранения оказались не глубокими. Вечером в госпитале нам наложили швы. Из-за дефицита материалов, которые берегли для тяжелораненых, мне вместо семи наложили всего три шва, и через несколько дней, когда мы попали в окружение, они разошлись.

Во дворе госпиталя на носилках лежал пленный, обнаруженный разведгруппой в лесу. Он был накрыт ветками и звал на помощь. По его словам, он не мог идти, и сослуживцы его замаскировали и пообещали обязательно вернуться. Было видно, что у парня на ноге началась гангрена. Начальник госпиталя категорически отказывался проводить ампутацию пленному, ссылаясь на то, что «для своих материалов не хватает». Военврач предлагал отправить его в Центральный госпиталь, в Степанакерт, но бойцы не соглашались и настаивали на своем. Заботливое отношение разведчиков к пленному, которому принесли чай и выполнили его просьбу добавить сахара, я думал, было вызвано соображениями гуманности. Однако на войне люди звереют, и старый санитар, заметив мое восхищение, объяснил, что просто у одного из разведчиков сейчас в плену находится младший брат, и этого раненного мальчишку, возможно, удастся обменять на него. Пока пленный у разведчиков — он их собственность. Тогда в рядах армян Нагорного Карабаха еще действовали партизанские порядки.

На следующий день мы снова оказались на высоте Мардакертской телевышки, но уже с другим отрядом. Здесь познакомилась с

московским оператором Васей из телекомпании «АТВ». Он рассказал, что два дня назад подразделение, с которым он был вместе, попало в засаду, его напарник — Тарас — был ранен в ногу и сейчас находится в Степанакертском госпитале. Невольно разговор коснулся денежного вознаграждения за журналистскую работу. Мы с моим оператором удивились, когда узнали, сколько должен получить каждый за эту поездку на войну. Тогда доллар стоил примерно 200 советских рублей. По подсчетам Васи, у него переваливало за 100 тысяч, а у Тараса, с учетом ранения, — за все 200. Нам же с оператором перед поездкой выдали всего по две тысячи, и еще тысячу мы получили по возвращении, за ранение. Однако недоумение собеседника было развеяно нашей с Суреном твердой позицией, что мы здесь далеко не из-за денег, а потому, что это — «наша война» и мы не можем оставаться в стороне.

Как оказалось спустя восемь лет, когда я решил взять на всякий случай справку о ранении, наши фамилии даже не были внесены в журнал полевого госпиталя. Причем запись об оказании помощи москвичу Тарасу была, а о нас — ни слова. Да мы тогда и не считали, что это важно. Впрочем, как и сейчас.

Между тем с каждым месяцем отношение к журналистам на фронте чувствительно менялось. Когда прекратилась «война с охотничьими ружьями» и во всю мощь использовались танки, артиллерия и авиация, на передовую журналисты из Армении приезжали значительно реже. За пребывание на линии фронта местные СМИ ничего не платили. Это считалось «патриотическим долгом», но, когда стало не на шутку опасно, энтузиазм у многих журналистов пропал. Бойцы это понимали, и им было обидно. Другое дело иностранцы и корреспонденты из «сочувствующей армянам Нагорного Карабаха демократической России». В них были заинтересованы власти, и это чувствовалось хотя бы потому, что, когда мы добиралась до зоны боевых действий на попутках, ночевали в окопах, по несколько дней питались чаем и хлебом, посыпанным сахарным песком, — коллегам из ближнего и дальнего зарубежья предоставлялся транспорт, охрана, бронезилеты. Помню, как весной 93-го зашел в штаб в селе Дрмбон и попросил посадить нас на первый «Урал», шедший в Степанакерт. Нам указали на машину, и мы с оператором разлеглись рядом на травке в ожидании водителя.

— Вы из программы «Вести»? — учтиво на русском спросил подошедший шофер.

— Да.

— Пожалуйста, садитесь в кабину.

Я поблагодарил вежливого водителя по-армянски, и его настроение тут же изменилось.

— Что-о? Я думал вы из Москвы! Выходите из кабины и залезайте назад, — раздраженно приказал он по-армянски. Ничего не оставалось, как трястись несколько часов вместе с овцами.

Вообще, если касаться моего армянского акцента, славянской фамилии и внешности, то многие в Армении и Нагорном Карабахе придавали этому важное политическое значение. Репортаж русского автора из Нагорного Карабаха, звучащий в противовес репортажу азербайджанского корреспондента программы «Вести», должен был вызывать у российского зрителя больше доверия, а армянский акцент подсказывал зрителям в Армении, что Д. Писаренко — «наш человек». Для меня, родившегося и выросшего в этой республике, было не безразлично, что происходило в Нагорном Карабахе. Не сомневаюсь, что точно так же реагировали и русские, проживавшие в Азербайджане. Еще более абсурдной выглядел грузино-абхазский конфликт, где сухумским армянам приходилось воевать с тбилисскими.

В этом отношении оказалась весьма любопытной встреча с известным журналистом Александром Невзоровым. Впрочем, мы с ним так и не встретились, — мы работали «друг против друга» во время боев за Сарсангское водохранилище в марте 93-го. Уже после возвращения в Ереван (а мы имели возможность отправлять материалы в Москву только из столицы Армении) мне рассказали, что в эфире был фильм Невзорова «Геранбойский батальон» о том, как отступают азербайджанские подразделения в ходе боев за плотину. Вскоре этот фильм привезли в Ереван и показали в местном эфире. Я понял, что мы с Невзоровым снимали один и тот же бой. В один момент его репортерская, если не изменяет память, белая «Нива» даже была ориентиром для карабахских гранатометчиков. Да, азербайджанцы отступали, но, говоря об их потерях, питерский «корифей репортажа» явно преувеличивал.

Тогда же со мной произошел удивительный случай. Огонь артиллерии нас заставил залечь в кювете у дороги. Взрыв прогремел не так уж близко, но я почувствовал, как кольнуло в икре. «Везет тебе на осколки», — произнес оператор А. Апрецов, увидев дырочку на брюках. Но оказалось, что повреждена была только штанина. Из-за ранней весны приходилось под брюками носить пару спортивных штанов, в которых и застрял маленький осколок.

Бои за плотину стали переломными и в отношениях журналистов с властью. Армия пошла вперед, и после взятия Кельбаджара

наметился некий водораздел. Работать стало сложнее. Психология победителей, а значит «умных», привела к тому, что командиры даже низкого уровня решали за нас, что нужно снимать и как подавать в эфир. Результатом этого стала неприятная история, которую я рассказал в самом начале. Конечно, сейчас, когда бывший командующий Армии обороны НКР за решеткой, ворошить прошлое не очень этично, однако — что было, то было.

До перемирия поездки на войну, уже в качестве корреспондента НТВ, были не столь запоминающимися, как после прекращения огня. Да, на линии соприкосновения не слышалась пушечная канонада, но с наступлением перемирия началась жестокая снайперская война. Дважды за 1997 год рядом со мной на позициях погибали люди. Руководствуясь принципом «смерть за смерть», производились ответные выстрелы. После последнего случая мое появление на позициях считалось плохой приметой, и коллеги рассказывали, что, прежде чем их вывезти на позиции, офицеры Армии обороны НКР спрашивали: «А НТВ есть?» С тех пор я на позициях побывал всего однажды, в 2000 году и... ничего не случилось. На этом для меня Карабахская война закончилась. Но началась другая война — в Чечне.

РОМАНОВ Юрий

Родился в 1943 году в Омске. Окончил Омский политехнический институт. В 1969 году был принят в Союз журналистов СССР. Печатался во многих центральных изданиях. С началом перестройки начал работать на агентства «Рейтер», «Ассошиэйтед пресс». В 1991 году, взяв в руки любительскую видеокамеру, стал работать на WTN. Его репортажи из горячих точек транслировались по каналам телекомпании CNN и CNN Internacional. Выступил в качестве оператора в фильмах Сергея Говорухина «Прокляты и забыты», Карена Геворкяна «Добро пожаловать в ад!», Эдуарда Джафарова «Стрингер».

Ходжалы

Как-то так получается, что все маршруты по азербайджанскому «фронту» начинаются и заканчиваются у Агдамской соборной мечети и морга возле нее. Сюда привозят трупы, отсюда машины уезжают за новым «грузом». Со многими водителями мы уже познакомились, и, разгрузив свой страшный груз, они подсаживают репортера в машину, идущую туда, где стреляют. И уже почти спокойно сажусь в транспортное средство, в кузове которого переливаются литры крови, натекшей из ран. Иногда водители берут в кабину. Тогда еду в бой в относительном комфорте, и одежду с обувью от чужой крови потом отмывать не приходится.

На карабахском фронте появляются установки залпового огня, напоминающие «Катюши» военных лет. 13 января 1992 года при обстреле города Шаумяновска азербайджанцы впервые применяют боевую реактивную установку залпового огня «Град» (ранее все эти установки и снаряды принадлежали Советской Армии). В отличие от имеющих небольшую площадь поражения ракет «Алазань», которыми нельзя вести прицельный огонь, система «Град» предназначена для поражения больших площадей, и ее ракеты обладают большой разрушительной силой.

...Первый залп снять не удастся, так как все происходит мгновенно и я просто не успеваю настроить камеру. Приходится дожидаться следующего. Пока солдаты укладывают ракеты, меня замечает зоркий глаз «соответствующего органа», который немедленно вытаскивает пистолет.

— Кто такой?

— Журналист...

— Документы?

— Нет проблем. Минуточку...

В это мгновение ревет новый залп, от которого закладывает уши. Успеваю снять несколько кадров...

«Безопасник» придирчиво проверяет все документы, но не очень-то верит в них. И он решает препроводить «нарушителя» в штаб. Спасибо, не пристреливает на месте...

От околицы села Шелли, где стоит установка, до штаба нужно пройти несколько километров по грязным улицам райцентра Агдам. Торопиться некуда, идем спокойно. Конвоир идет на шаг сзади, словно отставая, и держит пистолет в кармане длинного плаща. Почти физически чувствую, что ствол направлен в мою сторону.

— Ты зачем меня задержал? — бурчу недовольно.

Он даже приостанавливается. Обычно все задержанные ведут себя тише воды, ниже травы. «Управление безопасности», или, как там называется, местное КГБ, имеет огромную власть, и с ним стараются не спорить — себе дороже. А тут пленник, застигнутый на «месте преступления» — за съемкой военного объекта, высказывает недовольство.

— Что я снимал «секретного»? — не успокаиваюсь я.

— Как «что»? А установка «Град» разве не секретная? И место ее дислокации... Вдруг армянам попадет этот снимок?

— Установка продается во все страны, а место дислокации должно иметь «привязку» к карте... Даже если снимок попадет к армянам, они не смогут вычислить эту установку. Мало ли вокруг одинаковых гор...

— Ты был на той стороне? — неожиданно меняет он тему.

— На какой «той»? У армян, что ли? Был, конечно, — киваю рассеянно.

— Ну и как там у них?

— Обычно, — настораживаюсь я. — В принципе, так, как и здесь. Никакой разницы...

— А танки у них видел?

— Не помню...

— Как это, не помнишь? Есть там танки или нет?

— Что ты ко мне прицепился? Я на всех войнах был и со всех сторон... Последний раз был в Югославии, там точно видел танки. А у армян был в прошлом году, в 91-м... Какой тебе толк в том, видел я там танки или нет? Там же войска советские стояли, конечно, были там танки. И пушки были... Тебе-то какая разница?

— Вот пристрелю «при попытке к бегству» или прострелю колесо — почувствуешь разницу...

— Интересно, как ты это Мусе Мамедову объяснишь? Куда я бежать собрался, что ты в меня «вынужден» был стрелять? И как он тебе поверит, если я по его разрешению работаю?

— Мамедову? — у «особиста» прерывается дыхание. Представитель президента в Агдаме слывет администратором крутым и скорым на расправу. С Мамедовым я, конечно, встречался, брал у него интервью. Говорили о гранях возможного в работе журналиста применительно к войне в Нагорном Карабахе. Но разрешения на съемку конкретной установки я у него, конечно, не спрашивал... Если «гебист» обратится к столь высокому для него начальству, то Мамедов, конечно, вспомнит то интервью. Без подробностей, но вспомнит... Но основная надежда была на то, что с таким вопросом рядовой оперативник к Мамедову не осмелится обратиться...

Продолжаю «додавливать»:

— Вот ты меня спрашиваешь о военной технике твоего противника? Хорошо, я, что знаю, расскажу, хотя знаю немного... Приеду на армянскую сторону, там спросят о том, что я видел у вас... Мне тоже рассказывать? И как это называется? Шпионаж? А я кто? Двойной агент? Ты знаешь, что вопросы такого рода журналистам задавать даже не полагается по Международной конвенции?

Про Международную конвенцию он что-то слышал, но подробностей не знает. А я не знаю, существует ли вообще такая конвенция...

Рассказываю «безопаснику» разные случаи своего задержания в тех или иных ситуациях, как правило, во время съемки объектов, которые «местные» считают очень секретными. Естественно, все эти «байки» заканчиваются полным посрамлением оппонентов. Этот оказывается «крепким орешком», но часа через два, когда мутное солнце начинает закатываться за горизонт и мы наконец подходим к штабу, он проникается сочувствием к тяжелой судьбе репортера. В штаб заходим уже лучшими друзьями, договорившись завтра вместе поехать на «передовую».

...Санитарный поезд стоит на полустанке «Агдам-товарная», расположенном недалеко от самого города. Когда мы приезжаем

к поезду, на платформе и в вагонах идет кровавая работа. Одна за другой к перрону подходят машины с горящими фарами и с них сгружают уж совсем непривычных раненых: женщин, детей и стариков. Мужчин почти нет...

— Откуда привезли? — спрашиваю очумевшего водителя.

— Ходжалы... — машет он рукой, и, как только кузов освобождается, машина рывком трогается и уезжает...

— А это откуда? — спрашиваю второго водителя, привезшего в салоне уазика, в просторечии называемого «буханка», целую семью. Израненные, все в крови, женщина и трое детей. Глава семьи лежит на железном полу без признаков жизни. Четвертого ребенка — окровавленный сверток — женщина покачивает в руках... Когда глохнет перегруженный двигатель, становится слышно, как женщина тихо поет колыбельную без слов:

— Аа-аа-аа-а!

— Мама! Мамочка! — дергают ее за рукав мальчик и две девочки постарше... Они тоже покалечены или ранены, их одежда залита кровью. Но мать на них внимания не обращает...

— Ходжалы... — говорит водитель, помогая выйти из машины раненой женщине с мертвым ребенком.

Одна за другой подходят машины с ранеными. На дороге образуется уже целая колонна разномастных автомобилей с горящими фарами. Один из водителей, садясь в кабину, замечает:

— У нас раньше только свадебные колонны вот так, днем с фарами ездили...

По перрону вдоль состава мечется плотный подполковник медицинской службы. У него землистое лицо и одышка человека, у которого не в порядке сердце. Но необходимость быть во множестве мест одновременно не дает ему и минуты отдыха. Ханлар Гаджиев — начальник медицинской службы Министерства обороны Азербайджана — на минуту приостанавливается и кладет под язык белую крупинку нитроглицерина.

— Что происходит в Ходжалы?

— Мы еще точно не знаем, но, по всей вероятности, группа беженцев попала под перекрестный огонь...

— Много пострадавших?

— Не то слово, — он достает блокнот. — Сейчас, на 13 часов, только врачи нашего поезда оказали помощь 290 человекам. Из них — 123 с обморожениями. Огнестрельных ранений — 67. Пулевых — 43, осколочных — 24. Плюс ножевые ранения имеют 8 человек...

Шлепанье лопастей и внезапный гул оглушают нас. Из низких облаков материализуется вертолет.

Гаджиев кричит:

— Мы в Баку уже 66 человек отправили... Сейчас следующая партия полетит.

— Сейчас не полетит... — неслышный за шумом винтов, подходит Зульфи Касымов. Он заведует аппаратом исполнительной власти в районе. Своего рода — теневое правительство. — Мы сейчас полетим в Ходжалы. Оператор подыедет, и тронемся...

— А раненые в Баку?

— Мы ненадолго. Максимум полчаса-час...

Из «санитарки» выскакивает старый знакомый — телеоператор Чингиз Мустафаев. Обычный бытовой «Панасоник» — камера довольно большая — на его плече кажется игрушкой. Он одет в армейский камуфляж, на плече — автомат, на пояском ремне — пистолет Макарова в кобуре.

Мы прыгаем в вертолет, за нами забирается Касымов и два милиционера. Все вооружены. Такой странный состав «делегации», да еще и вооруженной, мне не очень нравится, и я склоняюсь к уху Чингиза.

— Зачем мы туда летим?

— Для съемки. Распоряжение пришло с самого «верха»... — показывает он пальцами на потолок кабины вертолета.

— Ты думаешь, нам разрешат снимать? Кто там контролирует ситуацию?

— Армяне, конечно... Думаю, договоримся.

Наш полет выглядит по меньшей мере авантюрой. Без договоренностей, без подготовки летим туда, где несколько часов назад были расстреляны тысячи людей. Как там отнесутся к появлению вертолета с журналистами? Чем дальше обдумываю ситуацию, тем меньше она нравится. Чингиз — парень «безбашенный». Много раз приходилось быть с ним на съемке. Он совершенно бестрепетно снимал там, где не только что снимать — высунуть нос нельзя было.

После короткого полета тон работы двигателя меняется. Кажется, прилетели...

Выглядываю в круглое окошко и буквально отшатываюсь от неправдоподобно страшной картины. На желтой траве предгорья, где в тени еще дотаивают серые лепешки снега, лежат мертвые люди. Вся эта площадь до близкого горизонта усеяна трупами женщин, стариков, старух, мальчиков и девочек всех возрастов...

Глаз вырывает из месива тел две фигурки — бабушки и маленькой девочки. Бабушка с седой непокрытой головой лежит лицом вниз рядом с крошечной девочкой в голубой курточке с капюшоном. Ноги у них почему-то связаны колючей проволокой, а у бабушки связаны еще и руки. Обе застрелены в голову. Последним жестом маленькая, лет четырех, девочка протягивает руки к убитой бабушке. Ошеломленный, даже не сразу вспоминаю о камере...

Но шок проходит, и начинаю съемку пока из окна. Вертолет зависает над полем, летчики выбирают место, чтобы колесо не потревожило никого из павших...

Вдруг винтокрылая машина, не приземлившись, подпрыгивает в воздухе и сваливается вправо, в какой-то безумный вираж параллельно склону. Перед глазами в окне, совсем рядом, проносятся трава, камни и трупы, трупы, трупы...

— Что случилось? — отрываюсь от видеоискателя.

— Обстреливают... — лаконично говорит Чингиз, не отрываясь от камеры. — Хорошо, что они далеко.

— Кто это?

— А кто знает? Армяне, наверное...

Вдалеке, почти на границе видимости, темнеют фигурки людей, одетых в армейский камуфляж, которые, словно из шлангов, поливают наш вертолет автоматными очередями... От них к вертолету тянутся красные пунктиры. Один из сопровождающих нас милиционеров вскрикивает и бледнеет. Пуля, пробив обшивку вертолета, попадает ему в бедро...

Ерасх

Апрель в горах Армении — чудное время. Сквозь желтую прошлогоднюю траву пробиваются первые стрелки новой зелени. Полчаса пути от Еревана на такси, и я в Ерасхе — городке, что в километре от спорной границы. В штабе встречаются знакомые по прошлым приездам командиры, и формальности занимают минимум времени.

Меня сажают на «армянский броневик» — обшитый блестящим оцинкованным кровельным железом узик, до отказа загруженный какими-то длинными ящиками. Ящики немного перекалдывают, образуется небольшая ниша, в которую с трудом втискиваюсь, и мы едем на передовую, сверкая на все горы солнечными зайчиками.

По дороге нас обстреливают. Наверное, блеск нашей машины ослепляет стрелков или стреляют издалека, но все пули шуршат и

шелкают по камням, не долетев до цели, и к окопам мы добираемся благополучно.

Когда наконец начинается разгрузка, я с ужасом вижу, что все ящики, которыми до отказа загружена машина, заполнены взрывчаткой и «выстрелами» для ручных гранатометов.

В одном из ящиков, в том, который всю дорогу съезжал на спину, из-за чего его приходилось подталкивать затылком, в дополнение к взрывчатке лежат детонаторы. Если бы хоть одна пуля из тех очередей, которые были выпущены в нашу сторону, попала в машину, то примерно полтонны взрывчатки разнесли бы ее и нас на атомы. А в долине мог образоваться приличных размеров кратер.

...Радостные бородачи встречают с распростертыми объятиями. Радость их относится, конечно, не к журналисту, а к боеприпасам, но все равно приятно.

Забрасывают «удочку»:

— За то, что ты привез нам боеприпасы, мы тебе дадим пострелять...— На их взгляд, «приманка» что надо.

— Нет, спасибо, — вежливо отказываюсь. Начинаю понемногу настраивать камеру. Баланс...Резкость... Боковым зрением вижу, что один из бойцов почти синхронно с моей камерой настраивает гранатомет. Подходит, протягивает оружие:

— Вот, возьми, стрельни по селу...

С высоты видны совершенно безлюдные дворы азербайджанского села Сандарак. Тишина могильная. Даже собаки и куры попрятались. Недоумеваю:

— Зачем стрелять, цели-то нет?

— Почему обижаешь? Вот она — цель! Все село... Они-то по нашим селам стреляли, пока здесь стояли...

Получив вежливый, но твердый отказ, боец как-то даже теряется. Как может человек, мужчина, вот так взять и отказаться от возможности безнаказанно пострелять? В его глазах даже какая-то жалость появляется.

Но к съемке бойцы относятся с пониманием и позируют азартно. Даже хотят сами пострелять «для карточки». С трудом постигают, что постановочные кадры мне не нужны. Наконец начинают разгружать машину, потом возвращаются к обычной жизни. Съемка пошла...

...Но история со снаряженным гранатометом продолжается спустя некоторое время. После съемки и интервью с командиром я направляюсь к машине. Командир долго прощается...

Вдруг раздается жуткий грохот, и в нашу сторону по окопу летит пыльная взрывная волна. Поскольку мы уже спустились по

склону высоты, она проходит над головами. Командир одним прыжком исчезает в пыльном облаке. Через минуту возвращается, придерживая за плечи бойца, который настойчиво предлагал мне пострелять из гранатомета. У парня с руки капает кровь, скатываясь на землю пыльными шариками.

— Что случилось?

— Враги НУРСом обстреляли...

Позже выясняется, что никаких врагов и никакого НУРСа (неуправляемого реактивного снаряда) не было. Просто у парня чесались руки пострелять, а тут гранатомет снаряженный. Что уж он там из «Наставления по стрельбе из гранатомета» не выполнил, только прорубил себе палец вместе с ногтем и, к собственной досаде, отправляется в тыл.

...Ночью в штабе слышу недалекую стрельбу. Гостеприимные хозяева не особенно беспокоятся. Ужинаем половиной буханки сырого хлеба с упаковкой старого повидла, да сколько угодно воды из близкого арыка, и отправляемся спать. На рассвете с одним из командиров отправляемся в село с совершенно непроизносимым названием — Ехегнадзор.

Машина — трясущийся от старости трехосный армейский «Урал» — знавала лучшие времена. Неизвестно, что там в него налили вместо бензина, только дымит он так, словно дымовую завесу ставит.

Непроизносимое село остается в стороне, а наш «Урал» начинает карабкаться в гору. Причем идет он каким-то немислимим зигзагом. Командир объясняет: «Вот эта гора — наша, а та — еще азербайджанская, и оттуда нас могут обстрелять. Лучше проехать незаметно».

Взглянув в заднее стекло, начинаю сильно сомневаться в скрытности нашего передвижения. Дымовая завеса, которую создает двигатель нашей машины, кажется, окутывает все соседние горы до самой Турции. словно подтверждая худшие опасения, впереди, метрах в ста от нас, вырастает безобразно коричневый куст разрыва. Из-за рева мотора свиста снаряда не слышно.

Не слышно приближения и второго снаряда, который разрывается сзади, качнув машину взрывной волной. Мы, словно горох из дырявого мешка, высыпаемся на дорогу и бежим в сторону второго разрыва. Снаряд пробил в каменистой почве неглубокую воронку, но мы занимаем ее в надежде, что второй раз в одно и то же место никто стрелять не будет.

Противно и кисло пахнет взрывчаткой. Разрываются еще несколько снарядов, которые, к счастью, не попадают ни в нас, ни в наше средство передвижения. У машины мотор самопроизвольно глохнет и она, естественно, перестает дымить. Легкий сквознячок от речки уносит вонючую синюю завесу. Вероятно, артиллеристы считают, что их труды увенчались успехом, и обстрел прекращается. Мы сидим в воронке еще полчаса для страховки и решаем дальше идти пешком.

Как-то незаметно поднимаемся на приличную высоту, и вокруг — только желтая сухая прошлогодняя трава. Кое-где на склонах, обращенных к северу, лежит серый ноздреватый снег. Идти с полным кофром аппаратуры трудно, воздуха не хватает. Бойцы, под завязку нагруженные оружием, патронными цинками, идут, словно по прямой асфальтовой дороге, без малейшего напряжения. Спустя полтора часа приходим на позиции отряда.

Груда огромных камней служит фидаинам надежным укрытием. Учитывая отсутствие у противоборствующих сторон авиации, позиция — лучше не придумаешь. Здесь никто пострелять не предлагает, попросту не обращая на меня внимания.

Работаю спокойно, стараясь никому не мешать, и незаметно для себя, выхожу из-за укрытия. Уж больно колоритен этот чернобородый боец. Держа в руке снайперскую винтовку, он смотрит в огромный бинокль на штативе. Такие бинокли я видел только на вышках у пограничников. Несколько шелчков...

Вдруг богатырь поворачивается и произносит страшным шепотом по-армянски:

— Парьки!

Понимаю, что делаю что-то не так, но до прояснения обстановки или хотя бы перевода прекращаю съемку и замираю на всякий случай. Парень отрывается от бинокля и скидывает винтовку. Я не выдерживаю — вот кадр! Успеваю шелкнуть два раза. Боец орет на меня в голос:

— Парьки! Парьки! — И, наконец, понятно так, по-русски: — Ложись, е... твою мать!!! — И тут же стреляет.

Плюхаюсь на живот и сползаю по крутому мокрому склону. В эту же секунду в то место, где только что была моя голова, врзается пуля. Боец раз за разом стреляет в кого-то, находящегося за моей спиной. Из-за других камней тоже начинается стрельба. Фидаины, о присутствии которых я и не подозревал, открывают ураганный огонь. Под его прикрытием успеваю переползти через гребень и спрятаться в расщелину.

Интеллигентный командир матерится на всех языках, какие знает, а потом объясняет, что я сорвал им засаду, которую они устроили на пути проникновения диверсионного отряда. А боец своими выстрелами меня спас, да еще подстрелил снайпера, в свою очередь сидевшего в засаде на его отряд. Так что — нет худа без добра, но позицию придется менять. Выдав эту длинную тираду, на прощанье он дарит исковерканную пулю, которая очень даже могла быть в моей голове...

Шуша

...В Агдам большая группа журналистов разных агентств и изданий приезжает далеко за полночь на вторые сутки пути. Удаётся относительно просторно разместиться на самом верхнем, четвертом этаже гостиницы. Она является как бы визитной карточкой города и называется так же — «Агдам». Но странное дело, в совершенно переполненной гостинице весь верхний этаж остаётся практически свободным. Нас сегодня это вполне устраивает — не нужно далеко тянуть провода для спутниковой «тарелки». Остаётся какой-то червячок сомнения, с чего бы это? Поскольку приезжаем очень поздно, почти под утро, разбираться некогда, на сон остаётся совсем немного времени.

Пробуждение происходит мгновенно: на рассвете громовой, кричающий разрыв ракеты, истошные вопли в коридоре, вой сирены за окном — сбрасывают с кровати почище будильника. В комнате холодно и дымно. Окно чуть приоткрыто. Видимо, по приезду, я его открыл, чтобы выпустить застоявшийся воздух, да так и заснул.

Сильно и кисло пахнет взрывчаткой... За окном, совсем рядом, дымится расщепленный ствол карагача. Ракета совсем немного промахивается мимо плоской крыши гостиницы и разрывается в стволе дерева. Других залпов не слышно... Мы все в доли секунды выскакиваем в коридор. Оказывается, весь верхний этаж гостиницы забит российскими и иностранными журналистами. Решаю проверить свои ночные сомнения. Вертикальная лестница на чердак и крышу — тут же, на площадке нашего этажа. Поднимаю по ней и открываю люк.

Просторный чердак четырехэтажного здания накрыт шатром из проржавевшего кровельного железа, сквозь которое просматривается небо. Железо кое-как, на «живую нитку», набито на реленькие доски обрешетки, приделанной к стропилам. Двойной слой подгнивших досок нашего потолка с трудом удерживает тон-

кий слой керамзита, который служит здесь утеплителем. Другой защиты от непогоды, а тем более от обстрела, нет.

Становится понятно, почему при всей переполненности гостиницы беженцами на верхний этаж никто не хочет селиться. Междуэтажные бетонные перекрытия от «Алазани» и «Града» спасут, а потолок самого верхнего этажа, который можно проткнуть и пальцем, спасет разве что от дождя и снега. Поэтому верхний, самый беззащитный этаж может быть заселен только глупыми иностранцами да беспечными российскими журналистами.

...Когда-то Агdam — «районный центр республиканского подчинения» — был довольно многолюдным и многонациональным городом — почти 40 тысяч жителей. Война сильно сократила население и некогда веселый, зеленый город, где основным градообразующим предприятием был коньячный завод, стал прифронтовым. В сторону армянского селения Аскеран хода нет. На перекрестке стоят два автоматчика и никого из журналистов не пропускают «на передовую».

К перекрестку подходят телеоператор Коля Шишков и фотограф французского агентства Франс Пресс Миша Евстафьев. Они с интересом рассматривают кучку журналистов, предпринявших было попытку пройти на «передовую» и теперь стоящих под дулом автомата. Часовой тоже видит их, но они на другой стороне дороги, и он делает вежливый приглашающий жест... Журналисты отрицательно качают головой. Покинуть уже задержанных часовой не решается, так как штатские репортеры не очень-то слушаются команд военных и могут тут же разбежаться.

Николай с Мишей делают приветственный знак всем собравшимся на дороге, включая часового, и быстрым шагом отправляются в сторону передовой... Часовой от волнения даже забывает русский язык и кричит им вслед что-то по-азербайджански. На эти крики они даже не поворачивают головы. И тогда часовой поднимает с дороги камень и запускает его вслед тающим вдаль фигурам. Впрочем, не попадает...

Рация в руках у автоматчика что-то хрипит по-азербайджански. Парень, которому журналисты уже осточертели, говорит:

— Пропустить я вас не могу, но могу познакомить с батальоном «отцов»... На это разрешение получено.

— Каких «отцов»?

— Увидите сами...

Как правило, темы, предложенные командованием любого уровня и любой армии, отличаются ура-патриотизмом и к истинному положению вещей в этой армии не имеют никакого отношения. Абсолютное большинство из собравшихся разочарованно ма-

шут рукой, но повторить нахальный прорыв Евстафьева с Шишковым не решаются. Кто знает, что там еще нахрипело командование по рации? Пулю в спину — и виноватых нет. Часовой охраняет вверенный ему пост...

...Ранним утром, задолго до рассвета, к гостинице подходит небольшой автобус. По договоренности с командованием мы едем в Шушу...

...Вдруг откуда-то из темноты резко трещат автоматные выстрелы. От этого треска иней слетает с проводов и в воздухе возникает маленькая пурга. Из здания, как впоследствии оказалось Лачинского райотдела милиции, сгустками темноты бегут люди, стреляя длинными очередями. Мы оказываемся между двух огней...

Сделав три прыжка обратно к автобусу, я падаю у двойного заднего колеса. В такой мгле съемка бесполезна, на пленке будут только едва различимые полоски трассеров и венчики выстрелов. Сейчас нужно думать не о съемке, а о том, как не попасть под пулю... Одиноким стрелок замолкает. То ли его убивают, то ли он сам решает ретироваться от превосходящих сил. Лежу еще некоторое время, пока наши «защитники» проверяют склоны ушелья. Довольно скоро они возвращаются, держа в руках мешок:

— Вот, нашли под опорой линии электропередачи...

— Как здорово, — бормочу я, — не успели приехать, как, словно по заказу, героическая операция со стрельбой, но без жертв и с хорошим трофеем...

Когда мы входим в освещенную прихожую райотдела, становится видно, что обычный солдатский вешмешок, в просторечии «сидор», наполнен красными, похожими на мыло, аккуратными сложенными толовыми брикетами, а поверх них кольцами уложен белый бикфордов шнур...

В отдельном мешочке, упакованные в вату, лежат блестящие детонаторы...

Встретивший нас подполковник присвистывает:

— Ничего себе! Тут килограммов десять одного тола... Наверное, ЛЭП хотели взорвать, да ваш приезд помешал...

Словно отвечая на мои не очень-то лестные для него мысли, он говорит:

— Как будто по заказу, журналисты приезжают, а тут — диверсант... Армяне на нашу ЛЭП давно охотятся. Она не только Лачину свет и тепло дает, но и Шуше...

Окна райотдела надежно закрыты плотными шторами и заклеены черной бумагой, похожей на ту, из которой делают светоне-

проницаемые пакеты для фотопленки... В коридорах снят пол и на лаги наложены толстые доски, по которым, балансируя, ходят сотрудники. Мы проходим в кабинет начальника так же, как и все, балансируя и перепрыгивая с доски на доску:

— Что случилось? Почему пол разобран...

— Да мы намеревались отремонтировать здание, но началась война, стало не до ремонта... Идите чай пить.

Мы сидим в кабинете, освещенном только настольной лампой на руководящем столе.

— Эта дорога — единственный путь, по которому можно попасть в Шушу... Город держится только потому, что находится на неприступной горе и существует эта дорога — Лачинская трасса... Ночевать вам здесь опасно, поедете в Шушу... Я вам дам в сопровождение автоматчиков и БТР, так что прорветесь...

— Не нужно нам сопровождение...— возражаем мы, — никто наш автобус не тронет. По Международной конвенции...

Договорить нам не дают. Упоминание о Международной конвенции вызывает у милиционеров взрыв искреннего веселья.

— Вас сначала расстреляют, а потом будут выяснять, кто вы такие... Ночью все кошки серы... Конечно, они потом будут себя в грудь бить или, наоборот, скажут, что вас азербайджанцы расстреляли... Нет уж, — решает подполковник, — поедете с сопровождением, ребята потом вернутся...

Рисковать людьми нам очень не хочется. На милицейском узике и стареньком БТРе милиционерам предстоит рискованный путь ночью по обледенелой горной дороге в Шушу и обратно под прицелом снайперов... Однако делать нечего, приходится подчиниться. Местные милиционеры свои порядки знают лучше...

Мы остаемся в Шуше. Вернее, не в самом городе, а на ближних подступах к нему. Возле шлагбаума — вагончик, в котором топится докрасна раскаленная печка-буржуйка. За колченогим столом сидит сильно небритый «ополченец» и яростно крутит ручку телефона. К сожалению, никто к телефону на другом конце провода не подходит, поэтому «крутеж» продолжается минут пятнадцать. За это время мы успеваем замерзнуть и вновь согреться...

Наконец ополченец от кого-то получает команду, и автобус проезжает шлагбаум, направляясь в город. После короткой дороги мы выезжаем на небольшую пустынную площадь, окруженную административными зданиями. Площадь освещена редкими фонарями.

Автобус подъезжает к трехэтажной гостинице. Здесь нас уже ждут. Открывается дверь, и закутанная во множество одежек фигура появляется на пороге.

— Заходите, только у нас не топят и в комнатах холодно...

Мы заходим в гостиницу. Фигура, оказавшаяся девочкой, почти подростком, выдает нам все ключи от всех комнат сразу и говорит:

— Не знаю, как вы думаете там ночевать?

— Ничего, мы привычные...

Поднимаюсь на второй этаж, одним из ключей открываю комнату и включаю свет. Стандартный гостиничный номер. Койка, тумбочка, встроенный шкаф. Справа, сразу у двери — умывальник. На кране висит капелька воды чистоты необыкновенной. Комната как комната...

Собираюсь снять куртку и тут замечаю, что температура в комнате значительно ниже, чем на улице. Благодаря фонарям и падающему снегу улица за окном кажется даже теплой... Мороз в комнате градусов 20, не меньше. Все-таки снимаю куртку и сажусь на кровать. Ночевка в этой гостинице грозит обыкновенным замерзанием... Капля, висящая на кране, давно стала кусочком льда и отзывается на прикосновение колючим холодом...

Здание администрации района закрыто. Мы тихо звереем. Раздаются даже призывы ломать дверь, ведь она преграждает нам путь к заветному теплу. Никакой грохот на обитателей здания не действует...

Наконец, закутанный во множество курток и платков, перед нами возникает ангел в лице маленькой хозяйки гостиницы:

— Что же вы ключ-то не взяли?

— Какой ключ?

— Вот от этой двери. Глава администрации так и думал, что вы ночевать в гостинице не захотите, и оставил мне ключи от входной двери и от кабинета. Кабинет на втором этаже... Только можно, я с вами посижу, а то в гостинице совсем замерзла?

— Какой разговор...

Через секунду дверь распахнута. Мы поднимаемся на второй этаж и находим кабинет главы администрации.

Письменный стол, стол для совещаний и... о, счастье! — в углу топится печь-капельница. В кабинете тепло и необыкновенно уютно. Мы рассаживаемся вокруг стола все, как были, в куртках и шарфах. Поверить в тепло никто уже не может.

Беру подшивку газет и расстилаю тонкий бумажный слой на полу под столом для совещаний. Мысль простая — под столом никто не наступит во сне. Укладываюсь на жесткое ложе, накрываюсь сверху курткой, а под голову, вместо подушки, — кофр с аппаратурой. Секунда — и проваливаюсь в теплый сон.

Пробуждение было кошмарным. Открываю глаза и вижу в полумраке вокруг только ноги. Одни обуты в валенки с галошами, другие — в сапоги. Гулко звучит голос, кого-то ругающий по-азербайджански... Ноги вокруг меня образуют непреодолимую загородку. Светящийся циферблат часов показывает 10-34. Никак не пойму, утра или вечера.

Наконец потихоньку собираю в одну кучку все разбросанные мной ночью вещи и осторожно стучу по ближайшей ко мне коленке. Человек, которому она принадлежит, вскрикивает в испуге и вскакивает, образуя брешь в частоколе ног. Я выбираюсь из-под стола. В кабинете полным ходом идет совещание. Журналистов давно нет, а вокруг стола сидят военные и гражданские люди, которые с одинаково изумленными глазами наблюдают за появлением на сцене нового действующего лица. Немая сцена...

— Извините! Я сейчас... — достаю из-под стола все свои вещи и потихоньку двигаюсь к выходу из кабинета. Хозяин кабинета Мансур Мамедов, обращаясь ко мне, что-то спрашивает по-азербайджански. Естественно, я его не понимаю, и вежливо переспрашиваю:

— Если можно, все то же самое, только по-русски.

— Вы из той группы, что к нам ночью приехала...

— Конечно, — отвечаю я. — Как бы иначе я под ваш стол попал? Тут где-нибудь можно умыться?

— Вода есть только для питья...

Беспрепятственно покидаю кабинет. Закрыв дверь, слышу какие-то реплики и громовой хохот. В конце концов выхожу на заснеженную площадь. Перед зданием администрации стоит огромная взбудораженная толпа.

Подхожу к ближайшей елке и снегом, налипшим на ветвях, протираю лицо. Такое, пусть примитивное, умывание слегка бодрит.

Коллеги уже давно работают в толпе.

Пока мы спали, армяне все-таки взорвали 2 опоры линии электропередачи и водозаборную станцию. Город остался без воды и света...

Покидаю площадь, на которой стоит толпа примерно в 3–4 тысячи человек, и решаю пройти по городу. Снег кончается, выглядит позднее солнце. Улицы Шуши, припорошенные сверкающим

покрывалом, приобретают неправдоподобно сияющий вид, но только если не замечать чернеющих кое-где развалин и людей, впряженных в санки с водой и дровами.

Вместе со мной идет и Тахмасиб. Напарник совсем не лишний, если учесть, что он знает язык и имеет автомат. Мы направляемся к окраине города, где над долиной нависает старинная крепость.

— Стой! Кто идет? — в азербайджанском варианте звучит не менее грозно, тем более что требование подкреплено лязгом затвора. Тахмасиб мгновенно скатывается в какую-то ложбинку и начинает лихорадочно пристегивать к автомату рожок. Как всегда в подобных ситуациях, рожок пристегиваться никак не желает и, выскользнув из его рук, съезжает мне под ноги по скользкой тропинке. Я послушно поднимаю руки.

— Журналисты! — кричу как можно громче.

— А почему с автоматом? — резонный вопрос звучит из-за кучки заснеженных камней.

— Это сопровождающий из Народного фронта!

— Журналист, подходи медленно, а «Народный фронт» лежи, где лежишь. И не двигайся...

Меня выручает висящая на груди камера с мощным телеобъективом, через который я намеревался снимать долину... Так что моя принадлежность к журналистскому цеху не вызывает сомнений у двоих пацанов в маскировочных костюмах, сделанных явно из простыни. Кое-где на костюмах видны характерные вышитые рюшечки. Мальчишки составляют первую цепь боевого охранения.

Они внимательно и придирчиво проверяют документы, потом кричат моему напарнику:

— Автомат оставь, а сам поднимайся и медленно иди к нам...

— Как это «оставь»?! — обижается Тахмасиб.

— Он что, правда из Народного фронта?

— Правда! — подтверждаю я. — Даже главный редактор газеты...

— Ладно! Иди с автоматом! Сейчас старшего позовем...

Один из мальчишек быстро растворяется в снежной пелене, а второй, забыв уже о своих функциях охранника и часового, с интересом рассматривает камеру. Мы ее включаем, наводим на разные объекты, и камера неизменно правильно устанавливает фокус.

Приходит начальник караула:

— Зачем вы к нам пришли?

— Старинную крепость посмотреть... Где она?

— Да тут, перед вами...

Ночной снегопад выбелил старинные камни, и вся крепость, облепленная снегом, обледеневшая, словно замаскировалась. Башни с узкими бойницами, древние стены. Они частично обрушились и современники продлили им жизнь обычным красным кирпичом.

— Осторожнее ходите, из долины стреляют снайперы...

Пригнувшись, мы совершаем короткий бросок и оказываемся под стенами крепости, которая не одно столетие служила защитой людям...

Выглянув в бойницу, я, как на ладони, вижу распластавшийся в долине Степанакерт... Вот это позиция! В мощный объектив видно, как по заснеженным улочкам города, точно так же, как и в Шуше, бредут люди с санками, на которых такие же бидоны с водой и вязанки дров...

Генерал

Точка на карте определена, аккредитации получены, вроде и страховка в кармане. Правда, при взгляде на сумму, в которую Родина оценила твою единственную жизнь, хочется и плакать, и смеяться. Суммы страховки хватит разве только на гвозди, которыми, если что случится, будут приколачивать крышку твоего гроба. Но прочь черные мысли — мы идем на съемку.

Чтобы попасть в автобус с беженцами, которые возвращаются из Еревана в Степанакерт, нужно сначала отыскать в Ереване комитет «Карабах», запастись информацией и пропуском. На другое утро необходимо суметь втиснуться в переполненный автобус, а там уже можно рассчитывать только на удачу.

Если простые граждане относятся к журналистам нормально и спустя короткое время они готовы поделиться с тобой последним куском лепешки, то начальники относятся к снимающей братии с понятной настроенностью.

Меня не интересовала политика до тех пор, пока она не начала мной интересоваться. Лично мне границы мешают. У меня полно друзей как среди армян, так и среди азербайджанцев. Если мы все встречаемся в Москве, никто и не вспоминает о национальности. Азербайджанцы с удовольствием пьют армянский коньяк, а армяне — закусывают азербайджанским виноградом.

...При всем нейтралитете, которого обязан придерживаться журналист, от политики уйти почти никогда не удастся. Это не значит, что, работая на одной из сторон конфликта, ты становишься на ее позицию. Твоя информация обязана носить нейтральный

характер. Факты, ничего, кроме фактов. Выводы пусть делают твои читатели или зрители. Но прежде чем ехать в «горячую точку», жизненно необходимо хотя бы на бытовом, «кухонном» уровне знать подлинную историю конфликта, по возможности из нейтральных источников.

...Все эти «автобусные» мысли заканчиваются в Горисе. Здесь начинается так называемый «лачинский коридор».

...Красная гостиница на горке снаружи выглядит лучше, чем изнутри. Сломанные кровати, отсутствие воды, загаженные комнаты. И при этом бешеные цены. Для тех, кто платит. Если денег нет, пускают переночевать и так. Постояльцы приносят с собой бутылки, наполненные водой из речки или далекой колонки. Шофер автобуса предупреждает, что стартуем в пять часов утра...

Ночевка в этой гостинице вспоминается как кошмарный сон. Утром, чуть рассветает, с большим облегчением покидаю жуткое пристанище и бегу к автобусу, умываясь на ходу из припасенной бутылки. Автобус только подъехал, и пассажиры, в основном женщины с детьми, понемногу начинают собираться.

Из-за поворота выскакивает «Нива», раскрашенная зеленой «камуфляжной» краской. Следом в клубах пыли спешит открытый уазик, заполненный бравыми вооруженными бородачами. Они выскакивают из машины и быстро блокируют пустую площадь, на которой стоит единственный автобус с беженцами.

Из «Нивы» неспешно выбирается небольшой круглый человек в генеральских погонах. Самое главное в его полштатском, полвоенном одеянии — именно погоны. Кажется, даже если бы он вышел из машины совершенно голым, на это никто не обратил бы внимания — так сияют на утреннем солнце эти замечательные, золотого шитья, генеральские погоны.

Покосившись на свои плечи, генерал смахивает с погон невидимые пылинки. В толпе беженцев раздается дружный тяжелый вздох — генерала они явно знают. Узнаю его и я. Несколько недель назад эта «Нива» и этот, тогда еще не генерал, попались мне на дороге из Шуши в Степанакерт. Он видел, как я снимал мародеров.

Тогда, несколько недель назад, наши пути разошлись. Я направился в Степанакерт, где взял интервью у президента Нагорно-Карабахской Республики Георгия Петросяна. По завершении интервью он мне выписал пропуск-вездеход, разрешающий съемку на территории НКР без ограничений. Положив его в бумажник к остальным документам, через какое-то время просто забыл о нем...

Сейчас же встреча с владельцем зеленой «Нивы» в Горисе никак не стыкуется с моими планами. Кроме того, он окружен вооруженными до зубов фидаинами, готовыми открыть огонь по мановению его толстого пальца. Генерал равнодушно оглядывает толпу, и вдруг глаза его хищно загораются. Я вижу, что он не забыл ничего.

Рука его тянется к пистолету, а толпа, частью которой я был только что, расступившись, словно выталкивает меня, с ужасом глядя на этого генерала.

— Ваши документы? — подходит он ко мне.

— Пожалуйста! — достаю американскую карточку. — А вот пропуск комитета «Карабах»...

На американскую аккредитацию он смотрит с почтением. В тот момент прошли считанные недели после открытия в Ереване американского посольства...

Правую руку с пистолета он снимает. Это обнадеживает. Охрана тоже немножко расслабляется. Стоит передо мной, маленький и важный, перекатываясь с носков на пятки. На лице отражается мучительная умственная деятельность...

Говорит тихо, «со значением»:

— Увижу в Карабахе, лично пристрелю!

Поворачивается к охране:

— Поехали! — «Нива» и охрана скрываются в тучах пыли...

...«Лачинский коридор» назван по имени небольшого азербайджанского городка Лачин, расположенного на крутых склонах гор. После некоторого размышления, ехать ли в Нагорный Карабах после столь «многообещающего» начала, вдруг вспоминаю о пропуске-вездеходе, выписанном президентом. Лихорадочные поиски — и я нахожу волшебную бумажку.

Выхожу из автобуса в Лачине. В доме на косогоре — какие-то военного вида люди. Время от времени откуда-то доносятся автоматные очереди. Позеленевший лицом от бессонной ночи, часовой невнимательно смотрит документы и пропускает на территорию бывшего Лачинского райкома КПСС.

Прямо под облезлым памятником Ленину набросаны матрасы в розовую полоску. Сидя на них, чернобородые бойцы, работая сноровисто и точно, набивают патронами автоматные рожки. В волосах и бородах запуталась солома. На фотоаппарат и видеокамеру они демонстративно не обращают внимания, но поглядывают краем глаза, нравится ли репортерам то, что они делают. Достаточно ли мужественный у них вид.

Десять часов утра. Я, если считать раннее пробуждение, в работе почти шесть часов. Не мешало бы пообедать. Запасы еды, сделанные еще в Москве, розданы детям беженцев и кончаются задолго до Гориса. Правда, с водой нет проблем, хрустальная речка бежит тут же под косогором.

Но удача от меня не отворачивается. Поднявшись на базу фидаинов, обнаруживаю заспанных коллег, фотографов Гену Хамельянина и Андрея Соловьева. Выбравшись из какого-то стога, они с ног до головы в клочьях соломы. Обоюдная радость — неподдельна.

Когда встречаешь где-нибудь в «горячей точке» коллегу, появляется этокое двойственное чувство. На первом месте, конечно, радость. Вот он — чертушка, жив, здоров и весел. После первой радости встречи появляется что-то сродни ревности.

Если он попал раньше, то где побывал, что снял? Успел ли отправить в «контору» пленку? Конкуренция. Правда, дальше укулов смешной «ревности» дело не идет. Фотографы и телеоператоры «горячих точек», работающие на конкурирующие агентства, без колебаний отдают своим друзьям-соперникам отснятые пленки, чтобы скорей доставить их по назначению.

Работая в Ассошиэйтед Пресс, я множество раз привозил в Москву пленки фотографов «Рейтера», Сипа пресс, ИТАР-ТАСС и РИА «Новости». Наверное, руководители агентств знают это, но пресекать «порочную» практику не пытаются... «Нет духа сильнее товарищества...»

...Андрей и Гена делятся со мной скудной едой. На завтрак у них, а для меня обед — самая «здоровая» в мире пища: в тончайший лаваш завернута какая-то трава. Подозреваю, что это первая травка с ближайшего косогора, но меня уверяют, что это... тут произносятся какие-то армянские слова, и я начинаю верить в фантастически целебные свойства предложенной мне еды. Другой-то — все равно нет.

И тут у меня внезапно портится аппетит. Полусонный часовой резко просыпается, вытягивается в струнку и отдает честь, а во двор, громко и противно скрипя по камням, вкатывается... зеленая «Нива». Следом пылит машина все с той же охраной. Особого оживления в стане фидаинов не происходит. Золотые генеральские погоны на них не действуют, и они только обозначают приветствие, не отрываясь от скудной трапезы.

Генерал кривится и направляется ко мне, на ходу вытаскивая пистолет. Но оружие за что-то там зацепляется и никак не хочет

покидать уютную кобуру. Набрав в легкие побольше воздуха, я чуть не бегу навстречу генералу. Не ровен час, стрельнет и не увидит президентской записки.

— Минуточку, минуточку, вам письмо...

— Ка-к-к-кое письмо? — Генерал даже заикается от моей наглости. — Я тебе что сказал? Лично расстреляю... Вот и пришло твое время...

— Что, и письмо от собственного президента не прочтете? Расстрелять-то никогда не поздно...

Аккуратно и бережно достаю пропуск. Мелькает предательски трусливая мыслишка: а вдруг президента переизбрали или генерал — в стане оппозиции. Но бумажка производит желаемый эффект. Генерал теряет дар речи. Он, словно рыба на берегу, молча открывает и закрывает рот. Я жду дальнейшую реакцию.

И тут происходит чудо мимикрии — генерал улыбается:

— Что ж Вы раньше-то не сказали? — В голосе масло пополам с елеем. И куда девается руководящий рык? Оборачивается к помощнику: — Дальше ты поедешь с охраной, а журналист поедет со мной. Вам куда нужно?

— Вообще-то, в Степанакерт...

— Садитесь, садитесь, довезем Вас прямо до места. С удобствами...

«Плен»

Стандартный способ добраться в Нагорный Карабах из Еревана — идти в комитет «Карабах», брать там бумажку, потом с этой бумажкой на автобусе или попутной машине ехать в Степанакерт, отмечаться в местном КГБ, согласовывая с ними все свои действия и передвижения. В этом стандартном случае ты полностью лишен свободы маневра и зависишь от гостеприимства и доброй воли хозяев. Ехать на своей машине — чревато. Рискнешь остаться и без машины, и без головы.

Я ехал по заданию американской телекомпании CNN и «командировочных» дали столько, сколько попросил. Идея была проста. Нужно было проехать Лачинским коридором в Нагорный Карабах и снять, как теперь живут люди и что такое вообще Лачинский «коридор».

...Такси в Ереване — это отдельная песня. Водители разномастных машин разной степени изношенности предлагают отвезти тебя туда, куда тебе нужно, за весьма умеренную плату. Но, узнав, что мне нужно в Нагорный Карабах, присвистывают и отказыва-

ются. Наконец находится таксист, невысокий мужичок, с неизменной улыбкой на круглом лице, по имени, что «удивительно» в Армении, Армен.

— Нужно взять побольше горячего — там запрапляться негде. Мы куда поедем? В Степанакерт?

— По всему Карабаху. Но сначала в Степанакерт...

— Нет проблем. Поехали. Машина новая, две недели как получил...

— Договорились. Сейчас в гостиницу за вещами и двинули...

— Вы идите в гостиницу, а я сейчас поеду за горючим. Возьму с запасом...

Через час запропавшая «под завязку» и загруженная канистрами желтая машина с шашечками стоит под окном гостиницы. Я торжественно вручаю Армену американскую белую бейсболку с огромными красными буквами — CNN... Он тут же снимает с головы свою неизменную кепку-аэродром и гордо надевает символ принадлежности к международному журналистскому сообществу. (Все пять дней командировки он эту бейсболку так и не снимал, по-моему, даже спал в ней.)

Мы покидаем теплый уютный город и устремляемся в неизвестность. Спустя пять часов непрерывной езды живописная дорога приводит нас в Лачин. Еще несколько поворотов на головокружительном горном «серпантине», и мы въезжаем в легендарный город Шуша. Начинает смеркаться, и мы вынуждены покинуть Шушу, чтобы до конца рабочего дня успеть отметить в администрации Нагорного Карабаха. Сотрудники местного УНБ (Управления национальной безопасности) — ребята строгие, шутить не любят и шуток не понимают. Для них существует только один вопрос, жить или не жить. И вероятность нарваться на пулю ночью для нас многократно возрастает.

Ехать в Карабах на «частнике» было бы проще и, пожалуй, немного дешевле. Но приехать на войну на «такси», чисто гражданской машине с шашечками, — в этом было что-то... Расчет оправдывается. Мне очень помогает фактор неожиданности появления такой машины на фронте.

К зданию администрации мы подъезжаем уже в полной темноте. Когда машина притормаживает у парадного входа, из-за дверей выглядывает совершенно обалдевший сторож в милицейской форме:

— Вы кто? Откуда?

— Вообще-то, из Москвы...

— Что, из Москвы? На такси?

Армен хохочет:

— Да нет, на такси мы едем из Еревана...

— Из самого Еревана? — продолжает изумляться милиционер. Подходит к машине и с какой-то нежностью проводит ладонью по капоту и крыше. — Ну, вы даете, ребята!!!

— Ты нам лучше подскази, куда нам сейчас ехать, чтобы отметить прибытие в Нагорный Карабах?

— А-а! Это рядом, на соседней улице... Там такое серое здание... Это и есть — УНБ...

Время уже близко к полуночи, когда я стучусь в дверь. Никакой охраны не обнаруживается, и я прохожу прямо в длинный полутемный коридор, который освещается только из открытых дверей кабинетов. Пройдя несколько пустых кабинетов с разбросанными на столах какими-то бумагами, картами, прохожу в самый конец коридора. Из кабинета доносятся голоса. Поскольку дверь нараспашку, вежливо стучу по косяку.

— Кто там? — почему-то по-русски. — Заходи! Открыто!

Внял приглашению, захожу. Два стола в тесном кабинете поставлены в форме буквы «Т». Над картами склонились молодые военачальники. Увидев незнакомое лицо, удивляются:

— Вы как сюда попали?

— Так открыто же...

— А где охрана?

— Не было никакой охраны. Я постучал, дверь открылась, я и прошел. Вот, кстати, вам подарок от московского бюро телекомпании CNN. Полный набор оттеночных и рисовальных фломастеров для того, чтобы планы красивые разрабатывали...

Кладу на стол яркие коробки. Из сумки достаю бейсболки, значки и авторучки с логотипами компании.

— Вот это подход! — восхищается старший из командиров. Поскольку знаков различия никто не имеет, я ориентируюсь на возраст. — Пришел бы без подарков, сразу в изолятор, а так, ну как его посадишь?... — Шутка, конечно, на грани «фола», но я, как могу, поддерживаю общее веселье.

— Извините, если что не так! — На всякий случай даю задний ход. С прежним президентом НКР мы были в достаточно дружеских отношениях. С новым руководством познакомиться еще не успел.

Старший переворачивает карту и получается импровизированная скатерть.

— Чайку?

— С удовольствием, но я вам не помешаю?

— Мы все практически закончили. Какие проблемы?

— Для начала отметить прибытие на вашу территорию...

— Отлично. Считаю, что отметились. Что еще?

Набираюсь нахальства:

— Хотел бы побывать в одном из действующих подразделений.

— Тоже нет проблем. Вазген, захватишь завтра корреспондента с собой!

Небольшого роста, лысоватый военный кивает:

— Есть. Возьму... А что снимать хотите?

Такое в моей практике встретишь нечасто. Мало того, что в течение двух минут решил все проблемы, так еще меня спрашивают, что бы я хотел снимать.

— Обычную жизнь подразделения... По возможности, никаких специальных постановок. Обед, так обед, бой, так бой... Что будет, то и сниму...

— Вы что, сговорились? Чешская журналистка приехала, армянский режиссер, вы, и все одинаковыми словами говорите... — чешет затылок командир. — В общем, вы по адресу попали, завтра с пяти утра едем в Геташен. У вас транспорт есть?

— Есть... — киваю на окно.

— Вот это да! — выглянув в окно и увидев машину, восхищенно цокают языками. — Такси? Настоящее?

— На нем и поеду...

— Ну, это вряд ли... Такси мы на фронт не пустим, а то вы нам противника перепугаете. Машина с водителем останутся в Геташене. Вы — один?

— Конечно...

— Что-то обеднела ваша компания? Все телевизионщики «пачками» ездят, по три-четыре человека...

— Это не от бедности, а для удобства. Один человек всегда пройдет туда, куда группу могут не пустить. Да и отвечать за людей мне не хочется. Нет, одному лучше...

— Как знаете... — пожимает плечами Вазген. — Документики на всякий случай покажите?

— Да ладно тебе! — говорит «старший». — Я его знаю. Он у нас не первый раз... Наши ребята его даже один раз в плен брали...

— В плен? И жив остался?

— Как видишь... — смеется «старший».

Я чувствую себя крайне неловко. Так всегда себя чувствует человек, когда на свет Божий вытаскивается то, что он старательно скрывал все годы...

— Расскажи? — просит Вазген.

— Расскажу когда-нибудь... Потом... — машу я рукой. Приглаживаюсь к «старшему». — Петька? Осипьян?

— Ну да! — подтверждает он. — Здорово, дружище! Тебя и не узнать. Сколько времени прошло?

— Да вроде, немного. Три года всего...

— Значит, ты по-прежнему на американцев работаешь?

— А зачем менять? Эфир границ не имеет... И национальности, кстати, тоже...

— Это верно. Видел я твой репортаж тогда. Но почему-то в российских новостях. И имя автора не назвали...

— То, что имя автора не назвали, — это по моей просьбе. А что с теми азербайджанцами случилось?

— Отпустили их — тоже по твоей просьбе... На канистру бензина выменяли... А ты Расскажи, как было дело? Тогда-то ты сразу улетел, и поговорить не успели...

...В памяти — зимний Агдам, который непрерывно обстреливается ракетами «Град». Большая часть ракет попадает в обычные, ничем не примечательные жилые дома. Состояние жителей — на грани паники. Легко ли жить под постоянным обстрелом, когда никто, даже стреляющие, не знает, куда полетит и где взорвется очередная ракета. Установка залпового огня как бы пристреливается к городу, выпуская одиночные ракеты.

Народный фронт Азербайджана отряжает разведывательно-диверсионную группу, которой поручено выяснить, где находится эта установка, и по возможности уничтожить ее. Я увязываюсь с этой группой.

...Проходит час за часом. Единственная наша надежда — знание местности проводником. Судя по времени, мы уже давно прошли то расстояние, которое планировали, но к цели разведки не приблизились... Установка замолкает надолго, лишая нас даже звукового ориентира. Мы по-прежнему идем в никуда.

Долина между холмами сужается, склоны становятся круче. На них без снаряжения не подняться. Судя по растерянному лицу проводника, дорогу он теряет, но признаться в этом боится или не хочет.

Внезапно по долине разносится громовой бас:

— Всем стоять! Руки вверх! Оружие на землю!... — Бас гремит на языке межнационального общения — по-русски. Группа останавливается. Все, в том числе и проводник, поднимают руки.

Я на всякий случай поднимаю тоже.

— А это еще что за птица? Ты, с краю, подойди поближе... Что на тебе висит? Оружие?

— Нет, — кричу я в неизвестность. — Это аппаратура, я — журналист...

Голос, усиленный мегафоном, доносится как будто со всех сторон.

— Журналист! — снова гремит голос. — Медленно иди вперед по ущелью. Остальным стоять на месте. Вы у нас на прицеле!

Я медленно плетусь туда, куда мы и шли. Совсем близко, буквально за ближним холмом, грохочет залп «Града». Цель нашего путешествия оказывается рядом с нами, в соседней долине, но мы ее уже проходим и оказываемся в расположении армии Нагорного Карабаха. Свернув по долине вправо, как мне командует невидимый обладатель мощного баса, я оказываюсь на краю траншеи. Со склона спускается бородатый фидаин. Еще несколько человек, от которых видны только макушки в коричневых вязаных шапочках, старательно целятся в мою сторону. Видны автоматные стволы и внимательно прищуренные глаза.

— Шпион!? — то ли спрашивает, то ли утверждает фидаин.

— Нет, не шпион, журналист! — настаиваю я. — А вот и документы...

— Руки! — страшным голосом рычит он. — Руки не опускай — шлепнут сейчас!

— Сам тогда возьми во внутреннем кармане...

Он тщательно обыскивает меня, проверяя, нет ли оружия в карманах, в рукавах и штанинах. Ничего не обнаружив, говорит:

— Теперь медленно подай мне сумку и аппаратуру. Нет, лучше поставь на землю и отойди в сторону...

Подчиняюсь, но в груди нарастает холодный комочек. Он прикасается к сердцу, которое болезненно сжимается, мешая дышать. Несмотря на холод, на лбу выступает пот. Он ледяными струйками появляется из-под шапки и стекает за воротник...

Проверив сумку и подивившись на незнакомую аппаратуру, фидаин теряет ко мне интерес:

— Поднимайся вверх, там тебя встретят...

— А снимать вас можно?

— Снимать? — он даже приостанавливается от неожиданности. — А зачем тебе снимать? Мы тебя все равно расстреляем...

Он произносит эти страшные для меня слова как-то скучно и обыденно. Я начинаю верить, что этот меня точно расстреляет и рука у него не дрогнет. Но пока я жив, нужно что-то говорить.

— Расстрелять всегда успеете. Ты же даже документы не посмотрел... — возмущенно говорю я.

— Зачем документы? Ты пришел с азербайджанской разведкой... А документы я тебе сам какие хочешь выпишу...

— Заберите его! — кричит он по-русски и что-то добавляет по-армянски... — Я к воякам пошел. Прикройте!

Один из фидаинов, совсем мальчишка, выходит из окопа и направляется ко мне. Я быстро иду ему навстречу и протягиваю руку:

— Привет! Всемирные телевизионные новости...

Он машинально подает мне руку, и мы обмениваемся рукопожатием. Мальчишка теряется, и, оглядываясь на окоп, откуда его товарищи видят, что он «ручкается» с противником, передергивает затвор автомата:

— Иди вправо и вверх... Там — блиндаж...

Первый бородач окликает моего конвоира и тот, указав рукой направление, куда мне надлежит идти, бежит к командиру. На какое-то время я остаюсь без присмотра и, конечно, не иду ни в какой блиндаж.

Сначала присаживаюсь на дно окопа и начинаю копаться в сумке, открывать камеру, менять пленку, протирать оптику. Некоторое время обитатели окопа следят за моими действиями, но, видя, что им ничто не угрожает, отворачиваются и начинают следить за происходящим в устье.

Фидаины тщательно обыскивают задержанных азербайджанцев и набирают целый арсенал разного оружия, патронов и гранат. Тем временем я встаю рядом с бойцами и выставляю над бруствером вместо автомата маленькую видеокамеру. Она работает бесшумно, и я снимаю все, что происходит в узкой лошине.

Выпотрошив им карманы, фидаины отводят пленных к противоположному от нас краю устья. Намерения недвусмысленные, они собираются их расстрелять. Набрав побольше воздуха, я кричу:

— Не-е-е-ет! Не нужно!!!

Бородач оборачивается:

— А-а! Про тебя-то я и забыл совсем. Иди-ка сюда!

— Иди ты, поговорить нужно...

Память услужливо включается. У меня перед глазами словно появляется листок из блокнота с записями, сделанными в прошлый приезд. Я был на армянской стороне и познакомился со многими командирами...

— Ара Абрамян знает, что я здесь! — кричу я в отчаянии. Бородач останавливается:

— Абрамян, говоришь? — Имя министра национальной безопасности Армении производит магическое действие. Экзекуция откладывается...

Он в сомнении стоит посреди ущелья. Перед ним — семеро простившихся уже с жизнью противников, и один — крикливый и нахальный то ли противник, то ли друг, среди его бойцов с включенной видеокамерой. Наконец решается:

— Всех пленных — в сарай, под замок. А с этим будем разбираться...

Все так же, цепочкой, мы идем на окраину Аскерана. В одном из домов — штаб. Во дворе — крепкий сарай с двумя загонами и сеновалом. В одну дверь вводят всех пленных азербайджанцев, за другой — запирают меня. Аппаратуру, кофр, все содержимое карманов уносят в штаб...

Плотная дверь пропускает в щели мало света, и я сижу в темном сарае, где вкусно и терпко пахнет сеном. В дальнем углу слышится шумное дыхание и сгустком мрака ворочается корова, позвякивая колокольчиком. Помещение, в котором меня запирают, нечто вроде преддверия хлева. Относительно чистый пол, засыпанный соломой. Я обхожу свою темницу, чтобы хоть как-то сориентироваться. Справа от входной двери нащупываю ступеньки лестницы, ведущей на сеновал. Присаживаюсь на них ненадолго, чтобы обмозговать ситуацию и наметить линию поведения.

От очевидного не отопрешься. Действительно, я пришел сюда с разведгруппой, с диверсантами, можно сказать.

— Ну и что? — возражаю сам себе. — Это — моя работа — показывать обе стороны в действии...

В конце концов решаю ничего не врать. Если не знаешь, что говорить, говори правду! Ну, может быть, чуточку подкорректированную. Естественно, задачи группы мне неизвестны, на том стоять буду до посинения...

Решив для себя все проблемы, забираюсь по лестнице на сеновал и устраиваю себе «окоп» в душистом сене. Через несколько мгновений усталость берет свое, и я засыпаю.

Просыпаюсь от жуткого грохота и крика:

— Куда он девался? Сбежал?

— Никуда не сбежал. Здесь я... — подаю голос из своего укрытия. — Наверху, на сеновале...

— А ну вниз, быстро!

В темном прямоугольнике двери толпится вооруженный народ. Бородач, пленивший меня, облегченно вздыхает.

— Тут люди из МНБ ждут, а мы тебя найти не можем... — ворчит он, пока я осторожно спускаюсь по крутой лестнице. Изумленно смотрит на меня: — Ты что, спал?

— Спал, конечно!

— Вот это нервы!

— А при чем здесь нервы? Устал очень... — бормочу я, снимая с себя сено и пытаюсь наконец проснуться. — Слушай, а сколько времени? Часы-то вы у меня забрали...

— Скоро семь вечера.

— Ничего себе, я уже четыре часа в плену...

В дверях возникает еще одна фигура.

— Ну, где ваш пленный? — слышу я знакомый голос.

— Петька! Ты, что ли? — неуверенно вглядываюсь в темноту.

— Привет! Конечно, я... — весело откликается фигура и хлопает меня по плечу.

Осипьян, бывший школьный учитель, преподавал ребятам историю. В годы войны стал отличным командиром. Возглавляет «направление». Что это такое, я не очень понимаю, но шишка большая.

Он приобнимает меня за плечи и ведет к штабу:

— Давно ел?

— Вообще-то, давненько...

— Наслышан о твоих приключениях... Пошли обедать, за столом расскажешь...

— Рассказывать ничего не буду... — говорю я. — Ты меня знаешь...

Бородач изумленно прислушивается к разговору. Встревает:

— Командир! Дайте мне его ненадолго, запоет, как соловей...

Осипьян хмурится:

— Забудь. Я его знаю не первый день... У него другая работа.

А разведка, между прочим, твое дело!

— Мы же их задержали... — возмущенно откликается бородач. — И вон какую «птицу» изловили...

— Это неизвестно, кто кого «изловил», вы его или он — вас? Ты снял, как они работают? — обращается он ко мне.

— Естественно...

— Вот видишь. Оказывается, это ему и надо было. Снял, как армянская контрразведка арестовывает разведку противника... Так что взял он вас. Голыми руками...

Бородач хмурится и обиженно сопит:

— Знал бы я, что он нас снимает, я бы его там и оставил...

— А вот это — неправильно. Сколько раз вам говорить — журналистов не трогать?

— Что у него, на лбу написано?

— Ты же его обыскал. Оружия нет, документы — на месте...

— Что я, читал эти документы? Потом бы вместе и почитали...

Меня, честно говоря, даже холодный пот опять прошибает.

— «Потом» — это когда? После расстрела?

— Конечно... — кивает бородач. — А кто у нас хорошо читает? Командиры только, а мы-то — воюем. Который год...

За годы войны сменились поколения воюющих. Сейчас за автоматы взялись те, кто никогда не сидел за партой, зато знает в совершенстве виды оружия и разобрать-собрать автомат может с закрытыми глазами. Все, что происходит в мире, для такого воина — дремучий лес. Как ему объяснить, что есть Международные акты, защищающие права человека, что журналист — лицо неприкосновенное, что материнство и детство даже в боевых условиях защищается всеми конфликтующими сторонами.

У него главное правило: «Убей — или сам будешь убит!»

Осипьян смеется:

— Видишь, у нас ребята простые. А с твоими провожатыми что делать?

— Отпустить, конечно... Мне же потом придется туда приезжать. Меня и спросить могут. Там тоже ребята «простые»...

— Хорошо! — говорит Петр после некоторого раздумья. — Мы их обменяем на что-нибудь или на кого-нибудь. Если так отпустим, нас поймут неправильно...

— Хорошо, хоть живыми останутся...

— Ну, это пусть они тебя благодарят. А то мои ребята их там бы и кончили...

— Действительно, нравы у вас тут...

— Законы военного времени — в действии... — пожимает плечами Петр и направляется в дом. — Пошли, перекусим, чем Бог послал...

Обнимая ладонями обжигающую кружку с крепчайшим чаем, я наслаждаюсь теплом и немудреным уютom.

Осипьян спрашивает:

— Ты куда сейчас пойдешь?

— Если не возражаешь, никуда. Здесь переночую...

— Это — само собой, а завтра? Тебя обратно отправить?

— Отсюда — куда ближе, до Баку или до Еревана?

— По расстоянию — до Баку... «По уму» — до Еревана.

— В принципе, мне нужно в Москву...

— Тогда что думать? Утренним рейсом тебя и отправим из Еревана. Без проблем...

Осипьян облегченно вздыхает:

— Правильное решение. А то я сейчас пытался продумать, как тебя обратно в Агдам доставить. А раз не нужно туда — проблем меньше. Кстати, на том столе все твои вещи и документы лежат, не забудь их...

— Издеваешься?

— Да нет, просто шучу... Иди, ложись спать. Поздно уже. У меня сейчас совещание, а утром увидимся...

Утром увидеться нам не удастся. Осипьяна вызывает какое-то начальство, а бородатый контрразведчик сам отправляет меня на рассвете в Ереван, откуда я благополучно возвращаюсь в Москву.

И вот, новая встреча через четыре года...

— У тебя опять совещание? Это твое нормальное состояние — совещаться по ночам?

— А что делать? Суток не хватает... Ну, мы все закончили? По местам... Вазген! За моего друга отвечаешь головой...

— Чьей?

— Ну и шуточки тут у вас, — говорю, поднимаясь со стула. Все хохочут. Юмор, конечно, черноватый. Решаю не обижаться и смеюсь вместе со всеми...

Вообще, в «горячих точках» иногда спасти рассудок может только чувство юмора. Но и юмор здесь бывает, мягко говоря, своеобразный. Могут, например, сказать, что сейчас тебя расстреляют, а потом, увидев реакцию, хлопнуть по плечу и сказать, что это была шутка. Юмор такой. И над этим полагается смеяться... И если ты не готов смеяться подобным шуткам, и прежде всего над собой, в «точках» тебе делать нечего...

СУЛЕЙМАНОВ Махир

Родился в 1961 году в г. Шемаха. Окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета. Работал в нескольких средствах массовой информации. В 1992 году после призыва в Национальную армию начал свою деятельность военного журналиста. В настоящее время редактор газеты «Сэхэр» («Утро»).

Когда начинались тревожные события в Нагорном Карабахе, я завершил факультет журналистики и только что получил диплом. Как и большинство студентов, я принимал активное участие в многотысячных митингах, на которых народ, не желавший оставаться равнодушным к своей судьбе, требовал объективную информацию о происходящих событиях, хотел разобраться в достоверности различных слухов. Как молодой журналист, я воочию убедился, каким грозным оружием может явиться информация.

В 1992 году мне довелось принять участие в опубликовании информации, которая потрясла не только азербайджанский народ, но и всю мировую общественность. Тогда я работал заместителем ответственного секретаря в популярной информационной газете «Сэхэр» («Утро»), которая печаталась большим тиражом и распространялась не только в Азербайджане, но и в Турции и Иране. В то время сложилась крайне напряженная ситуация вокруг имеющего важное стратегическое значение города Ходжалы в Нагорном Карабахе. Город был полностью в окружении, и большая часть его 7-тысячного азербайджанского населения не могла эвакуироваться. Нас очень беспокоила судьба соотечественников, и в каждом номере мы давали подборку новостей из Ходжалы. 26 февраля, когда «Сэхэр» наряду с другими газетами готовился к печати в издательстве «Азербайджан», по телетайпу поступило официальное

сообщение о событиях в Ходжалы. В информации говорилось, что противник предпринял попытку наступления на Ходжалы, в ходе боя погибли двое наших солдат, но противнику дан отпор, в настоящее время город и аэропорт находятся под нашим контролем. Разумеется, мы немедленно внесли поправку в макет нашей газеты и поместили это сообщение. Но неожиданный телефонный звонок в редакцию резко изменил наши планы. Трубку поднял я. Оказалось, это звонил наш корреспондент Шамиль Сабир оглу. Его информация потрясла нас всех. Шамиль уверял нас, что официальное сообщение является полной ложью. По его словам, в ночь с 25 на 26 февраля армянские вооруженные формирования при поддержке личного состава и техники 366-го мотострелкового полка России полностью захватили Ходжалы и прилегающий к нему аэропорт. Но самое страшное было то, что при этом убиты сотни мирных жителей — стариков, женщин, детей. Была неизвестна судьба многих пропавших без вести — то ли они взяты в заложники, то ли погибли. Решение нашего главного редактора Мезахира Сулейманзаде и его заместителя Идаята Эльвусала было твердым: «У нас нет оснований не доверять своему корреспонденту». На всякий случай мы решили найти по телефону кого-нибудь из должностных лиц Ходжалы. Удалось связаться с прокурором города Атакиши Атакишиевым, он подтвердил информацию Шамиля Сабир оглу. На свой страх и риск редакция газеты «Сэхэр» решила опубликовать полученную информацию и донести правду об этой трагедии азербайджанскому народу и всему миру.

27 февраля с утра в редакции не умолкали телефоны. Читатели были в растерянности, кому верить — газете «Сэхэр» или всем остальным газетам, радио и телевидению, повторяющим в один голос официальную информацию о двух жертвах. До сих пор я не могу забыть плач и горе наших читателей. Самое обидное для них было то, что свои же газеты и официальные СМИ старались скрыть правду.

Спустя несколько месяцев, в мае 1992 года, я был призван в недавно созданную Национальную армию Азербайджана. Таким образом, я стал свидетелем боевых событий и переквалифицировался в фронтового журналиста. Отныне почти все свое время я проводил на фронте рядом с воинами. Конечно, я не был заинтересован в том, чтобы выносить на газетные страницы все увиденное здесь. Необходимо было соблюдать определенные нравственно-этические нормы. Если в мирное время перед тем, как опубликовать информацию, необходимо «сто раз отмерить, один раз от-

резать», то в военное время порой приходилось «отмерять» тысячу раз. Я сам неоднократно сердился, прочитав некорректные репортажи некоторых журналистов.

В связи с этим мне вспоминается один эпизод. 15 августа 1992 года я находился на оборонительных рубежах вокруг села Гаджар Физулинского района. Настроение у солдат было хорошее. Они очень уважали меня как журналиста, делившего с ними окопную жизнь. Вдруг взоры всех нас обратились на небо. Два самолета, пролетев над нами на высокой скорости, нанесли мощные удары по позициям армян. Не успели мы обсудить это событие, как эти же самолеты развернулись и на этот раз стали бомбить уже позиции наших войск в районе села Юхары Яглывенд. Солдаты были в недоумении. Один из них спросил меня: «Ну что, сможешь ли ты честно рассказать в газете об этом?» Этот случай меня потряс до глубины души, и я обещал солдатам обязательно напечатать заметку о нем. Солдаты же были уверены, что цензура не допустит опубликования этой информации. Их сомнения задели меня за живое. Вернувшись в Баку на следующий день, я узнал, что в ежедневном бюллетене пресс-службы Министерства обороны нет ни слова об этом случае. Решил подождать еще сутки. На следующий день — тоже ни слова. Тогда я решил опубликовать в газете «Сэхэр» свою заметку, озаглавив ее «Кому принадлежал самолет?». Лишь после этого пресс-служба Министерства обороны признала, что наш самолет по ошибке разбомбил позиции своих войск, и добавила, что на войне такие ошибки не исключение.

Хочу отметить, что в таких случаях цензура никогда не ограничивала мою журналистскую свободу. Вообще, мне кажется, что цензура профессионального журналиста должна быть в нем самым. Профессиональный журналист, пишущий на разные темы, в том числе и о войне, должен ясно представить себе стоящую перед ним задачу. Борясь за свободу слова и независимость прессы, он не должен забывать об ответственности перед своей совестью за свои слова.

Обеспечение безопасности журналиста является очень важной задачей. По мере своих возможностей и представители местных властей, и военные стремились максимально обеспечить нашу безопасность и старались создать благоприятные условия для работы. Надо признаться, что мы, журналисты, довольно часто добровольно подвергали свою жизнь опасности. Конечно же, это объяснялось желанием собрать наиболее достоверную информацию из самых первых рук или, что еще лучше, увидеть все своими гла-

зами. Лично я несколько раз оказывался лицом к лицу со смертельной опасностью. Например, в апреле 1994 года группа журналистов под моим руководством была командирована в зону боевых действий в степь Харамы Бейлаганского района. У меня с собой был старый фотоаппарат «Киев». С ним невозможно было делать качественные снимки с дальнего расстояния. Когда мы дошли до передовых частей наших войск, со стороны занятого армянами села Ашагы Вейсали Физулинского района начался артобстрел наших позиций. Армянские наводчики целились в автомобиль, который двигался в нашу сторону, оставляя за собой шлейф пыли. Несмотря на то, что вокруг нас разорвались 6–7 снарядов, ни нам, ни автомобилю не был нанесен ущерб. И тогда, воодушевившись таким везением, я решил выйти из окопа, чтобы поближе снять подбитую армянскую БМП. Лишь осуществив свой план и благополучно вернувшись обратно, я стал размышлять, насколько оправданным и осмысленным был мой риск, хотя со стороны это, наверно, выглядело как очень смелый поступок. Армянские позиции были расположены всего в 40–50 метрах от этой БМП, и меня можно было убить, даже не особо прицеливаясь.

Так как моя профессиональная деятельность на Карабахской войне больше являлась военной журналистикой, я не мог пропустить через свою внутреннюю цензуру очень многое. Надо признаться, что в течение 1993–1995 годов я и мои коллеги неоднократно испытывали морально-психологическое давление со стороны некоторых военных, не осознававших важность нашей работы и смотревших на нас свысока. Позже многие из них с позором были изгнаны из армии. Но такие люди не могли сбить нас с пути, потому что мы работали не для них, а для всего народа, и всегда чувствовали поддержку читателей.

ЭМИНБЕЙЛИ Эмин

Родился в 1955 году в городе Агдам. Закончил филологический факультет Азербайджанского государственного университета. Начал работу в газете «Баку». С января 1991 года по сей день — учредитель независимой газеты «1 гюн» («1 дней»).

Я родом из Агдамского района, но в начале карабахского конфликта жил и работал в Баку. Естественно, я очень интересовался развитием событий и часто ездил в зону конфликта. Скоро я почувствовал, что у меня появилась некая внутренняя потребность постоянно находиться там. А для этого надо было либо записаться добровольцем в один из отрядов самообороны, либо стать военным репортером. Я выбрал второе. Используя свои личные каналы, добился встречи с тогдашним министром внутренних дел Искандером Гамидовым и попросил дать мне оператора. И. Гамидов прикрепил ко мне офицера отдела общественных связей МВД по имени Гюндуз. Таким образом, я начал работу в зоне конфликта в качестве репортера МВД. Но стоило нам снять несколько боев, как мне пришлось отказаться от оператора. Дело в том, что я рвался в самую гущу событий, а оператор не хотел лезть под пули. А однажды мы договорились с армянским командиром о проведении съемок в Ханкенди (Степанакерте), но оператор наотрез отказался поехать туда. После этого случая я стал снимать сам.

Откровенно говоря, для меня не представляло большой сложности собирать информацию в зоне боевых действий. Наоборот, военные сами оказывали мне всяческое содействие. Они очень уважали журналистов, которые не боялись с ними находиться в окопах и делить кусок хлеба. Конечно, первое время эти воинские

части были сформированы не на уровне Министерства обороны, а как батальоны самообороны. И этим батальонам обычно присваивались имена их командиров. В это время я объезжал Агдамский, Агдеринский (Мардакертский), Тертерский, Кельбаджарский районы, встречался с командирами батальонов самообороны, спрашивал разрешение на съемки боев. Они с удовольствием встречали журналиста, стремящегося сделать репортаж непосредственно в боевой обстановке, потому что большинство столичных корреспондентов в то время ограничивали свою командировку лишь встречами с районным руководством.

Несмотря на желание писать о войне, мои познания в этой области были невелики и ограничивались в основном документальными фильмами и рассказами участников второй мировой войны. Но уже после наблюдения воочию за первыми боями мое представление об этом было полностью перевернуто. С первыми ужасами войны я столкнулся при освобождении азербайджанской армией города Агдере (Мардакерта). Армяне зашишались до конца и покинули город с боем. Большинство армянского населения вышло вместе с воинами. Тогда помимо боевых сцен я провел съемки в нескольких оставленных квартирах. И чисто по-человечески на это было тяжело смотреть. Возможно, это чувство покажется странным воевавшим солдатам. Представьте себе, в одной части дома собраны продовольственные запасы на зиму, в другой — развешано постиранное белье младенцев. Даже чайник на плите еще был теплый. Тяжело осознавалось, как круто война перевернула судьбы людей. За пять минут они лишились теплого очага, который создавали годами.

Я начал свой рассказ с Агдере (Мардакерта), потому что тогда там шли наиболее ожесточенные столкновения. Я снимал бои вокруг сел Ванг и Дрымбон. Съемки имели и другое значение. Воюющие солдаты, увидев направленную на себя камеру, воодушевлялись в десятки раз. Наверное, думали, что их покажут по телевизору. Но моей целью отнюдь не был показ в эфире всех отснятых материалов. Я снимал больше для истории и для себя. Позже я из этих материалов подготовил фильм «Война как есть». В нем я ставил себе целью говорить не столько о необоснованных территориальных притязаниях Армении к Азербайджану, сколько о том, что войны приносят вред и страдания обеим странам и народам. В фильме были интервью с 15 армянскими пленниками и азербайджанцами, вернувшимися из плена. Даже во время обмена пленными мне удалось взять интервью у армянского полевого коман-

дира Виталика, возглавлявшего Аскеранский батальон. (Небольшое отступление: В те времена командиры батальонов с обеих сторон поддерживали контакты друг с другом. Они встречались во время обмена пленными. Обычно такие встречи оговаривались за несколько дней. Во время них они беседовали на самые разные темы. Например, делились информацией о свадьбе общих знакомых и так далее.)

Во время обмена пленными происходили удивительные события. Однажды командир одного из батальонов самообороны, национальный герой Азербайджана Аллахверди Багиров, обнял одного из пленных армян. И прямо в камеру сказал, что «мы много лет играли в футбол за одну команду». Когда настало время обмена, армянский солдат сказал Аллахверди, что он очень надеется больше не оказаться с ним по разные стороны фронта. Был другой интересный случай, тоже отснятый мною. После успешных переговоров стороны решили обменять по одному пленному. Одновременно отпустили пленных, и те шли навстречу друг другу в нейтральной зоне. Оба были сильно избиты, их лица были в крови. Встретившись, они обняли друг друга и стали плакать. Представьте, как это сцена подействовала на меня как журналиста. Но в то время я не стал писать об этом, так как была явная угроза быть непонятым. Вообще, в этой войне было много таких моментов. Ведь Агдам и Степанакерт — соседние районы. И долгие годы между азербайджанцами Агдама и армянами Степанакерта поддерживались дружеские отношения. Часто бывало так, что те, кто утром стрелял друг в друга, вечером по радиации спрашивал, все ли в порядке дома, в семье и т.д.

Когда упомянутый комбат Аллахверди Багиров погиб, подорвавшись на mine, командир Аскеранского батальона Виталик связался с нашими воинами по радиации и спросил, действительно ли погиб Аллахверди. Когда услышал, что это правда, очень расстроился и обругал наших солдат: «Как же вы не уберегли такого человека?»

Пока я пишу эти строки, мне вспоминаются слова Бисмарка: «Нигде люди так не врут, как на охоте и на войне». Война полна контрастов. Известный всем как герой, воин мог превратиться в труса, а ничем не выделяющийся среди товарищей солдат вдруг совершал героический поступок. Чувство страха присуще каждому из нас. У большинства людей любовь к жизни сильнее любви к родине, и это естественно. Но я снимал таких ребят, которые смотрели смерти прямо в глаза. И самое интересное для меня было то, что эти ребята не любили говорить о своих поступках. Их от-

веты всегда сводились к фразам типа «родина в опасности, сейчас не время для разговоров». Большинство из таких ребят остались неизвестными, их имена знают лишь однополчане и фронтовые журналисты. Но я снимал и такие случаи, когда известные всем воины, даже носители звания национальных героев, отказывались рисковать своей жизнью.

Больше всего меня расстраивало то, что большинство пишущих о войне журналистов имели поверхностные знания о ней. Они не находились непосредственно в зоне боев. Обычно эти журналисты встречались с руководителями районов, самое большее — с командирами бригады или батальона, слушали их сказки и уходили весьма удовлетворенными. Их репортажи сводились в основном к тому, чтобы указать, какой герой сколько убил противников. Такие журналисты были с обеих сторон. Те же, кто видел войну изнутри, затрудняются писать о ней все. Потому что они могут стать «белыми воронами» и быть непонятыми. Но и не все журналисты, участвующие в освещении боевых действий с места событий, были одинаково смелыми. Например, у оператора Тахира Гараева было интересное качество. Ради красивого кадра он забывал об опасности. Однажды, выйдя из окопа, Тахир стал снимать, как танк противника едет прямо на него.

Во время активных боевых действий мне не доводилось встречаться с армянскими журналистами. Но однажды в Агдере (Мардакерте) я встретился с известным российским журналистом Александром Невзоровым. Мы оба проводили съемки в местечке под названием Платина вблизи Агдере (Мардакерта). Потом его кадры были показаны в программе «600 секунд». В то время российские журналисты часто приезжали в зону боевых действий. Конечно, их оборудование было намного лучше нашего. В первое время нам приходилось очень трудно с оборудованием. Например, у меня было всего две батареи для камеры. Утром я заряжал их и выезжал в зону боевых действий. Приходилось экономить батареи, так как для следующей зарядки пришлось бы возвращаться в районный центр.

Иногда мне задают вопрос, почему фронтовые журналисты до сих пор не хотят писать обо всем, что видели. Я уже говорил, что у большинства представления о войне формировались только по фильмам о второй мировой войне. Может, это даже и хорошо. Если бы написали о всех ужасах войны, случаи уклонения от воинской службы, возможно, приобрели бы массовый характер. Если бы я был нейтральным журналистом, может быть, не стал бы при-

слушиваться к голосу самоцензуры и рассказал бы об увиденных ужасах. Но я гражданин одной из воюющих сторон. Тем не менее, рассказав, например, о том, как армяне пытали наших пленных, я не могу умолчать и о том, как наши делали то же самое.

Отправляясь в зону боевых действий, я хотел донести с фронта оперативные новости. Но вышло так, что я стал скорее фронтовым летописцем. Я видел свое назначение в том, чтобы перед боем снимать и тем самым воодушевлять солдат. Я старался снимать всех солдат батальона перед боем, во время и после него. Но не все оставались живыми. Другим моим увлечением стал сбор удивительных экспонатов с поля боя. Например, у меня есть каска с застрявшей в ней пулей. Пуля пробила каску с одной стороны и, не достав до головы солдата, осталась в металле. Или пуля, застрявшая в «фартуке» для автоматных магазинов прямо у сердца солдата. Среди снятых мною сцен есть такая: старый отец приехал увидеть своего сына в одну из частей Тертерского района. Только что завершился тяжелый бой, и сын остался в живых. Отец очень был рад его увидеть. Но вдруг один снаряд попал в огромное дерево, и оно, свалившись, задавило сына. Он медленно умирал на глазах у отца и своих товарищей, которые никак не могли сдвинуть дерево с места.

Я бы хотел сдать все свои ленты в музей истории войны, но пока такой музей еще не создан.

Memorium

Погибшие журналисты

АМБАРЦУМЯН Сергей Сергеевич

Погиб 28 февраля 1992 года во время съемок боев близ села Сарнахпюр.

Родился 5 апреля 1963 года в г. Степанакерте. В 1980 году поступил на радиотехнический факультет Ереванского политехнического института им К. Маркса. С 1985 по 1988 год работал слесарем-монтажником на Степанакертском комбинате строительных материалов. С 1988 года работал оператором областного телевидения. Во время режима чрезвычайного положения в НКАО (комендант В. Сафонов) С. Амбарцумян был подвергнут 15-дневному административному аресту. Причиной ареста была его профессиональная деятельность. После эскалации конфликта проводил съемки боестолкновений вблизи населенных пунктов Нагорного Карабаха и прилегающих районах — Тог, Мюришен, Сарнахпюр, Паруги, Амарас, Нахичеваник, Бердазюр, Ходжаллу, Гадрут, Геташен, Шаумян и др.

АСКЕРОВА Салатынь Азиз кызы

Погибла 9 января 1991 года: машина, в которой находились журналистка и двое военнослужащих, попала в засаду недалеко от города Шуши.

Родилась в 1961 году. С 1988 года работала репортером в газете «Молодежь Азербайджана». В 1990 – 1991 годах вела репортажи из Нагорного Карабаха, часто выезжала в зону боевых действий.

ГАСПАРЯН Александр Аршавинович

Погиб 3 декабря 1991 года близ степанакертского пригорода Кркжан во время съемок очередного боестолкновения.

Родился 16 апреля 1956 года в г. Степанакерте. После окончания школы работал в телефонном отделении связи райцентра Аскеран. В 1976 году поступил в Ереванский художественно-театральный институт, который закончил в 1980 году. Работал в Степанакертском драматическом театре, а затем был призван в ряды Советской Армии. В 1988 году вернулся в Сте-

панакерт и начал работать на местном телевидении в качестве режиссера. С началом боевых действий А. Гаспарян снимал боевые действия в самых горячих точках. В частности, вместе С. Амбарцумяном им удалось запечатлеть на видеопленку все боестолкновения в степанакертском пригороде Кркжан. Он также принимал участие в съемках боестолкновений близ сел Джангасан и Малибейли (недалеко от Степанакерта).

ГУСЕЙНЗАДЕ Ариф Исмаил оглу

Погиб 20 ноября 1991 года: вертолет, в котором летели высшие государственные чиновники Азербайджана и четверо журналистов, был сбит вблизи села Гаракенд Мартунинского района НКАО.

Родился в 1970 году. Работал в Государственном комитете телевидения и радиовещания ассистентом светотехника.

ДЕМЕНТЬЕВ Валерий

Был смертельно ранен 13 августа 1991 года, умер, не приходя в сознание, в Бакинском военном госпитале.

Родился 12 декабря 1967 года в г. Перми в семье военнослужащего. В 1975 – 1985 годах учился в школе № 6 Ленинского района г. Перми, которую закончил с золотой медалью. В 1984 году, будучи учеником девятого класса, стал внештатным сотрудником областной молодежной газеты «Молодая гвардия», печатался в «Комсомольской правде», «Звезде» и других газетах. В 1985 году поступил в Пермский государственный университет на исторический факультет. После окончания I курса был призван в ряды Советской Армии. В июне 1991 года закончил университет с отличием. В 1988 году вернулся на работу в газету «Молодая гвардия», где работал сначала внештатным корреспондентом, с 1989 года — корреспондентом–обозревателем по военным вопросам, с 1990 года — ответственным секретарем газеты «Молодая гвардия», через полгода коллектив сотрудников избирает Дементьева главным редактором этой газеты. В 1991 году создает новую газету «Милостивые государи».

За мужество, проявленное при исполнении профессионального долга, Указом Президента России от 27 сентября 1993 года Валерий Дементьев награжден орденом «За личное мужество» (посмертно).

ЗАХАРЯН Арам Эдуардович

Погиб 30 июня 1992 г. близ с. Нахичеваник Аскеранского района во время съемок очередного боя.

Родился 9 февраля 1968 года в г. Степанакерте. В 1986 году поступил в Горисский филиал Ереванского политехнического института. Не закончив учебу, был призван в ряды Советской Армии, а по завершении службы перевелся для продолжения учебы в Степанакертский педагогический институт. В 1988 году поступил на работу в качестве оператора в областное телевидение. С началом боевых действий производил съемки боев практически по всей линии фронта, но впоследствии стал больше работать в Аскеранском укрепрайоне. Он был автором видеосюжетов о тяжелых оборонительных боях близ населенных пунктов Прджамал, Храмот, Арандзамин, Нахичеваник и пр.

ЛАЗАРЕВИЧ Леонид

Тяжело ранен в живот в районе села Киркиджаха 27 декабря 1991 года. Скончался спустя день.

Родился 7 ноября 1943 года в Москве.

В 1967 году с отличием окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал корреспондентом радиопрограммы «Сельский час», обозревателем радиостанции «Маяк».

МАРУТЯН Норайр Юрьевич

17 января 1993 года был тяжело ранен при выполнении редакционного задания на Мардакертском направлении фронта, 19 января скончался от полученных ран.

Родился 1 февраля 1966 года в селе Неркин Оратат Мардакертского района НКАО. С 1984 по 1986 год проходил срочную службу в рядах Советской Армии. С 1987 по 1992 год учился на отделении журналистики филологического факультета Ереванского государственного университета. В 1992 году поступил в аспирантуру.

С августа 1992 года был специальным корреспондентом ереванского еженедельника «Азатамарт» в Нагорном Карабахе.

В 1999 году в ереванском издательстве «Джраберд» вышла в свет книга избранных статей и докладов Норайра Марутяна. В из-

дании представлены воспоминания о Н.Марутяне его родных, коллег и друзей, дипломная работа, публикации в студенческой газете «Журналист», военные статьи, интервью и репортажи, опубликованные в газетах «Джраберд», «Зинвор» («Воин») и «Азатамарт», приведен перечень всех публикаций о Н. Марутяне в различных газетах и книгах, изданных в Армении и Ливане в 1993 – 1994 годах.

МИРЗОЕВ Осман Мирзагусейн оглу

Погиб 20 ноября 1991 года: вертолет, в котором летели высшие государственные чиновники Азербайджана и четверо журналистов, был сбит вблизи села Гаракенд Мартунинского района НКАО.

Родился в 1937 году. В 1961 году окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета. Начал работу как репортер в газете «Молодежь Азербайджана». Проработал в этой газете до должности заместителя главного редактора. Потом перешел работать в газету «Вышка» на должность заместителя главного редактора. В 1990 году был назначен начальником пресс-службы президента Азербайджанской Республики. Автор нескольких книг.

Солмаз ханум, вдова Османа Мирзоева: «Он готовил книгу, состоящую из трех частей: «Имена», «Слова», «Традиции». Первая из этих частей книги была издана. Но две остальные так и остались не опубликованными. Для создания этого труда он выучил арабский и фарси... Раньше я очень часто перечитывала его дневники. Я очень часто посещаю его могилу. Я все время как бы мысленно делюсь с ним со своими проблемами. Даже сегодня я его жду. Может быть, это кому-то покажется легкомысленным, но я надеюсь и жду, что он вернется» (опубликовано в газете «Зеркало», 13 апреля 2002 г.).

МУСТАФАЕВ Али Мустафа оглу

Погиб 20 ноября 1991 года: вертолет, в котором летели высшие государственные чиновники Азербайджана и четверо журналистов, был сбит вблизи села Гаракенд Мартунинского района НКАО.

Родился в 1952 году. Окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета. Около десяти лет проработал в Государственном комитете телевидения и радиовещания, руководил отделом новостей. Неоднократно выезжал в зону боевых действий в Нагорном Карабахе.

МУСТАФАЕВ Чингиз Фуад оглу

Погиб 15 июня 1992 года во время съемок боя вблизи села Нахичеваник Аскеранского района.

Родился в 1960 году. Окончил Азербайджанский медицинский институт, работал врачом, сотрудничал с государственным радио. Основал первую независимую телестудию «215 КЛ», передачи которой выходили в эфир на 1-м канале Государственного телевидения. Сотрудничал с рядом зарубежных информационных агентств. Автор многих репортажей с зоны боевых действий в Нагорном Карабахе, в том числе знаменитого репортажа с места Ходжалинской трагедии.

САРКИСЯН Армен Кароевич

Погиб 10 октября 1993 года близ г. Джабраила.

Родился 8 июля 1967 года в г. Степанакерте. С 1985 по 1987 год проходил срочную службу в рядах Советской Армии, затем работал на Электротехническом заводе г. Степанакерта, а затем, после окончания операторских курсов, начал работать на областном телевидении. Летом 1992 года, во время тяжелейших боев в Мардакертском районе, он проводил съемки боев близ населенных пунктов Кусапат, Марага, Кичан и др.

ШАХБАЗОВ Фахраддин Ибрагум оглу

Погиб 20 ноября 1991 года: вертолет, в котором летели высшие государственные чиновники Азербайджана и четверо журналистов, был сбит вблизи села Гаракенд Мартунинского района НКАО.

Родился в 1950 году. С 17 лет работал в Государственном комитете телевидения и радиовещания. Считался одним из лучших операторов.

Раненые журналисты

АЛЕСКЕРОВ Афрасияб

Был контужен в Губадлинском районе в 1993 году.

Родился в Баринском районе. Работал фотокорреспондентом газеты «Халг ордусу». После прекращения огня работал в газете «Ветеран». Инвалид 2-й группы.

БАБАЕВ Ариф

В апреле 1992 года был ранен в голову вблизи села Маргушеван Агдеринского (Мрдакертского) района.

Родился в 1968 году в Азизбековском районе Армянской ССР. Учился на факультете журналистики Азербайджанского государственного университета. Работал в журнале «Гянджлик». В настоящее время работает на Государственном радио.

ВАНЯН Ара

Был ранен во второй половине декабря 1991 года.

Степанакерт тогда подвергался постоянным артобстрелам. Несмотря на высокий риск, сотрудники телевидения решили возобновить свои передачи и давали ежедневные эфиры с новостями дня. Несмотря на то, что А. Ванян часто бывал на передовой линии с целью освещения боевых операций, ранение свое получил прямо на своем рабочем месте. В результате сильного ракетного обстрела большая часть здания ТВ была разрушена, под руинами остались техоборудование и чуть ли не весь архивный фонд. А. Ванян получил тяжелые осколочные ранения головы. После реабилитации вернулся к работе.

Тележурналист Ара Ванян работает на карабахском телевидении практически со дня его основания — с февраля 1988 года. С 1999 года работает заведующим отдела новостей телевидения.

ГАСПАРЯН Григор

Режиссер карабахского телевидения Григор Гаспарян был ранен дважды.

В первый раз это произошло 3 сентября 1991 года. Это было время, когда маленькие вооруженные стычки постепенно перерастали в широкомасштабные бо-

евые действия. Съемочная группа телевидения находилась на позициях карабахских солдат у села Малибекли Аскеранского района. В результате взрыва гранаты Г. Гаспарян получил осколочные ранения обеих ступней. После лечения вернулся на работу.

По иронии судьбы второй раз был ранен ровно через год — 2 сентября 1992 года. Съёмки проводились у села Члдран Мартакертского района. Карабахская армия вела бои по освобождению этого села. В разгаре боя в результате массивного артобстрела Г. Гаспарян был ранен в левую руку.

На карабахском телевидении работает с 1989 года. С 2000 года является главным режиссером ГЗАО «Арцахтелерадио».

ГАФАРОВ Али

Был контужен во время боев в Агдеринском (Мардакертском) районе.

Родился в Баку. Работал фотокорреспондентом в газете «Халг ордусу». В настоящее время работает фотожурналистом в студии документальных фильмов при Министерстве обороны.

ГАФАРОВ Фикрет

19 сентября 1992 года автомобиль ГАЗ-69, в котором Фикрет Гафаров возвращался из зоны боевых действий после завершения съемок боев в Физулинском районе, был подорван и сгорел. Гафаров получил множество ожоговых ран.

С 1991 года работал старшим администратором и репортером в студии «215 КЛ» при Государственном телевидении. С первых дней начала боевых действий отправился на фронт как журналист этой студии. После окончания боевых действий продолжил работу на Государственном телевидении в качестве оператора.

ГРИГОРЯН Артавазд

Телеоператора А. Григоряна на работе называют «Счастливым», так как он перенес два тяжелых ранения.

Первый раз был ранен 2 декабря 1991 у села Цор Гадрутского района. В ходе операции «Кольцо» армяне — жители села Баназур — были выселены из своих домов. После освобождения силами карабахской армии этой деревни жители возвращались в свои родные места. Автомашина съемочной телевизионной группы, в которой находились и другие журналисты,

подверглась сильному обстрелу со стороны азербайджанских позиций. А. Григорян получил пулевое ранение в голову.

После трехмесячной реабилитации вновь вернулся на работу. 9 мая 1992 года, в день освобождения г. Шуши, А. Григорян находился на приграничных позициях карабахских сил на линии Аскеран — Агдам. В ходе съемок боевых действий получил второе ранение. Пуля застряла в груди, в нескольких сантиметрах от сердца. После реабилитации вновь вернулся в строй.

А. Григорян — телеоператор ГЗАО «Арцахтелерадио».

ДЖАФАРОВ Узеир

В 1993 году получил контузию в Физулинском районе.

Родился в Ленкоранском районе. Окончил Львовскую высшую военную школу. Работал главным редактором газеты «Халг ордусу» («Народная армия»). В настоящее время работает в Министерстве обороны.

ДЯРГАХЛЫ Вагиф

Получил контузию в Физулинском районе в 1993 году.

Родился в Баку. Закончил Львовскую высшую военную школу. Работал в Информационно-аналитическом отделе Министерства обороны. В настоящее время работает в пресс-службе Министерства обороны.

МЕХТИЕВ Алисафа

Был ранен трижды: 26 декабря 1993 года — в левую руку, 2 февраля 1994 года — в лицо, 11 мая 1994 года (за день до прекращения огня) — в ногу.

Родился 4 сентября 1962 года в селе Гавелли Агджабединского района. В 1991 году окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета. С 1993 года работал в зоне боевых действий, в основном на территории Физулинского и Тертерского районов. Публиковал репортажи в газетах «Азадлыг» и «525-й газете». После прекращения огня работал в журнале «Военные знания».

МКРТЧЯН Вадим

Телеоператор Вадим Мкртчян при исполнении своих служебных обязанностей был ранен дважды.

Первый раз это произошло 12 июня 1992 года при съемке боевой операции карабахских сил по

уничтожению огневых точек противника у населенного пункта Агдам. Съемки были в самом разгаре, когда телеоператор получил сквозное пулевое ранение в левое плечо. Длительное лечение проходил в Ереване. После выздоровления вновь приступил к работе и в течение очередной съемки боевой операции у села Хорадиз был ранен уже в правое плечо. Второе пулевое ранение, к счастью, опять оказалось сквозным. В ходе этой операции из строя вышла и видеокамера Вадима.

На телевидении В. Мкртчян проработал до 1996 года, в настоящее время занимается бизнесом.

НАСИРОВ Адиль

12 февраля 1994 года в селе Сеидахмед Физулинского района ранен в горло выстрелом снайпера.

Родился в 1968 году в Имишлинском районе. Закончил режиссерский факультет Азербайджанского государственного института искусств. С 1991 года начал работать репортером в студии «215 КЛ», при Государственном телевидении. Первый репортаж готовил в 1991 году в селе Шелли Агдамского района. Его архив включает в себя уникальные съемки последних дней перед военными действиями в Кельбаджарском, Физулинском, Джебраильском и Губадлинском районах. В настоящее время работает режиссером в военно-патриотической студии на Государственном телевидении.

РЗАГУЛИЕВ Хагани

12 марта 1992 года был ранен в левую руку. Инвалид второй группы.

Родился 9 ноября 1963 года в селе Хатынбейли Агдеринского (Мардакертского района) НКАО. С 1991 работал в молодежном литературном журнале «Гянджлик» и учился на заочном отделении факультета журналистики Азербайджанского государственного университета. Его статьи и репортажи из зоны боевых действий публиковались в газетах «Азербайджан гянджляри» («Молодежь Азербайджана»), «Азадлыг» («Свобода»), «Мухалифат» («Оппозиция»), «525-й газете» и в журнале «Гянджлик» («Молодость»). После прекращения огня продолжил работу в журнале «Гянджлик» и одновременно был главным редактором газеты «Фадаи». Автор книги «Что случилось в Агдере». В настоящее время продолжает журналистскую деятельность.

САРКИСЯН Руслан

Фотокорреспондент газеты «Азат Арцах» Руслан Саркисян был ранен 13 марта 1993 года в окрестностях села Кусапат Мартакертского района.

«Как фотокор газеты, я отправился в Мартакерт с трехдневной командировкой в целях освещения событий и подготовки соответствующего репортажа, — рассказывает Руслан. — В тот момент, когда с оборонительных позиций карабахской армии я фотографировал ход боевой операции, направленной на освобождение села Кусапат, противник начал длительный и сильный минометный обстрел наших позиций. Я получил осколочные ранения ног и рук, а вместе с тем и тяжелую контузию. Первую медицинскую помощь мне оказали в ближайшем полевом госпитале, где обработали раненую ногу».

Позднее Р. Саркисяна перевели в Центральный институт ортопедии и травматологии г. Еревана. После окончательной реабилитации он получил вторую группу инвалидности и вернулся к работе.

В газете «Азат Арцах» работает с 1977 года (газета тогда называлась «Советский Карабах»). Как в военное, так и в послевоенное время Руслан Саркисян предоставлял фотокорреспонденции средствам массовой информации Армении и зарубежных стран.

УЛУБАБЯН Вардгес

Работник пресс-службы Армии Обороны НКР, один из основателей телепередачи «Гоямарт» («Битва за жизнь»), режиссер и оператор Вардгес Улубабян был ранен пять раз.

«Первое «боевое крещение» получил 13 января 1990 года в селе Камо Геташенского подрайона, — рассказывает Вардгес Улубабян. — Было время митингов и демонстраций, между противоборствующими сторонами только-только начинался период военных действий. В те дни тысячи армян насильственно выселялись из Баку; брошенные на произвол судьбы, они думали лишь о спасении своих детей».

Поскольку в окрестных селах между армянами и азербайджанцами постоянно возникали вооруженные стычки, попасть в Геташен можно было только на вертолетах. Ночью 13 января около 500 азербайджанских солдат в сопровождении двух танков вошли в село Камо. В одном из домов в центре села В. Улубабян занял «удобную» позицию для съемок происходящего. Во время съемок он получил легкое ранение в руку.

Во второй раз Вардгес был ранен 12 июня 1992 года — на этот раз в голову. Невзирая на проблемы со здоровьем, он продолжил режиссерскую и операторскую работу и, спустя два месяца, в сентябре, в ходе боевых действий у села Кичан Мартакертского района, Вардгес повредил позвоночник. Не прошло и года, как в ходе съемок боевых действий в перевале Омар В. Улубабян получил контузию, а его видеокамера вышла из строя. В последний, пятый раз он получил ранение за два месяца до перемирия — 3 марта 1994 года: в результате минометного обстрела Вардгес повредил левую руку и вторую по счету видеокамеру. Ему оказали своевременную медицинскую помощь, а разбитая видеокамера осталась как память о последних днях перед перемирием...

Преследования журналистов

ГУКАСЯН Аркадий

Заместитель главного редактора газеты «Советский Карабах» Аркадий Гукасян был взят под стражу 19 января 1990 года по приказу коменданта района чрезвычайного положения (Нагорно-Карабахской автономной области) генерал-майора В. Сафонова.

К Гукасяну явились майор и двое рядовых Советской Армии из контингента войск, осуществлявших режим чрезвычайного положения, и «пригласили» его в комендатуру (здание УВД НКАО). Однако, как только А. Гукасян вместе со своим сопровождением сел в военную машину, ему объявили, что генерал «...ждет его в аэропорту». Узнав об этом, А. Гукасян попросил остановить машину. В ответ один из сопровождавших его солдат обвинил вокруг шеи А. Гукасяна его же галстук и начал душить журналиста. Другой солдат приставил к голове А. Гукасяна автомат. Журналист стал задыхаться и попросил ослабить удавку. Майор дал соответствующее указание и заявил: «Вы арестованы на 30 суток за разжигание межнациональной розни в статье “Раскройте, наконец, глаза”».

В аэропорту он увидел вертолеты и одновременно ему был представлен листок бумаги за подписью коменданта района, где были подробно указаны все его анкетные данные — год рождения, партийность, должность, адрес. После слова «прилагается» шло: «статьи и объяснительная». Майор заявил, что А. Гукасян должен написать объяснительную на имя коменданта, и, предложив А. Гукасяну ручку и бумагу, бодрым голосом начал диктовать. А. Гукасян поинтересовался: а что, собственно, он должен объяснять? Далее последовал следующий диалог:

— Почему вы написали в условиях чрезвычайного положения статью, разжигающую межнациональную рознь?

— Я написал то, что считал нужным. В статье, к вашему сведению, не разжигается межнациональная рознь, а осуждаются погромы, насилие и убийства, вандализм. Да и вышла она в свет до приказа коменданта о введении чрезвычайного положения.

— Все равно пишите объяснительную.

— Но с какой стати? Ведь то, что я хотел сказать, я и сказал в статье. Может, вы лучше прочтете ее?

— Я уже читал.

— Тогда процитируйте место, где я «разжигаю межнациональную рознь», и тогда поговорим об «объяснительной»

— Вся статья...

Поняв, что полемизировать со своим стражем бессмысленно, А. Гукасян отказался писать объяснительную и потребовал показать санкцию на свой арест. Поняв, что от журналиста ничего не добиться, его в сопровождении 7 автоматчиков и человека в штатском посадили в вертолет.

Приблизительно в 20 часов 19 января вертолет доставил А. Гукасяна на военный аэродром в Грузии. В сопровождении двух собак его вывели из вертолета и, усадив в «черный ворон», доставили в «одиночку». Здесь он находился несколько часов. Оттуда на «ГАЗ-24» под охраной Гукасян был доставлен в УВД транспортной милиции г. Тбилиси.

Обращение с ним было обходительным. Ему предложили сесть и расспросили о «деле». Были немало удивлены, прочитав приложенную к «делу» статью. Утром 21 января 1990 года А. Гукасяна и еще троих арестованных повезли в аэропорт. Но погода оказалась нелетной. «Черный ворон» привез арестантов в Тбилисский КПЗ. Здесь А. Гукасян, находясь в одной камере с рецидивистом, прослушал краткий курс лекций о писанных и неписанных правилах поведения в зоне, тюрьме и КПЗ.

22 января А. Гукасяна и остальных в сопровождении конвоя усадили в пустой самолет, который доставил четверых арестованных в Ростов-на-Дону, а оттуда — в Новочеркасскую тюрьму.

А. Гукасян был освобожден из-под стражи 4 февраля 1990 г., на 17-е сутки ареста. Позднее в Степанакерте он узнал, что срок ему «сократили» до 15 суток.

Аркадий Аршавирович Гукасян родился 22 июня 1957 года в г. Степанакерте. В 1974 году окончил Степанакертскую среднюю школу № 8, в 1979 году — филологический факультет Ереванского государственного университета. Трудовую деятельность А. Гукасян начал в газете «Хорурдаин Карабах» («Советский Карабах»), где работал сначала корреспондентом, а с 1981 года заместителем главного редактора. С сентября 1992 года А. Гукасян — советник председателя Государственного комитета обороны НКР по политическим вопросам, одновременно — руководитель делегации НКР на переговорах по урегулированию конфликта под эгидой ОБСЕ. В июле 1993 года назначается министром иностранных дел НКР. С 1997 года, после избрания президентом НКР, А. Гукасян является председателем Совета безопасности НКР. Избирался депутатом первого парламента республики (1991 – 1995 гг.), имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

(Давид Петросян)

ОГАНЕСЯН Вардан

Весной 1991 года независимому оператору Вардану Оганесяну, который сотрудничал с телекомпаниями CBS (США), ARD (ФРГ) и видеоприложением к газете «Крисчен сайенс монитор» (США), работал внештатным корреспондентом ряда центральных российских СМИ, прежде всего Ереванского коррпункта АПН, было 22 года.

С начала весны 1991 года оба села — Геташен (Чайкенд) и Мартунашен Ханларского района — были окружены подразделениями Советской Армии, войск МВД СССР и ОМОНа МВД Азербайджана. Связь с Арменией осуществлялась вертолетами, которые привозили в блокированные села продовольствие, гуманитарную и медицинскую помощь. Вардан Оганесян несколько раз бывал в селах и производил съемки.

25 апреля он прибыл в Геташен с последним вертолетом. После завершения съемок начал готовится к отъезду. Но вертолета не было. 29 апреля над селом начали барражировать боевые армейские вертолеты, был слышан гул боевой техники. Так началась карательная операция «Кольцо».

30 апреля В. Оганесян проснулся от грохота танков, БМП и лязга гусениц. В начале операции «Кольцо» (в ей принимали участие подразделения Советской Армии, войск МВД СССР и ОМОНа МВД Азербайджана) боевая техника устремилась в центр села Геташен. В. Оганесян снимал это все. Жители думали, что это просто проверка паспортного режима.

Центр с. Геташен был забит техникой и сбжавшимися жителями. Шла беспорядочная стрельба, которую вел ОМОН и войска МВД СССР. Два БТРа въехали на площадь. Народ окружил боевые машины. Командир местного отряда самообороны Т. Крпеян (учитель истории сельской школы) вскочил на БТР, схватил одного из офицеров и выташил боевую гранату, угрожая взорвать себя и офицера, сказал последнему, чтобы тот отдал приказ на вывод боевой техники и войск (прежде всего азербайджанского ОМОНа) из села. В. Оганесян все это снимал. Кругом были советские войска и азербайджанский ОМОН.

Офицер пытался связаться с командованием, но из-за сложного рельефа местности его просто не слышали те, кто находился за пределами села и руководил операцией.

Наконец офицер сказал, что он может послать за пределы села другого офицера и 2 солдат, но потребовал, чтобы ему была

обеспечена безопасность и его сопровождали армяне. Остальные 14 человек солдат и офицеров остались бы в этой ситуации в заложниках у геташенцев. С ним согласились, и В. Оганесян, который представился офицеру как журналист, вызвался быть одним из сопровождающих. Он пошел за пределы села вместе с офицером и двумя солдатами, которых сопровождали три бойца местного отряда самообороны. В. Оганесян снимал все это.

Как только эта группа дошла до конца сельской улицы, то далее с солдатами и офицером пошел только В. Оганесян, поскольку он был без оружия. Они завернули за угол и увидели азербайджанский ОМОН. Дальше офицеру (старшему лейтенанту) и двум солдатам было предложено продолжить свой путь самостоятельно. В. Оганесян повернулся и пошел назад. Однако ему перерезали путь ОМОНовцы которые находились на другой улице. Они свалили В. Оганесяна и начали его бить, предварительно отобрав все документы и камеру. После пятиминутного избияния его, окровавленного, поставили лицом к бетонному забору одного из домов. Стоявшие на расстоянии 8 – 10 метров от него азербайджанские ОМОНовцы передернули затворы автоматов. В этот момент из одного из переулков появился БМП, на броне которого был офицер Советской Армии. БМП оказался между ОМОНовцами и В. Оганесяном. Последний, воспользовавшись этим, бросился к офицеру. ОМОНовцы представили ему В. Оганесяна как «армянского боевика». Надо сказать, что вид у него был соответствующий: небритый, окровавленный, операторская куртка, походившая на полувоенную форму, и к тому же он был уже без документов. В. Оганесян начал говорить о том, что он журналист из АПН (реально внештатный фотокорреспондент). К ужасу В. Оганесяна, эта аббревиатура офицеру ничего не говорила, но тем не менее, видимо во избежание проблем, он, к явному неудовольствию ОМОНовцев, приказал солдатам затолкать журналиста в БМП.

В целом власти, как в Баку так и в Москве, были явно заинтересованы в гибели солдат и офицеров во время операции «Кольцо», так как это обстоятельство полностью бы оправдало ее проведение. В. Оганесяна вывезли за село, где находилось все командование операции. Журналист не растерялся и представился парламентаром, который содействовал выводу из села трех военнослужащих (офицера и двух солдат). В. Оганесян воспользовался тем, что почувствовал настроения низшего и среднего офицерского звена, находившегося там, которые были явно не заинтересованы в гибели солдат, и начал говорить о солдатах и офицерах ос-

тавших в заложниках в Геташене. Инициативу на себя взял один майор, который вызвался поехать в село и лично убедиться в том, что 14 человек находятся в заложниках у армян. В. Оганесян посадили в уазик и они поехали в село. Прибыв в Геташен, майор убедился, что все сказанное правда, связался и сообщил об этом командованию. Была дана команда на отвод войск.

Во время отвода войск произошел ряд инцидентов, во время которых были убиты все командиры отряда самообороны села. В.Оганесян воспользовался рацией оставленного уазика, представляясь армянским парламентаром. Он кратко изложил ситуацию с заложниками и заявил, что армяне готовы к переговорам по поводу заложников. Речь шла об обмене по принципу «всех на всех» заложников и уже арестованных свыше 30 человек из числа жителей Геташена. Таким образом, В. Оганесян из журналиста превратился в парламентаря, так как с бойцами отряда самообороны не могли вести переговоры. Он ездил на переговоры к военным на этом уазике (отметим, вся «Геташенская история» В. Оганесяна длилась 6 дней). Его водителем стал один 16-летний геташенец.

Пока шли переговоры, удостоверение внештатного фотокорреспондента АПН В. Оганесяна показывали по азербайджанскому телевидению. Заложников водили по селу и показывали убитых геташенцев. Солдаты стали понимать, что их втянули в грязную историю, очень похожую на Афганистан. Заложников держали вместе в доме одной семьи, кормили и обращались исключительно предупредительно.

Переговоры со стороны «объединенной группировки» возглавлял некий генерал Соколов. Он явно затягивал переговоры. Однако старший лейтенант, которого В. Оганесян вывел из села и отпустил 30 апреля, улучил момент и сказал, что должно начаться наступление на село, и попросил не выводить заложников. Ситуация была совершенно дикой: армяне готовы менять заложников по принципу «всех на всех», а генерал Соколов хочет срыва переговоров и силовой акции и тем самым, вольно или невольно, гибели собственных солдат. Он дал команду на начало атаки Геташена. В. Оганесян из уазика вышел на частоту атакующих и начал говорить им о том, что советские войска идут на преступление, аналогичное тем, которые они совершали в Афганистане. Он привел к рации одного из солдат-заложников, который объяснил, что если войска войдут в село, то, возможно, заложники погибнут. Также он сказал, что с ними обращаются крайне гуманно и он считает требование об обмене на гражданских сельчан справедливым. Все

сказанное слышали те, кто непосредственно сидел за рычагами танков и БМП (т.е. рядовые, сержанты, младшие офицеры). Оказывается, всем им сообщили, что заложники подвергаются пыткам и убиты. В результате этой агитации в радиоэфире цепь атакующей техники остановилась. В. Оганесян, несмотря на открытые угрозы в свой адрес в радиоэфире со стороны командования «объединенной группировки», взял солдата-заложника с его оружием и поехал на переговоры.

Выскочившие из танков и БМП солдаты, сержанты и младшие офицеры начали обнимать солдата-заложника, который был их однополчанином. Подъехал генерал Соколов. Он дал «слово чести офицера», что если будут отпущены все заложники, то отпустят всех геташенцев и атаки на село не будет. Несмотря на сопротивление и сомнение геташенцев (в заложниках они видели некоторую гарантию своей безопасности), В. Оганесяну удалось уговорить их отпустить заложников. Он сам начал перевозить заложников на уазике (всего от сделал два рейса), так как предполагал, что в любой момент войска могут быть заменены и тогда большой вопрос — удастся ли о чем-нибудь договориться с новыми войсками.

После того как все заложники были возвращены, генерал Соколов заявил, что армяне будут возвращены только на следующий день (их якобы еще не привезли). В. Оганесян сказал, что он не уйдет, так как он лишил село надежды на возвращение живыми взятых в плен сельчан. В. Оганесян был готов к самоубийству и вынужденно обратился к только что освобожденным заложникам и сообщил им, что генерал Соколов не сдержал данное им «слово чести офицера». В. Оганесян им сказал следующее: «Я вернул вас живыми и здоровыми, с оружием в расположение части. Теперь — убейте меня, так как генерал меня обманул и не отдает геташенцев». Тогда бывшие недавно в заложниках солдаты, взявшись за руки, подошли к генералу Соколову и сказали ему, что если геташенцев не отпустят к своим родным и близким, то они — бывшие заложники — вернутся в село. Генерал Соколов побледнел, так как, видимо, понял, что в глазах своих солдат и офицеров он выглядит последним подонком. «Припертый к стенке» своими же солдатами и младшими офицерами, он дал наконец команду: «Давайте!» Особо подчеркнем, что заложники, за несколько дней разобравшись с реальной ситуацией, больше симпатизировали местному населению, чем высшему военному командованию.

Выяснилось, что автобус с задержанными геташенцами давно стоял за холмом. Все они находились в ужасном состоянии (изби-

тые, со сломанными руками и ногами, раненые, на костылях, у одного из них азербайджанским ОМОНОм с живого был снят скальп). В. Оганесян начал перевозить в село тех, кто не был способен передвигаться самостоятельно. Наступили сумерки, и под угрозой танковой атаки началась депортация жителей села Геташен. Несмотря на требования геташенцев, они вывозились не вертолетами в Армению, а автомашинами в Гянджу (тогда еще Кировабад) на фильтрацию (здесь их заставляли «дарить» дома и собственные машины, в том числе и военным), а затем на автобусах в Армению.

В этой ситуации В. Оганесяну удалось также вывезти из Мартунашена и передать для отправки в Степанакерт, а затем в Армению тело убитого там С. Ачикгезяна — командира отряда самообороны. 6 мая танки вошли в Геташен, где еще оставалось несколько десятков человек (в основном одинокие старики и инвалиды). Журналист понимал, что он будет арестован, так как с последних переговоров его с трудом отпустили. В этот день вечером он был схвачен и отправлен сначала в Ханлар (в эти же дни В. Оганесяну удалось уговорить одного из русских солдат-«дембелей» охраны позвонить в Москву по указанному им телефону и сообщить, что В. Оганесян жив и находится в Ханларе. Впоследствии он узнал, что солдат действительно позвонил и, не называя себя, передал все, что его просили), а затем в Кировабад. На следующий день после его ареста АПН «отказалось» от В. Оганесяна (он был задним числом уволен из АПН. После всей этой истории В. Оганесян нашел в отделе кадров агентства того самого сотрудника-сексота, который провел эту «акцию». В. Оганесян сказал об этом присутствующим при разговоре сотрудникам АПН). Он все ждал и надеялся, что его поддержит CBS.

Первые допросы, которые проходили без насилия, вели следователи-русские из КГБ и ГРУ. В записной книжке В. Оганесяна они нашли телефоны и адреса представительств CBS и других СМИ в Москве. Его начали обвинять в сотрудничестве с западными спецслужбами. Совершенно неожиданно для них, В. Оганесян согласился с этими обвинениями. Он полагал, что в случае признания в шпионаже на США его отвезут в Москву, на Лубянку, и тем самым он избежит суда, тюрьмы и почти наверняка смерти в Азербайджане. Поначалу следователи «клюнули» на «шпионскую версию» В. Оганесяна, которая к тому же была рассказана очень красочно. Для пушей убедительности он назвал имена двух журналистов CBS, которые уже уехали в США. Однако ГРУ и КГБ понадобилось всего лишь 6 часов проверок и запросов, чтобы понять к концу дня 7 – 8 мая (точно не помнит), что В. Оганесян водит их за нос.

В. Оганесян до сих пор полагает, что во многом именно эти проверки и запросы спасли его жизнь в первые часы после ареста, так как в Москве (пусть даже в центральном аппарате КГБ) стало о нем известно и он не пропадет без вести, как это обычно бывает в СССР. КГБ в Москве было просто вынуждено проверять факт сотрудничества В. Оганесяна с CBS.

Первую неделю В. Оганесян сидел в одиночке. Затем в камере с В. Оганесяном сидел некий Юра — «подсадная утка», русский, видимо сотрудник КГБ или ГРУ одной из центральных областей России. Однако журналисту потребовалось немало времени и наблюдательности, чтобы «вычислить» своего соседа по камере. Несмотря на это, В. Оганесян не испытывал к Юре враждебности. Вместе они просидели 28 дней. После ухода «подсадной утки» В. Оганесяну стало ясно, что он более не представляет интереса для советских спецслужб.

В качестве официального обвинения В. Оганесяну был предъявлена статья 93 «б» УК АзССР — «Изготовление и использование заведомо подложных документов». Дело в том, что в самый последний день операции «Кольцо» он вырезал из своего настоящего паспорта фотографию, побрился и получил в сельсовете Геташена справку о том, что у него утерян паспорт (т.н. «форма № 9»).

В. Оганесяна били практически каждый день до потери сознания (старались не бить по голове и почкам). Самыми тяжелыми, по его словам, были, как ни парадоксально, те дни, когда его не били (таких было всего 3 дня. Эти 3 дня были самыми страшными. Он предполагал, что раз не бьют, то, значит, надо готовиться к чему-то страшному), так как терпеть избиения было легче, чем ждать их или слышать крики избиваемых за стеной других пленников-армян (врачей, которые были вместе с ним в Геташене; милиционеров из Воскепара и т.д.). В. Оганесян говорит, что не боялся избиений, а больше боялся пыток. Также два дня по провел в помещении, которое он, предположительно, характеризует как карцер.

Кормили В. Оганесяна, как и других заключенных, испорченным хлебом и некачественной едой. Интересно, что один из охранников-азербайджанцев, который участвовал в его избиениях, угостил В. Оганесяна пахлавой, которую испекла его мать. Тем самым охранник совершенно искреннее продемонстрировал, что лично против В. Оганесян он ничего не имеет, а участие в избиениях — просто часть его служебных обязанностей.

За свою жизнь В. Оганесян перестал бояться тогда, когда он оказался в одной камере с другими арестованными армянами.

А также тогда, когда в тюрьме оказался один русский милиционер (Ю. Нагибин) из азербайджанского ОМОНа, который был среди тех, кто участвовал в операции «Кольцо» и хорошо помнил В. Оганесяна по Геташену. После очередного легкого «дежурного» избиения он, уходя, сказал В. Оганесяну, что «...про тебя радио «Свобода» шумит. Какая-то там баронесса тебя ищет... По-моему, тебя отпустят...» Эти слова показались журналисту правдой.

В. Оганесян ждал, что его защитит CBS, но телекомпания молчала, отчасти из-за того, что советские власти пригрозили ей, что компании будут ограничены возможности в наборе местного персонала. Из-за этого внутри Московского Бюро CBS был скандал, так как журналисты не могли простить руководству Бюро («...мы в это дело не вмешиваемся») за то, что оно «сдаёт» своих людей. Это обстоятельство В. Оганесян (с этой телекомпанией на момент ареста В. Оганесян работал более двух лет) считает одним из наиболее обидных в этой истории, так как сам он ни разу за эти дни CBS «не заложил». До сих пор В. Оганесян благодарен за поддержку журналистам CBS (прежде всего ими были подготовлены документы для «Амнести интернейшнл»), но отношение руководства он также помнит до сих. Он также благодарен телекомпаниям ARD, которая отправила письмо протеста советским властям по поводу его ареста. При этом надо учесть, что для В. Оганесяна ARD не была основной телекомпанией, с которой он сотрудничал.

В общей сложности за решеткой В. Оганесян провел 2 месяца и 12 дней.

Освободили В. Оганесяна неожиданно 18 июля 1991 года под подписку о невыезде, предусмотрительно заставив подписать стандартное заявление о том, что он «...не имеет замечаний по своему содержанию». На машине из Кировабада его привезли к одному переходов на северо-восточном участке армяно-азербайджанской границы и передали армянскому посту МВД.

После тяжелейшего физического и морального истощения в результате пребывания в тюрьме азербайджанского г. Кировабада (Гянджа) В. Оганесян прошел медицинское обследование в Москве и вынужден был самостоятельно пройти шестимесячный курс физической и психологической реабилитации. Еще 6 месяцев ему потребовалось на переосмысление происшедшего. Таким образом, он вернулся в тележурналистику только через год после происшедшего. В Нагорном Карабахе в это время полным ходом шла

война, которая очень сильно отличалась по размаху и накалу от всего того, что видел и снимал В. Оганесян весной 1991 года.

В настоящее время Вардан Оганесян возглавляет учрежденную и основанную им же студию документальных фильмов BARS MEDIA в Ереване. В основном снимает социальные фильмы. С 1992 года снимал также войну в Нагорном Карабахе.

(Давид Петросян)

ШАФИЕВ Надир
НУРИЕВА Севиль
БАБАЕВ Этибар

С начала 1993 года Надир Шафиев начал сотрудничество с Государственным телевидением Азербайджана и в это же время принимал участие в освещении карабахских событий, неоднократно проводил съемки в Физулинском и Загнжеланском районах.

Во время одной из таких командировок, 15 августа 1993 года, съемочная группа подверглась своего рода нападению со стороны представителей исполнительной власти Физулинского района. Вместе с Надиром Шафиевым были: Севиль Нуриева (сейчас журналист независимой телекомпании ANS), Этибар Бабаев (сейчас возглавляет независимую телекомпанию «Спейс»). Тогда расстреляли камеру, отняли кассету, забрали машину. Причем всем этим фактически руководил глава исполнительной власти района Казым Ибишов. В то же время запрещал проводить съемки представитель местного КГБ.

Рассказывает Надир Шафиев: «Необходимо отметить, что, придя в Баку, мы обратились в различные инстанции, в том числе к своему руководителю, тогдашнему председателю Гостелерадио, и он докладывал об этом случае исполняющему обязанности Президента Республики Гейдару Алиеву, и спустя некоторое время, примерно через месяц, руководитель этого района был арестован. Причем, если вначале ему было предъявлено обвинение в применении насилия на представителей прессы, то в дальнейшем ему уже инкриминировали 57-ю статью (измена Родине). Насколько я знаю, если этот человек и вышел на свободу, то совсем недавно.

Следует отметить, что у нас до этого случая не было особых ограничений в доступе к информации. И гражданские и военные власти всячески содействовали нам, даже сами показывали дорогу. Мне трудно объяснить, с чем был связан этот случай в Физулинском районе. Тогда мы столкнулись с интересной ситуацией. Тогда нас называли представителями оппозиции, несмотря на то, что мы

пришли туда из Государственного телевидения. Например, нам говорили, что мы пришли сюда, чтобы сдать район армянам. Мы никак не могли понять, как три-четыре журналиста с камерой и так далее могут сдать район, мы пытались им объяснить, что это невозможно. С другой стороны, мы пытались с помощью камеры, аппаратуры вдохновить наших солдат и тем временем как бы раскрыть суть происходящего. А происходящее было действительно очень страшным — гражданское население было в смятении. Это дети, разыскивающие своих родителей, родители, от испуга чуть ли не бросают своих детей, в общем, была страшная картина, когда люди бросали свой скраб, лишь бы самим спастись».

В настоящее время Надир Шафиев — заведующий отделом информации программы «Сэхэр» («Утро») Государственного телевидения Азербайджана.

(Шахин Рзаев)

Указатель имен

- АББАС Назим — 91
АББАС Низами — 14
АББАСОВ Азер Агаммед оглу — 8
АББАСОВ Иса — 82
АБРАМЯН Ара — 137
АГАДЖАНИЯН Ваграм — 26, 75
АГАЕВ Сарван — 7
АГАНБЕГЯН, академик — 93
АЛЕКПЕРЛИ Шамиль Сабир оглу — 11, 90, 91, 143
АЛЕКПЕРОВ Сахиб — 11
АЛЕКСАНИЯН Грант — 26
АЛЕСКЕРОВ Афрасияб — 156
АЛИЕВ Гейдар — 26, 36, 171
АЛЛАХВЕРДИЕВ Гадир — 99
АМБАРЦУМЯН Сергей — 73, 151, 152
АМИРЯН Давид — 6
АПРЕСОВ Артур — 101, 109
Армен, таксист — 132
Артем, адъютант — 102
АРУТЮНЯН Артур — 72
АСАДОВ Фарда — 6
АСКЕРОВ Алекпер — 83
АСКЕРОВА Салатынь — 17, 46, 79, 151
АСРАТЯН Сенор — 74
АХУНДОВ Мирсалех — 88
АЧИКГЕЗЯН С. — 168
БАБАЕВ Ариф — 156
БАБАЕВ Этибар — 171
БАБАЯН Григор — 18, 27
БАБАЯН Самвел — 28, 33, 37, 101, 102
БАГДАСАРЯН Гегам — 6, 18, 36, 71, 72, 75
БАГДАСАРЯН Эдик — 27
БАГИРОВ Аллахверди — 9, 13, 88, 148
БАЛАСАНИЯН Виталий — 38
БАЛАЯН Михаил — 34
БАРХУДАРЯН Алвард — 24, 28
БАРХУДАРЯН Ерджаник — 32
БАРШАТЛЫ Валех — 10
БАСАЕВ Шамиль — 63
БАХШАЛИЕВ Фаик — 9

- БЕГЛАРЯН Ашот — 26
БЕЛИЧЕНКО Юрий — 63
Бехбуд-киши, житель города Евлах — 96
БЫКОВ Юрий — 47, 48
БЫРКИН Вадим — 39
Вагиф, полевой командир — 98
Вазген, ополченец — 134
Валера, наемник — 63, 64
ВАНЦЯН, начальник аэропорта «Эребуни» — 27
ВАНЯН Ара — 156
Вася, оператор — 108
Виталик, полевой командир — 88, 148
ВЛАСОВ Александр — 43
ВОЛЬСКИЙ Аркадий — 11
ГАБРИЕЛЯН Арсен — 72
Гагик, сапер — 65
ГАДЖИЕВ Алиф — 13, 89
ГАДЖИЕВ Ханлар — 114, 115
ГАЗАРЯН Шушаник — 26
ГАМБАРОВ Рамиз — 16
ГАМИДОВ Сардар — 16
ГАНИЕВ Азизага — 99
ГАРАЕВ Тамерлан — 13
ГАРАЕВ Тахир — 149
ГАРАХАНЛАР Адиль — 94
Гарегин Второй, Католикос всех армян 30
ГАСАНОВ Зимистан — 93, 99
ГАСАНОВА Севиндж — 96
ГАСПАРЯН Александр — 73, 151, 152
ГАСПАРЯН Григор — 156, 157
ГАСЫМОВ Гасан — 12
ГАСЫМОВА Еганя Гюльназар кызы — 8
ГАФАРОВ Али — 157
ГАФАРОВ Фикрет — 157
ГЕВОРКЯН Борис — 75
ГЕВОРКЯН Карен — 111
ГЕЗЛОВ Микаиль — 81
Георгий, старший лейтенант — 104, 105
ГОВОРУХИН Сергей — 111
ГОНДУСОВ Владимир — 39
ГОРБАЧЕВ Михаил — 26, 45, 52, 93
ГРИГОРЯН Александр — 26, 36

- ГРИГОРЯН Артавазд — **157, 158**
 ГРИГОРЯН Николай — **27**
 ГРИГОРЯН Эдуард — **72**
 ГУКАСЯН Аркадий — **34, 162**
 ГУСЕЙНЗАДЕ Ариф — **79, 152**
 ГУСЕЙНОВ Гафар — **82**
 ГУСЕЙНОВ Тофик — **13**
 ГУСЕЙНОВА Кифаят — **99**
 Гюндуз, офицер МВД Азербайджана — **146**
 ДАДАМЯНЫ, семья — **30**
 ДЕВРИКЯН Вардан — **27, 52**
 ДЕМЕНТЬЕВ Валерий — **152**
 ДЕМИРЧЯН Карен — **26**
 ДЕМУРЯН Авет — **59**
 ДЖАБРАИЛОВ Исмаил — **66**
 ДЖАФАРОВ Узеир — **158**
 ДЖАФАРОВ Эдуард — **111**
 ДЯРГАХЛЫ Вагиф — **158**
 ЕВСТАФЬЕВ Михаил — **121, 122**
 ЕЛЬЦИН Борис — **50**
 ЗАКАРЯН Арам — **73**
 ЗАХАРЯН Арам Эдуардович — **153**
 ЗИНЕВИЧ Анатолий — **33, 37**
 ИБИШОВ Казым — **171**
 ИМАНОВ Беюккиши Агалар оглу — **8**
 ИСМАИЛОВ Надир — **16**
 ИСМАЙЛОВ Айдын — **82**
 ИСМАЙЛОВ Тофик — **8**
 ИШХАНЯН Рузанна — **68**
 КАЗЫМОВ Тельман — **16**
 КАРАПЕТЯН Бакур — **27**
 КАРАПЕТЯН Самвел — **102**
 КАРАХАНЯН Беник — **71**
 КАСЫМОВ Зульфи — **115**
 КЕРИМЛИ Керим — **77**
 КОЧАРЯН Роберт — **28, 34, 36, 73**
 КРПЕЯН Т. — **164**
 ЛАЗАРЕВИЧ Леонид — **47, 80, 153**
 ЛЕБЕДЬ В., полковник — **45**
 ЛИПАРИТЯН Жирайр — **37**
 ЛЫСИКОВ Павел — **50**
 МАГЕРРАМОВ Асиф — **9**

- МАМЕД Гатыр — 9
МАМЕДОВ Мансур — 125
МАМЕДОВ Муса — 113
МАМЕДОВ Ханлар — 16
МАМЕДОВ Эльман — 13, 14
МАМЕДОВ Этибар — 88
МАНГАСАРЯН Рубен — 64, 84
Маргарит, снайпер — 32
МАРТИРОСЯН Сурен — 107, 108
МАРУТЯН Норайр Юрьевич — 27, 153, 154
МЕЛИКОВ Рамиз — 87
МЕЛИК-ШАХНАЗАРЯН Левон — 18, 19
МЕЛКОНЯН Монте — 22, 103
МЕХАКЯН Мехак — 33
МЕХТИЕВ Алисафа — 158
МЕХТИЕВ Рамиз — 87
МИЛЛЕР Алина — 50
МИЛЛЕР Олег — 50
МИРЗОЕВ Осман Мирзагусейн оглу — 79, 154
МИРЗОЕВ Ширин — 13
МКРТЧЯН Артур — 19
МКРТЧЯН Вадим — 158, 159
МНАЦАКАНЯН,
заместитель начальника аэропорта «Эребуни» — 27
МОВСУМЛУ Сеидага Файя оглу — 12, 14, 87
МУАЛЛИМ Фахраддин — 99
Муса, чеченец — 63
МУСАЕВ Шахин — 91
МУСТАФАЕВ Али Мустафа оглу — 154
МУСТАФАЕВ Чингиз Фуад оглу — 8, 79, 89, 90, 115, 116, 155
МУТАЛИБОВ Аяз — 15, 45
НАГИБИН Ю. — 170
НАГИЕВ Гахраман Наги оглу — 92
НАРИМАНОГЛУ Мамед — 99
НАСИРОВ Адиль — 159
НЕВЗОРОВ Александр — 65, 109, 149
НЕЧАЕВ Евгений — 41
НУРИЕВА Севиль — 171
ОВЯН Вардгес — 72
ОВАНЕСЯН Максим — 26
ОГАНЕСЯН Вардан — 164–171
ОГАНОВ Рудик — 102

- ОРУДЖЕВ Везир — 16
 ОСИПЬЯН Петр — 135, 140, 141
 ПАНФИЛОВ Олег — 6
 ПЕТРОСЯН Давид — 6, 163, 171
 ПЕТРОСЯН Алвард — 26
 ПЕТРОСЯН Георгий — 33, 128
 ПЕТРОСЯН Марсель — 31, 68
 ПИЛЯГИН Евгений — 40
 ПИСАРЕНКО Дмитрий — 27, 65, 101
 ПОГОСЯН Жирайр — 33
 ПОЛЯНИЧКО Виктор — 9, 46, 80
 ПРИМАКОВ Евгений — 36
 РАГИМОВ Мисир — 15
 РЗАГУЛИЕВ Хагани — 159
 РЗАЕВ Заур — 87, 93, 94, 98, 99
 РЗАЕВ Шахин — 6, 172
 РОМАНОВ Юрий — 111
 Рубен, ополченец — 61
 РУСТАМХАНЛЫ Сабир — 82
 САДЫГОВ Рза — 11
 САДЫХОВ Элхан — 15
 САЛАХОВ Огтай — 98
 САЛМАНОВА Садагет — 97
 САЛМАНОВА Шафагет — 97
 Самвел, ополченец — 62
 САМЕДОВА Ганифа — 96, 97
 САРКИСЯН Армен Кароевич — 73, 155
 САРКИСЯН Вазген — 33, 34
 САРКИСЯН Руслан — 70, 72, 160
 САРКИСЯН Серж — 32, 102, 105
 САФОНОВ В. — 151
 СЕЙНИ Эльнур — 14
 Сердак, ополченец — 66
 СИМОНЯН Гагик — 27
 СОКОЛОВ, генерал — 166, 167
 СОЛОВЬЕВ Андрей — 130
 СОЛОЩЕНКО Геннадий — 41
 СТУДЕНКИН Петр — 41
 СУЛЕЙМАНЗАДЕ Мезахир — 12, 14, 143
 СУЛЕЙМАНОВ Махир — 142
 Тарас, ассистент оператора — 108
 Тахмасиб, ополченец — 126

- ТЕР-ПЕТРОСЯН Левон — **31, 34, 37, 52**
ТЕР-ТАЛЯН Ануш — **33**
ТКАЧЕВ Владимир — **48**
УЛУБАБЯН Вардгес — **74, 160, 161**
УСУБОВ Рамиль — **80**
ХАМЕЛЬЯНИН Геннадий — **130**
ХАНЛАРОВ Маис Гаджи оглу — **8**
ХУМАРЯН Корюн — **27**
ЧИЗОЛМ Стюарт — **6**
ШАТАЛИН Юрий — **42-44**
ШАФИЕВ Надир — **171, 172**
ШАХБАЗОВ Фахраддин — **79, 155**
ШАХВЕРДЯН Сергей — **35**
ШАХМАРОГЛУ Эльджан — **82**
ШАХМУРАДЯН Самвел — **26**
ШИШКОВ Николай — **121, 122**
ШЕРБИНИН Борис — **48**
ЭЛЬВЮСАЛ Идаят — **14, 143**
ЭЛЬЧИБЕЙ,
экс-президент Азербайджана — **96**
ЭМИНБЕЙЛИ Эмин — **146**
Юра, сотрудник ГРУ — **169**
ЯКОВЛЕВ Александр — **64**

Указатель СМИ

- 215 КЛ**, телестудия — 155, 157, 159
525-й газет, газета — 158, 159
600 секунд, телепрограмма — 149
7 гюн, газета — 146
- A1**, телекомпания — 101, 107
AFP, агентство (см. также **France Press**) — 84
ARD, телекомпания — 164
Aera, журнал — 84
ANS, телекомпания — 171
Associated Press, агентство (см. также **AP**) — 75, 84
BBC, телерадиокорпорация — 75
Bussiness Week, газета — 84
CBS, телекомпания — 164, 168-170
CNN, телекомпания — 75, 111, 131-133
CNN International, телекомпания — 111
Focus, журнал (см. также «**Фокус**») — 84
Le Figaro, газета — 84
L'Express, журнал — 84
Los Angeles Times, газета — 84
Moscow News, газета — 84
New York Times, газета — 75
Newsweek, журнал — 84
Paris Match, журнал — 84
Politiken, газета — 84
Radio France International, радиостанция — 75
Stern, журнал — 84
The Boston Globe, газета — 84
The Guardian, газета — 84
Time, журнал — 84
Washington Post, газета — 75, 84
- Авангард**, газета — 26
Агдере, газета — 99
Адабийят вэ Инджэсжэнет, газета — 93
Азадлыг, газета — 158, 159
Азат Арцах, газета (см. также «**Свободный Арцах**») — 68, 160
Азатамарт, газета — 27, 153
Азг, газета — 26
Азербайджан гянджляри, газета — 159
Азербайджан ордусу, газета — 11
Азеринформ, агентство — 14, 26

- Ай зинвор**, газета (см. также «*Армянский воин*») — 53
Айастани Анрапетутюн, газета — 34
Айк, газета — 24, 26, 28, 31, 33, 34
Айк, радиoproграмма — 24, 34
Айоц ашхар, газета — 18
АПН, агентство — 85, 164-166, 168
Аравот, газета — 34
АРКА, агентство — 59
Арменпресс, агентство — 26
Армянский воин, газета — 31
Ариах, газета — 70
Ассошиэйтед Пресс, агентство (см. также *Associated Press*) — 111
АТВ, телекомпания — 108
Баку, газета — 146
Вести, телепрограмма — 75, 101, 102, 107, 108
Ветеран, газета — 11, 156
Военная сила, телепрограмма — 31
Военные знания, журнал — 158
Время, газета — 35
Время, телепрограмма — 69, 75
Вышка, газета — 154
Гарабаг, газета — 80, 82, 83
Гарун, журнал — 26
Голос Армении, газета — 26
Гоямарт, телепрограмма — 73, 74, 160
Гракан терт, газета
Гянджлик, газета — 77, 156
Гянджлик, журнал — 159
Джраберд, газета — 154
Енилик, газета — 92-94, 97-100
Еркир, газета — 18, 27, 52
Журналист, газета — 154
Звезда, газета — 152
Зеркало, газета — 154
Зинвор, газета — 154
Известия, газета — 25, 41
Ики сахил, газета — 11, 13
Иравунк, газета — 26
ИТАР-ТАСС, агентство — 130
Карабах, газета — 7-9
Комсомольская правда, газета — 26, 41, 43, 152
Красная звезда, газета — 41, 43
Крисчен сайенс монитор, газета (см. также *Christian Science*)

Monitor)

- Мардакерт**, газета — 99
Мартик, газета — 74
Маяк, радиостанция — 46, 47, 79, 153
Милостивые государи, газета — 152
Молодая гвардия, газета — 152
Молодежь Азербайджана, газета — 17, 79, 151, 154
Московские новости, газета — 59, 63, 64, 75
Мухалифат, газета — 159
На боевом посту, журнал — 39, 41
«Новое время», газета — 35
НТВ, телекомпания — 65, 75, 101, 110
Правда, газета — 25, 26, 41, 43
Рейтер, агентство (см. также *Reuters*) — 111, 130
Республике Армения, газета — 34, 36, 104
РИА «Новости», агентство — 39, 59, 130
Россия, газета — 39
РТР, телекомпания — 101, 107
Свобода, радиостанция — 79
Свободный Арцах, газета (см. также «Азат Арцах») — 36
Сельский час, радиопрограмма — 153
Сипа пресс, агентство (см. также *Sipa Press*) — 130
Собеседник, газета — 75
Советакан Карабах, газета — 78
Советский Карабах, газета — 26, 78, 160, 162
Спейс, телекомпания (см. также *Space*) — 171
Сэхэр, газета — 11-16, 83, 90, 142-144
Сэхэр, телепрограмма — 172
Тасеррорд наанг, газета — 68
ТАСС, агентство — 39, 41-43, 45, 46, 51
Телестудия МВД России — 39
Труд, газета — 41
Унсийят, газета — 78
Фадаи, газета — 159
Фокус, журнал (см. также *Focus*) — 79
Франс Пресс, агентство (см. также *France Press*) — 121
Халг ордусу, газета — 156, 158
Хачен, газета — 72
Хорурдаин Карабах, газета — 163
Центральное телевидение — 26
Шуша, газета — 77, 78, 81, 82
Юманите, газета (см. также *L'Humanite*) — 93

Список географических названий

Агдабан
Агдам
Агдер
Агдеринский
Акоп Камари
Аскеранский
Ашагы Вейсалли
Бейлаганский
Бовруханская (Бовурханская)
Ванг (Ванк)
Варденисский
Гаджар
Гадрут
Гадрутский
Галадереси (Бердазор)
Гаракенд (Бердашен)
Горис
Горисский
Губадлинский
Губадлы
Гюлистан
Дашалты (Карин так)
Джебраильский район
Джибишли, село
Дрымбон (Дрмбон)
Дудукчи
Дыг (Туг)
Евлах
Ехегнадзор
Зенгилян (Зангелан)
Зенгилянский (Зангеланский)
Кельбаджар (Карвачар)
Кельбаджарский (Карвачарский)
Кубатлы
Курапаткино
Кяркиджахан (Киркиджан)
Лачин
Лачинский
Ленинаван

Список географических названий

Магавуз
Мадагис (Матагис)
Малибейлу
Мардакерт
Мардакертский
Мартуни
Мартунинский
Матагис
Мехмана
Мешшен
Минкенд
Муганлы
Муровский
Гайгы
Сарсангская
Серсенгское (Сарсангское)
С□юлду
Степанакерт (Ханкенди)
Тертер
Тертерский
Физулинский
Ханкенди (Степанакерт)
Харами
Ходжавенд
Ходжавендский
Ходжалы
Храморт
Чайговушан
Чапар
Чарактар (Чаректар)
Чдран
Шаумянский
Шуша (Шуши)
Эдиллу
Юхары Яглывенд

Журналисты на войне в Карабахе

Художник ***В. Тё***

Компьютерная верстка ***Л. Буренкова***

Корректор ***М. Денисова***

ИД № 02184 от 30.06.2000

Подписано в печать 20.04.2002. Формат 60x90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Права человека»,

119992, Москва, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано на фабрике офсетной печати

г. Обнинск, ул. Королева, 6